

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 3 (105) июль – сентябрь 2021 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Комитетом РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 3 (105) July – September 2021

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder
Federal State Institution
“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

<i>Основные вехи жизни и творчества Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881)</i>	9
Андрианова И.С. Рукописное наследие Достоевского: систематизация и описание.....	11
Есаулов И.А. Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского	25
Тарасова Н.А. Проблемы текстологии и поэтики романов Ф.М. Достоевского («Преступление и Наказание», «Бесы», «Подросток»)	36
Кибальник С.А. Достоевский и Россия (в прошлом, настоящем и будущем)	51
Фокин П.Е. «Московский дом Достоевского»: новая жизнь легендарного литературного музея	59

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ЭКОНОМИКА

Александров Г.А., Вякина И.В., Скворцова Г.Г. Устойчивое развитие территории и инвестиционная привлекательность предприятий: логика взаимосвязи	71
--	----

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Сыров В.Н., Аникин Д.А., Головашина О.В., Овчинников А.В. Динамика конструирования исторических травм: методологические основания анализа социально-политического контекста проблемы	82
Тимошина Е.В., Васильева Н.С., Кондуров В.Е., Краевский А.А. Три царства права: теоретические модели действительности и действенности права	93

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кузнецова О.А. Любовь Дмитриевна Блок в поисках призвания	105
Галунова С.Н. Иконописное наследие Русского Севера XVII–XVIII веков: взаимосвязь духовного состояния общества и художественной эволюции иконописания	117

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Беляев Л.А.**
Работы Иерихонской археологической экспедиции: 2019–2021 137

МИР КНИГИ РФФИ

- Кондрашин В.В.** —
Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин.
М.: Политическая энциклопедия, 2021 154

TO THE 200TH ANNIVERSARY FROM THE BIRTH OF F.M. DOSTOEVSKY

- The main milestones in the life and work
of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky (1821–1881)* 9
- Andrianova I.S.**
Dostoevsky's Handwritten Legacy: Systematization and Description 11
- Esaulov I.A.**
Analysis, Interpretation and Understanding as Methodological Approaches in the Research
on Dostoyevsky Heritage 25
- Tarasova N.A.**
The Novel Creativity of Feodor Dostoevsky: Problems of Textual Criticism and Poetics 36
- Kibalnik S.A.**
Dostoevsky and Russia (In the Past, Nowadays, and in the Future) 51
- Fokin P.E.**
The Moscow House of Dostoevsky: The New Life of the Legendary Literary Museum 59

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

ECONOMICS

- Alexandrov G.A., Vyakina I.V., Skvortsova G.G.**
Sustainable Development of the Territory and Investment Attractiveness of Enterprises:
The Logic of Interconnection 71

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

- Syrov V.N., Anikin D.A., Golovashina O.V., Ovchinnikov A.V.**
Dynamics of Constructing Historical Traumas: Methodological Foundations for Analyzing
the Socio-political Context of the Problem 82
- Timoshina E.V., Vasilyeva N.S., Kondurov V.E., Kraevsky A.A.**
Three Realms of Law: Theoretical Models of Legal Validity and Efficacy 93

PHILOLOGY. ART CRITICISM

- Kuznetsova O.A.**
L.D. Blok in Search of her Vocation 105
- Galunova S.N.**
Icon Painting Heritage of the Russian North of the 17th and 18th Centuries:
The Relationship Between the Spiritual State of Society and the Artistic Evolution of Icon Painting
(Main Approaches and Prospects for Scientific Research) 117

FIELD RESEARCH

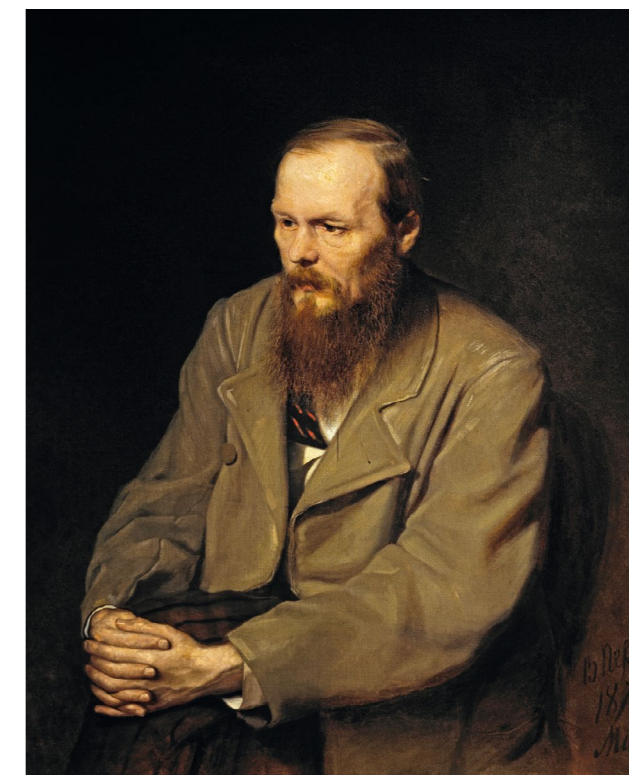
Belyaev L.A.

Work of the Jericho Archaeological Expedition: 2019–2021 137

THE RFBR BOOK WORLD

Kondrashin V.V. —

Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia: In 3 volumes / Ed. A.K. Sorokin. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. Vol. 1–3 154

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В. Перов. Портрет Ф.М. Достоевского

*Основные вехи жизни и творчества
Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881)*

1821, 30 октября (11 ноября н. ст.), Москва. В семье врача Московской Мариинской больницы для бедных родился Фёдор Михайлович Достоевский, отец — Михаил Андреевич, мать — Мария Фёдоровна (урождённая Нечаева).

1820–1830-е годы, Москва. Домашнее воспитание и образование. Семейные чтения книг. Летние каникулы в Даровом. Обучение в пансионе Драшусовых (1832), позже в пансионе Чермака (1833–1837).

1837, 27 февраля. Смерть М.Ф. Достоевской. В мае переезд в Петербург.

1837–1843, Петербург. Учёба в Инженерном училище.

1839, 6 июня, Даровое. Смерть отца.

1843, август – 1845, 5 апреля, Петербург. Служба в С.-Петербургской инженерной команде.

1844, июнь – июль, Петербург. В журнале «Репертуар и Пантеон» опубликован перевод Д. романа Бальзака «Евгения Гранде».

1845, конец мая, Петербург. Д.В. Григорович, Н.А. Некрасов, В.Г. Белинский, прочитав роман «Бедные люди», провозгласили Д. «гением», «новым Гоголем». Начало литературной деятельности.

1848, сентябрь – 1849, апрель, Петербург. Д. посещает «пятницы» М.В. Петрашевского.

1849, 23 апреля, Петербург. Арест Д. по делу Петрашевского. Следствие, суд. 22 декабря казнь на Семёновском плацу.

1850–1854, Омск. Пребывание в Омской каторге. «Перерождение убеждений».

1854–1859, Семипалатинск. Служба рядовым, унтер-офицером, прапорщиком в Сибирском 7-м линейном батальоне.

1859. Отставка с военной службы по болезни, публикация повести «Дядюшкин сон», романа «Село Степанчиково и его обитатели», переезд из Сибири в Тверь, в декабре – в Петербург, возвращение в литературу.

1860–1865, Петербург. Издание журналов «Время» и «Эпоха», публикация «Записок из Мёртвого Дома», романа «Униженные и оскорблённые», «Записок из подполья», почвенничество как литературная и идейная программа журнализма Д.

1865–1866, Петербург. Работа над романом «Преступление и Наказание».

1866, 4 октября, Петербург. А.Г. Сниткина знакомится с Д., который в течение месяца диктует ей роман «Рулетенбург» («Игрок»). 30 октября в день рождения Д. работа завершена.

1867, 15 февраля, Петербург. Венчание Д. и А.Г. Сниткиной в Троицком (Измайловском) соборе.

1867, 14 апреля, Петербург. Отъезд за границу (по сути дела, бегство от кредиторов).

1867–1870, Женева, Милан, Флоренция, Дрезден. Работа Д. над романами «Идиот», «Бесы».

1871, 8 июля. Возвращение в Петербург.

1871, декабрь – 1872, ноябрь. Конфликт с редакцией журнала «Русский Вестник» из-за отказа печатать главу «У Тихона».

1872, конец апреля – первая половина мая, Петербург. Д. позирует художнику В.П. Перову для портрета, заказанного П.М. Третьяковым.

1872, 20 декабря – 1874, 22 апреля. Редактирование Д. еженедельника «Гражданин». Открытие нового жанра – «Дневник Писателя».

1875–1880, Петербург, Старая Русса. Творческая работа над романом «Подросток», «Дневником Писателя» (1876–1877, 1880), романом «Братья Карамазовы».

1877, 29 декабря. На торжественном годовом собрании Академии наук Д. избран членом-корреспондентом.

1880, 8 июня, Москва. Речь Д. о Пушкине на заседании Общества любителей российской словесности.

1881, январь, Петербург. Возобновление «Дневника Писателя». Предсмертная болезнь. Выход январского выпуска «Дневника Писателя» за 1881 г.

28 января (9 февраля н. ст.), 20 часов 34 минуты, Петербург. Смерть Д.

1 февраля, 10 часов утра, Петербург. Литургия в церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Погребение тела Д. на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Индекс УДК 003+930.25
Код ГРНТИ 17.81.31
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-11-24

И.С. АНДРИАНОВА*

Рукописное наследие Достоевского: систематизация и описание

В статье представлено новое систематизированное описание всех известных на сегодняшний день автографов Ф.М. Достоевского, подготовленное к печати в честь его 200-летия коллективом Петрозаводского университета и Литературно-мемориального музея писателя в Санкт-Петербурге, охарактеризована работа над ним. Необходимость полного научного описания автографов Достоевского назрела в начале XX в., решалась в советское время («Описание рукописей Ф.М. Достоевского» под ред. В.С. Нечаевой, 1957 г.), но достоеведение с тех пор активно развивалось, и сегодня эта задача особенно актуальна. За время, прошедшее после выхода *Описания* 1957 г., изменились названия большинства архивов, места хранения некоторых документов, были обнаружены не учтённые ранее автографы писателя, установлены или уточнены датировки ряда писем, проведена атрибуция многих документов и автографов. Новое научное описание рукописного наследия писателя (записных книжек и тетрадей, рукописей произведений, личных и деловых писем и бумаг, дарственных надписей и др.) призвано решить задачу систематизации всех основных актуальных данных об автографах Достоевского (их хранении, составе, содержании, первых публикациях). Став путеводителем по фондам писателя, оно явится стимулом для дальнейшего развития науки о Достоевском.

Ключевые слова: Достоевский, рукописное наследие, автограф, архив, фонд, единица хранения, атрибуция, текстология

Рукописное наследие Достоевского, хранящееся в архивах и музеях Российской Федерации, Казахстана, Чехии, Великобритании, Франции, Швейцарии, США и некоторых других стран, собрано и сохранено усилиями многих людей. Первым хранителем и собирателем автографов писателя стала его жена

Анна Григорьевна (1846–1918), которая занималась планомерным формированием архива мужа вплоть до своей смерти. В годы Гражданской войны её собранию был нанесён непоправимый ущерб: в 1920 г. была похищена и пропала самая ценная часть её собрания: рукописи романов «Бесы», «Подросток», «Братья

* **Андреанова Ирина Святославовна** — кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией Института филологии Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), заведующая сектором научных электронных журналов ПетрГУ, руководитель проекта «Рукописное наследие Ф.М. Достоевского: систематизация, исследование, описание» (18-012-90028).
E-mail: yarysheva@yandex.ru

Карамазовы»¹. В настоящее время основными хранилищами рукописей Достоевского и документов его семьи являются Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, фонд 93), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ, фонд 212) и Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ, фонд 100). Однако тремя известными архивохранилищами фонды документов Достоевского не исчерпываются. Отдельные материалы хранятся в Москве: в Государственном архиве Российской Федерации, Отделе рукописей Государственного музея истории русской литературы им. В.И. Даля, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Российском государственном военно-историческом архиве и др.; в Санкт-Петербурге: в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Российском государственном историческом архиве, Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского и др.; в архивах Великого Новгорода, Саратова, Твери, Тулы, Тобольска, Симферополя. Кроме того, известно более десяти зарубежных архивохранилищ, в которых находятся автографы писателя.

Такая разбросанность по всему миру рукописей Достоевского создаёт дополнительные сложности для работы исследователей жизни и творчества писателя, ставит проблему сохранения его рукописного наследия. Объединение всех частей разбросанного архива писателя возможно только в специальном издании, подготовленном для исследователей его жизни и творчества. Новые возможности открывают информационные технологии,

позволяющие создавать универсальные цифровые архивы, объединять в виртуальном пространстве ресурсы архивов и библиотек разных стран. Такие работы ведутся в Петрозаводском государственном университете (ПетрГУ), Институте русской литературы (ИРЛИ РАН), Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля (ГМИРЛИ), International & North American Dostoevsky Societies (IDS и NADS).

Почему существующие описания рукописей Достоевского сегодня устарели

Необходимость полного научного описания автографов Достоевского назрела давно, актуальна эта задача и сегодня. Первым архивистом писателя стала его вдова, которая подготовила описание его избранных автографов в одном из разделов «Библиографического указателя сочинений и произведений искусства Ф.М. Достоевского» [1], составила рукописный свод писем мужа и корреспондентов к нему, использовала подготовительные материалы к роману «Бесы» в «юбилейном» Полном собрании сочинений писателя (1904–1906). В 1957 г. друг за другом были выпущены два описания рукописей Ф.М. Достоевского: описание архивных материалов писателя, хранящихся в РО ИРЛИ, выполненное сотрудниками этого научного учреждения Б.Н. Капелюш и Т.В. Гармашевой², и полное «Описание рукописей Ф.М. Достоевского», вышедшее под редакцией В.С. Нечаевой³. Эти труды уже более полувека являлись главными научно-справочными изданиями при исследовании жизни и творчества Достоевского, при публикации собраний его сочинений, но к настоящему времени

устарели. Так, неактуален принятый в *Описании* 1957 г. принцип описания рукописей по тематическим записям (а не как отдельных, самостоятельных единиц); за время, прошедшее после выхода описаний 1957 г., изменились названия и аббревиатуры большинства архивов, места хранения некоторых документов, были обнаружены новые, не учтённые ранее автографы писателя, установлены или уточнены датировки ряда писем, проведена атрибуция многих документов и автографов.

Новое описание рукописей Достоевского (2021)

Задачу систематизации всех основных актуальных данных об автографах Достоевского (их хранении, составе, содержании, первых публикациях) призвано решить новое научное описание рукописей писателя, подготовленное к публикации в рамках проекта РФФИ № 18-012-90028 «*Рукописное наследие Ф.М. Достоевского: систематизация, исследование, описание*» (2019–2021) коллективом из Петрозаводского университета (к.филол.н. И.С. Андрианова, к.филол.н. М.В. Заваркина, Т.В. Панюкова, Е.Н. Вяль, к.филол.н. Л.В. Алексеева, О.А. Сосновская) и Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге (д.филол.н. Б.Н. Тихомиров).

Многолетняя работа петрозаводских текстологов в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода и других городов позволила создать на базе Петрозаводского госуниверситета уникальный цифровой архив Достоевского, в котором собраны копии его рукописей и документов. В течение 20 лет коллектив осуществлял расшифровку рукописей Достоевского и писем его корреспондентов, пользуясь высококачественными цифровыми копиями этих материалов. Это собрание копий автографов и их расшифровок способствовало появлению нового описания и существенно облегчило работу над его составлением.

В основе нового описания — рукопись Достоевского как отдельная архивная единица, *единый документ* в авторской последовательности (несмотря на то что он часто содержит разновременные и политематические записи). Такой принцип описания облегчает исследовательский поиск и позволяет не потерять из виду существенные части рукописи.

Архивные материалы в настоящем описании разбиты на 10 разделов: «Записные книжки и тетради», «Рукописи произведений», «Записи в альбомах», «Записи на отдельных листах», «Записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью», «Письма», «Официальные письма и деловые бумаги», «Записи и пометы на книгах и письмах», «Дарственные надписи на книгах и фотографиях», «Шуточные стихи в записях А.Г. Достоевской».

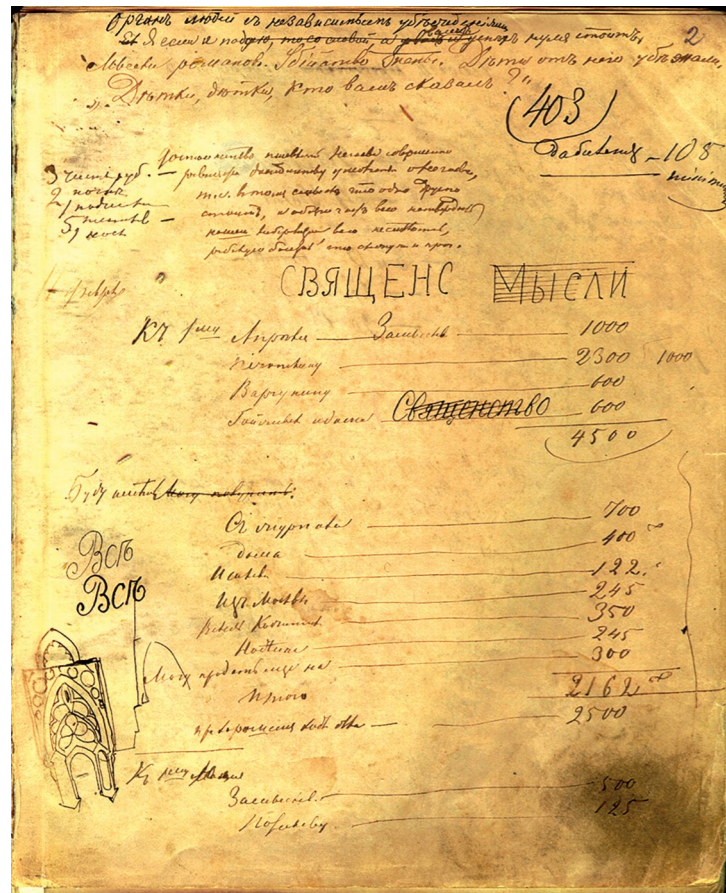
Описание записных книжек и тетрадей Достоевского

Открывает новое описание рукописей Достоевского раздел «*Записные книжки и тетради*». Их Фёдор Михайлович вёл регулярно в течение двух последних десятилетий своей жизни, и они содержат подготовительные материалы к ключевым произведениям писателя (романам «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы»). Учитывая то, что беловые и черновые автографы романов «Бесы» (3-я часть) и «Подросток» утрачены, — это неоценимый источник, дающий исследователям материал об эволюции мировоззрения писателя, об идейном замысле и творческой истории произведений, о формировании его стиля. Кроме того, на страницах записных книжек и тетрадей Достоевского сохранились неосуществлённые замыслы, черновики некоторых писем, записи литературного и литературно-критического характера, автобиографические и связанные с редакторской и издательской деятельностью записи, а также многочисленные заметки

¹ Историю формирования архива Достоевского см.: [2, 8, 9, 10, 11].

² См.: [3]. Далее — *Бюллетени*.

³ См.: [12]. Далее — *Описание* 1957 г. Вера Степановна Нечаева (1895–1979) — доктор филологических наук, текстолог, главный библиотекарь отдела рукописей Библиотеки им. В.И. Ленина, создатель и первый директор Музея-квартиры Ф.М. Достоевского в Москве.

Ил. 1. Страница из записной тетради Достоевского 1872–1875 гг.

для памяти, деловые, хозяйственные записи и расчёты (ил. 1).

Сохранились три записные книжки и 16 рабочих тетрадей Достоевского за период с 1850-х по 1881 г. Записные книжки имеют карманный формат (размером примерно 13 на 8,5 см), хранятся в ОР РГБ; записные (или рабочие) тетради – это документы большего формата (размером примерно 20,9 на 17,2), хранятся в основном в фондах РГАЛИ (13 тетрадей), а также в ОР РГБ (3 тетради).

При описании каждой записной книжки и тетради даются указание на архивохранилище и шифр (фонд, опись, единица хранения)¹, приводится общее описание документа (§1), тематика и датировки (§2), содержание (§3), публикации полностью и частично (§4). Анализ

биографических данных и учёт историко-литературного контекста, а также новая расшифровка записных книжек и тетрадей позволили обосновать их более точные датировки и последовательность заполнения книжек и тетрадей.

В отдельный параграф вынесены все даты, встречающиеся в записных книжках и тетрадях. Проведено разграничение дат, относящихся к разным по характеру записям (даты, сопровождающие наброски к будущим романам; издательские и личные расходы; даты припадков; даты публикации статей, на которые обратил внимание писатель; цифры, которые являются датами, и пр.).

Внутри описания записных книжек и тетрадей каждая тематическая запись выделена отдельно: черновые наброски и подготовительные материалы художественных произведений, публицистические замыслы и наброски, неосуществлённые замыслы, записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью Достоевского (в периодических изданиях «Время» и «Эпоха», «Гражданин», «Дневник Писателя»), автобиографические записи (записи для памяти, записи адресов, фиксирование припадков и др.), а также расчёты и хозяйственные записи.

Составители нового описания рукописей не случайно отказались от таких разделов *Описания* 1957 г., как «Планы и наброски неосуществлённых произведений», «Записи литературного характера», «Записи автобиографического характера», «Записи для памяти». Это связано с тем, что большая часть этих записей содержится в записных книжках и тетрадях писателя.

¹ В описании материалов из ОР РГБ — фонд, раздел, картон, единица хранения.

Описание рукописей произведений Достоевского

Во втором разделе, «*Рукописи произведений*», в порядке алфавита заглавий размещены описания автографов художественных и публицистических текстов Достоевского. Сюда же включены 7 тетрадей, смонтированных А.Г. Достоевской из отдельных листов, вероятно, после смерти мужа¹. В них содержатся корректура к роману «Бесы» и рабочие материалы к «Дневнику Писателя» 1876, 1877, 1880, 1881 гг.

При характеристике записей использованы следующие обозначения:

- ♦ «наброски», «заметки», «записи», «конспекты», «план» – первоначальные

записи, не имеющие в основе связного текста;

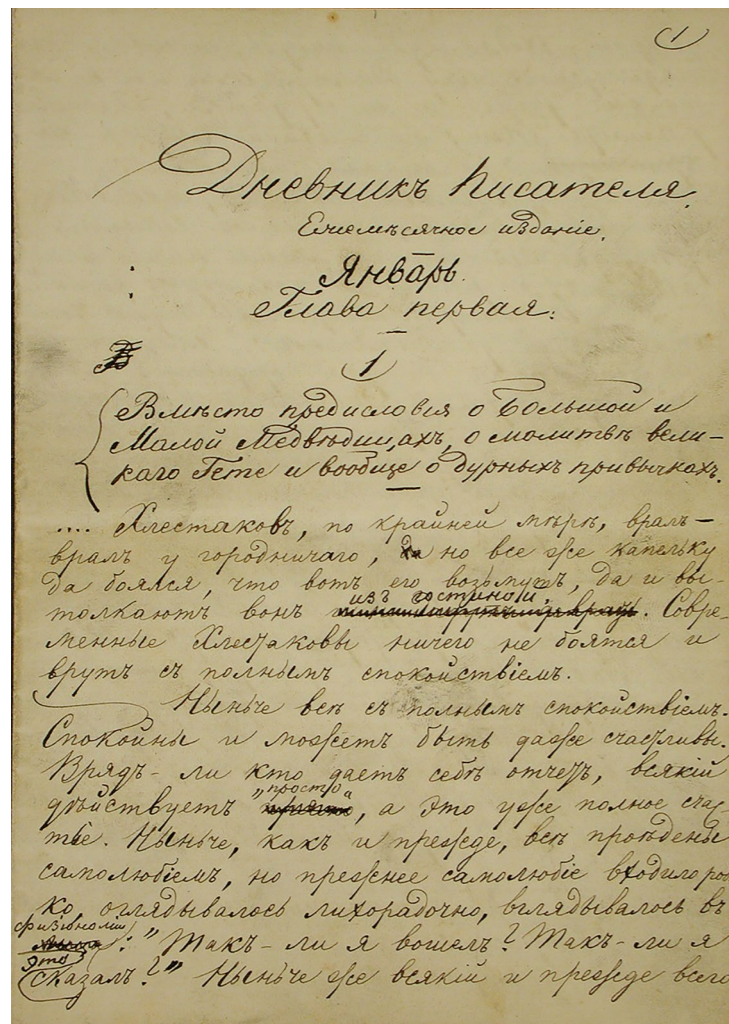
- ♦ «черновой автограф» – записи скорописью, имеющие в основе связный повествовательный текст, испещрённый большим количеством зачёркиваний, исправлений, вставок, условных авторских знаков, переходящих на поля и отражающих творческий процесс писателя (ил. 2);

- ♦ «автограф с правкой» – записи, представляющие собой связный повествовательный текст, изначально предполагавшийся как беловой, написанный чётким каллиграфическим почерком (самим Достоевским или Анной Григорьевной), но в который в итоге

Ил. 2. «Братья Карамазовы». Черновой автограф

¹ РГАЛИ. Ф. 212.1.10; ОР РГБ. Ф. 93.1.2.10, Ф. 93.1.2.12, Ф. 93.1.2.13, Ф. 93.1.2.15, Ф. 93.1.2.17; РНБ. Ф. 262. Ед. хр. 1. В *Описании* 1957 г. смонтированные А.Г. Достоевской тетради присоединены к описанию записных книжек и тетрадей Ф.М. Достоевского (кроме последней, содержание которой описано в разделе «Дневник Писателя» 1880 год).

Ил. 3. «Дневник Писателя» 1876 г. Автограф рукой А.Г. Достоевской с правкой Ф.М. Достоевского

были внесены авторские исправления (ил. 3);

- ♦ «беловой автограф» — переписанный набело Достоевским текст, не содержащий правки и предназначенный для чтения посторонними лицами;
- ♦ «гранки» — отгиски напечатанного материала на больших листах перед его публикацией для проверки и правки; на гранках содержится правка Достоевского («корректурa в гранках»)¹;
- ♦ «корректурa в вёрстке» — корректурa (правка) Достоевского на страницах сигнального экземпляра.

Среди сохранившихся рукописей Достоевского преобладают наброски и черновые автографы. Беловых автографов, не содержащих никакой правки, чрезвычайно мало — превалируют рукописи, обозначенные в описании как «автографы с правкой».

Помимо автографов Достоевского в этом разделе описаны стенограммы VI–XIII глав 12-й книги романа «Братья Карамазовы», первой главы «Дневника Писателя» за 1877 г. и первой и второй глав за 1881 г., а также фельетона «Тритон». Это отрывки произведений Достоевского, продиктованные им жене-стенографистке. В Описании 1957 г. стенографические рукописи учтены не были. Застенографированные главы «Братьев Карамазовых» и «Дневника Писателя» расшифрованы в 1950–1960-е гг. Ц.М. Пошеманской. Стенограмма фельетона «Тритон» выявлена и расшифрована И.С. Андриановой и О.А. Сосновской (ил. 4).

В особый раздел выделены записи Достоевского в альбомах О.А. Милюковой (1860), Ф.Г. Загуляевой (1860), О.А. Козловой (1873). Запись О.А. Козловой отражена в черновой и беловой редакциях.

В раздел «Записи на отдельных листах» включены неосуществлённые замыслы, планы и наброски, записи для памяти, а также адреса и расчёты, не вошедшие в тетради и записанные на разрозненных листах.

В следующем разделе проаннотированы записи на отдельных листах, связанные с редакторской и издательской деятельностью Достоевского, прежде всего с изданием журналов «Время»

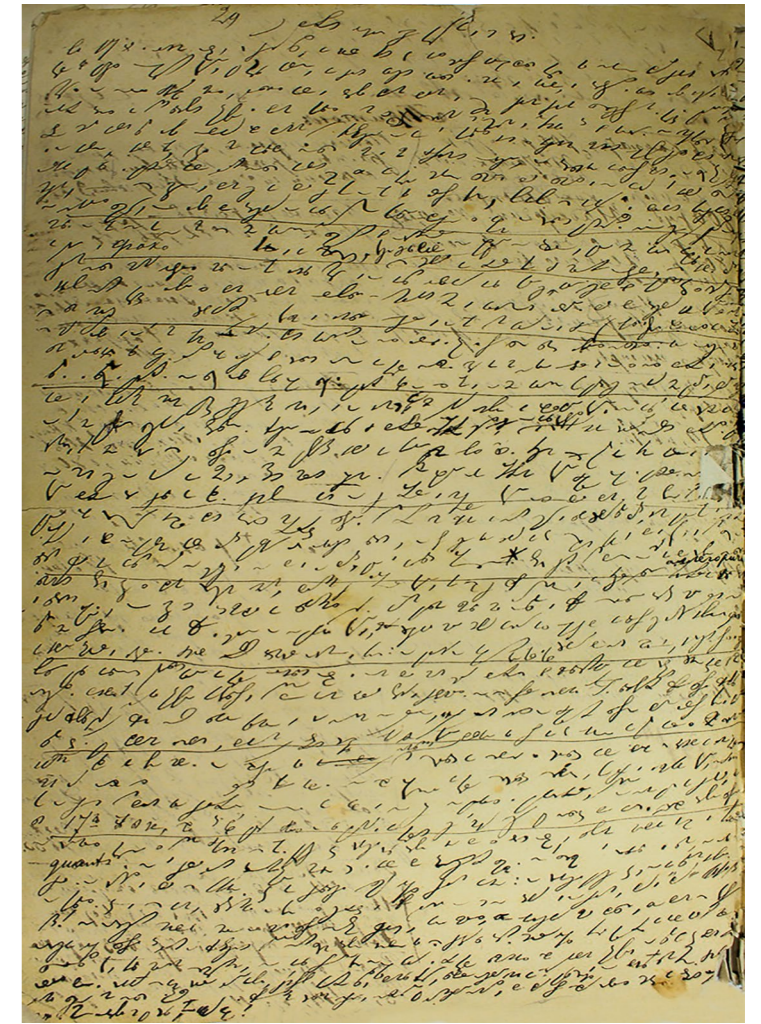
и «Эпоха», еженедельника «Гражданин», с публикацией «Дневника Писателя».

Описание писем Достоевского

Раздел «Письма» по количеству описанных в нём автографов Достоевского (около 1000) является самым большим. Принцип описания эпистолярного наследия отличается от описания других рукописей писателя. Письма Достоевского расположены по алфавиту фамилий адресатов, а письма, адресованные одному лицу, — в хронологическом порядке.

Описание письма начинается с указания года, месяца, дня его написания, а также мест отправления и назначения. В случае расхождения авторской датировки письма и датировки эпистолярного документа исследователями, вызванного ошибкой памяти писателя или его затруднениями при переводе со старого стиля на новый, указаны обе даты. В конце описания сделаны ссылки на труды, в которых представлены обоснования для уточнения даты (ил. 5).

В новое описание рукописей Достоевского включено более 90 не учтённых в Описании 1957 г. эпистолярных автографов: это как упущенные коллективом В.С. Нечаевой документы, так и письма, найденные после 1950-х гг., в том числе — автограф знаменитого письма к Н.Д. Фонвизинной, датированного 20-ми числами февраля 1854 г. (ил. 6), а также копия письма от 22 декабря 1849 г., написанного М.М. Достоевскому из Петропавловской крепости после гражданской

Ил. 4. Стенограмма фельетона «Тритон»

казни над петрашевцами. Эта копия была сделана самим писателем и хранилась в каторжном Евангелии, а позже в архиве его внука А.Ф. Достоевского¹. Кроме того, в составе описания — копии писем рукой А.Г. Достоевской, а также письма, автографы которых были утеряны после их публикации. Некоторые рукописи, известные по копиям, описаны по обнаруженным автографам: письма великому князю и цесаревичу Александру Александровичу, А.М. Достоевскому, А.П. Сусловой, А.П. Милюкову и др.²

Обращение к автографам, детальный контекстный анализ, привлечение

¹ Исключение составляют гранки главы «Старина о Петрашевцах», которая была запрещена цензурой. Гранки сохранились среди документов С.-Петербургского Цензурного комитета (РГИА. Ф. 777. Оп. 3, 1875 г. Ед. хр. 69. Л. 9 об. – 10).

¹ Оригинал письма хранится в ОР РГБ (Ф. 93.1.6.13), копия — в ЦГАЛИ СПб (Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 132).

² РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 73–73 об.; РГАЛИ. Ф. 212.3.25; ГА РФ. Ф. 95.1.46; РГАЛИ. Ф. 2580. Оп. 1. Ед. хр. 22.

справочных источников позволило уточнить или исправить многие приблизительные или ошибочные датировки писем, места отправления и получения корреспонденции, атрибуцию: по штемпелям установить принадлежность кон-

вертов определённым письмам. Устранены имевшиеся в *Описании* 1957 г. ошибки в шифрах документов и в подсчёте листов.

В исследовании отражена, по возможности, история бытования рукописей:

Письма Ф. М. Достоевского | 411

**Сусловой (в 1-м браке Эрисман, во 2-м — Голубевой)
Надежде Прокофьевне**

1865, 19 апреля, <понедельник>.

Из Петербурга. <В Цюрих.>

«Любезнейшая и уважаемая мною Надежда Прокофьевна, Прилагаю къ этому письму къ Вамъ письмо мое къ Аполинару...».

Автограф: ГА Респ. Крым (быв. Крымский обл. гос. архив). Ф. 536 (Голубева А. Е., доктора медицины; Сусловой-Голубевой Н. П., доктора медицины). Оп. I. Д. 94. С. 403–405. 4 с.

Конверт с адресом: «Schweiz. Zürich. Plattenstrasse, № 165. Bei Frau Brändli, Fräulein Nad. Suslowa. Fluntern». На штемпелях: С. ПЕТЕРБУРГЪ 21 АПР. 1865, ZÜRICH 6 MAI 65, FLUNTERN 6 MAI 65.

Первая публикация: Петухов, 1928, 35–46.

Републикации: Письма, I, 403–405, № 222, 577–578 (примеч.; по копии с подлинника); ДЗО, т. 28 (2), 121–123, № 254, 419–420 (примеч.).

В *Описании* не учтено.

**Тимофеевой Варваре Васильевне
(псевд.: О. Починковская)**

Б. д. <1873, декабря 15–16, суббота — воскресенье.>

<Из Петербурга. В Петербург.>

«Многоуважаемая Варвара Тимофеевна¹. Особенно прошу васъ поправить эту статью...».

Автограф неизвестен.

Первая публикация: ИВ, 1904, № 2, 504.

Републикации: Письма, III, 90, № 460, 318 (примеч.; с датировкой: «конец 1873 г.»); ДЗО, т. 29 (1), 309, № 512, 521 (примеч.; обоснование датировки).

В *Описании* не учтено.

**Толиверовой Александре Николаевне
(псевд.: урожд. Сусоколова, в 1-м браке Тюфяева,
во 2-м — Якоби, в 3-м — Пешкова)**

Б. д. <1878, февраля после 8.>

<Из Петербурга. В Петербург.>

«Милостивая Государыня Александра Николаевна, Благодарю Васъ за присылку книжки».

Автограф: РО ИРЛИ. Отд. пост. № 5173. 2 л., 1 с. 20,8×13,4. На полях слева л. 1 помета карандашом рукой неуставленного лица: «Федор<ъ> Достоевск<ий>».

Ответ на письмо А. Н. Толиверовой от 8 февраля 1878 г.

Первая публикация: Письма, IV, 6, № 616, 345 (примеч.).

Републикация: ДЗО, т. 30 (1), 7–8, № 728, 262–263 (примеч.).

См.: *Описание*, 254.

¹ Ошибка Ф. М. Достоевского, нужно: Васильевна.

Ил. 5. Страница из нового научного описания рукописей Достоевского. Описание писем

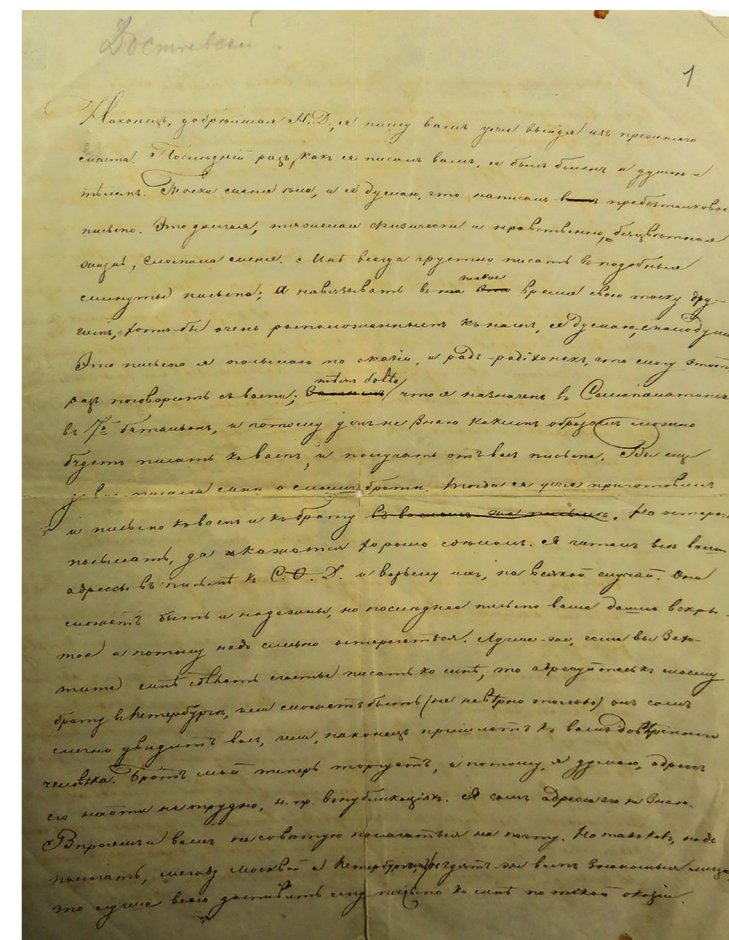
ряд автографов и документов поменяли своё место хранения после выхода *Описания* 1957 г., причём некоторые — неоднократно. Так, письмо Достоевского к Ю.Ф. Абазе от 15 июня 1880 г., хранившееся в ОР РНБ в фонде К.К. Владимировой (№ 56), было передано в ф. 150, № 525; письмо к М.В. Белинской от 5 января 1863 г. несколько раз перемещалось внутри фондов РГАЛИ (было: Ф. 212.1.20, затем — Ф. 52.3.1, сейчас: Ф. 52.3.22); письма к О.Ф. Миллеру (РГАЛИ. Ф. 1380.1.19; было: Ф. 323.1.19), Н.А. Некрасову (ОР ИРЛИ. Ф. 202. Оп. 2. № 103; было № 28), С.В. Энгельгардт (РГАЛИ. Ф. 547.1.58; было: 212.1.52, 574.2.1) и другие поменяли архивные шифры.

В новом описании читатель найдёт указание на действительное место хранения и на шифр, который поможет ему отыскать подлинник интересующего письма.

Описание официальных документов и деловых бумаг Достоевского

Раздел «Официальные документы и деловые бумаги» содержит описание документов, полностью или частично написанных рукой Ф.М. Достоевского, либо написанных чужой рукой (писаря, А.Г. Достоевской, кн. В.П. Мещерского, других лиц), но содержащих подпись автограф писателя.

К категории официальных отнесены документы, отражающие отношения Ф.М. Достоевского с различными государственными институтами (III Отделением собственной Е.И.В. канцелярии, Следственной комиссией, Главным управлением по делам печати, С.-Петербургским Цензурным комитетом, канцеляриями С.-Петербургского или Новгородского губернаторов и т.п.) или общественными организациями, а так-

Ил. 6. Страница письма Ф.М. Достоевского к Н.Д. Фонвизиной (февраль 1854 г.)

же представляющие собой обращения Ф.М. Достоевского (рапорты, прошения, докладные записки и т.п.) к тем или иным должностным лицам (от батальонного командира в Семипалатинске до императора Александра II) и преимущественно отложившиеся в архивных делах соответствующих государственных учреждений, организаций и проч. К этой же категории отнесены документы, написанные или подписанные Ф.М. Достоевским в качестве представителя общественной организации (секретаря Литфонда — Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным или члена Славянского благотворительного общества).

К категории «деловых бумаг» отнесены документы, регулирующие отношения Ф.М. Достоевского с отдельными

Ил. 7. Конверт от письма В.М. Каченовского к Ф.М. Достоевскому, полностью подписанный рукой адресанта, не содержащий помет адресата

лицами в юридической, коммерческой, финансовой и т.п. сферах (договоры, доверенности, расписки, подписи на векселях и проч.).

Документы, содержащие, кроме подписи Ф.М. Достоевского, подписи-автографы иных лиц, описаны под рубрикой «Коллективное».

Пометы Достоевского на книгах и письмах его корреспондентов

В следующем разделе зафиксированы пометы Достоевского на книгах (на печатных оттисках романа «Братья Карамазовы» из «Русского Вестника», втором издании «Сказания» инока Парфения (1856), пятом издании «Униженных и Оскорблённых») и письмах его корреспондентов, а также на официальных документах. Многочисленные пометы Достоевского сохранились в Новом Завете (1823 г. изд.), подаренном ему в Сибири жёнами декабристов и бережно хранимом им до конца жизни. Все маргиналии, в том числе малозаметные, были описаны в 1999, 2010, 2017 гг. (см.: [5–7]).

Составителями учтены пометы на 109 письмах и конвертах корреспондентов Достоевского. Из этих записей большая часть сделана на корреспон-

денции 1870-х гг. от читателей «Дневника Писателя». Его автор не имел возможности отвечать на каждое из многочисленных читательских писем: это отвлекло его от работы, отнимало время, которого ему всегда остро не хватало. Некоторые адресанты Достоевского это понимали, но большинство ждало от него ответа и даже прилагало марки. Но, несмотря на нехватку времени, обилие работы, болезни, писатель старался не оставлять без внимания корреспонденцию читателей. На конвертах от писем, которые, по его мнению, нуждались в обязательном ответе, он делал пометы: «Отвѣтить священнику» (письмо священника С.И. Кедрова); «доктору отвѣтъ напечатанъ» (письмо В.В. Каверина); «отвѣтилъ» (письмо К.С. Константинова) и т.д. Записи и пометы Достоевского на полученных им письмах и конвертах расположены согласно алфавитному порядку фамилий корреспондентов писателя; завершают их перечень записи и пометы писателя на письмах неизвестных лиц, которые выстроены в хронологическом порядке.

В данный раздел добавлены семь записей Достоевского на официальных письмах и документах Литфонда. Часть помет, которые описаны в академическом Полном собрании сочинений как принадлежащие Достоевскому, пришлось исключить в силу ошибочности этого утверждения. Так, на конверте письма В.М. Каченовского от 9 января 1875 г. помета «Нужное» была неверно атрибутирована писателю [4: т. 30, кн. 2, с. 67] (ил. 7).

Дарственные надписи Достоевского на книгах и фотографиях

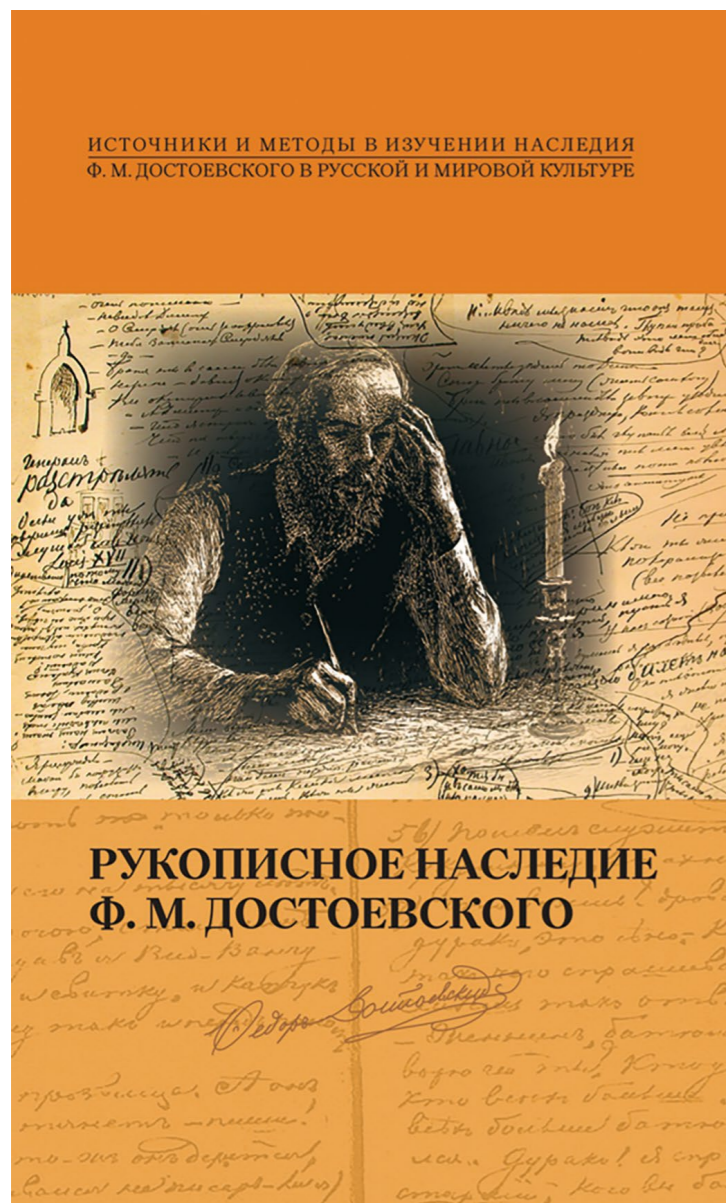
Раздел «Дарственные надписи на книгах и фотографиях» включает описания инскриптов Ф.М. Достоевского на книгах и фотографиях. Ввиду лаконичности дарственных надписей даётся полное

Ил. 8. Дарственная надпись рукой Ф.М. Достоевского на лицевой стороне фотографической карточки, подаренной Е.С. Фёдорову

воспроизведение автографа Достоевского. Вслед за этим приводится библиографическое описание книги с указанием, в какой её части помещён инскрипт (на обложке, титульном листе, шмуц-титуле и т.п.). Специально отмечается, если дарственная надпись сохранилась на отдельном листе, вырванном (вырезанном) из книги. В аннотации указываются краткие сведения об адресате

дарственной надписи, предположительная дата акта дарения (Ф.М. Достоевский как правило не датировал книжные инскрипты). Затем указывается первая публикация, публикация в академическом Полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского, факсимильное воспроизведение (если оно имело место). Завершается описание указанием на место хранения книги, содержащей

Ил. 9. Обложка нового описания рукописей
Ф.М. Достоевского

дарственную надпись. В описании инскриптов на фотографиях вместо библиографического описания книги сообщаются сведения о фотографии, на которой сделана дарственная надпись (фамилия и имя фотографа, место и время съёмки) (ил. 8).

Встречающиеся в Интернете электронные копии выставившихся на аукционах книг и фотографий Ф.М. Достоевского с дарственными и владельческими надписями, установить местонахождение которых в настоящее время не представляется

возможным, в описании не учитываются, поскольку имеются сомнения в их подлинности.

Шуточные стихи в записях А.Г. Достоевской

Заключительный, десятый, раздел описания содержит «Шуточные стихи в записях А.Г. Достоевской». Это коллективное творчество: шесть поэтических шуток, сочинённых супругами Достоевскими во время пребывания в Европе и записанных Анной Григорьевной на страницах её стенографического дневника 1867–1868 гг. — частично прописью, частично стенографически. В *Описание* 1957 г. эти записи не были включены, так как к тому времени они не были известны.

Новое описание рукописей Достоевского (ил. 9) завершается списком условных обозначений и списком использованной литературы, указателями произведений писателя, периодических изданий XIX в., названий учреждений и обществ, а также личных имён, упоминаемых в данной книге. Они должны помочь исследователям в поиске необходимых материалов.

Составители нового описания автографов великого писателя надеются, что их труд, систематизирующий, дополняющий известные и раскрывающий не учтённые ранее документы рукописного наследия Достоевского, поможет по достоинству оценить значение собирательской и архивной деятельности А.Г. Достоевской, а также станет для исследователей путеводителем по фондам писателя, увлечёт их архивными поисками и тем самым явится стимулом для дальнейшего развития науки о Достоевском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» в Московском историческом музее имени императора Александра III. 1846–1903 / Сост. А. Достоевская. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1906.
2. Волгин И.Л. Архивные материалы о Достоевском на территории России и стран СНГ. Новые документальные разыскания и находки (1957–1996). Краткий обзор // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 189–250.
3. Гармашева Т.В., Капелюш Б.Н. Рукописи и переписка Ф.М. Достоевского // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1957. Вып. 7. С. 5–130.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Евангелие Достоевского. URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/Gospel/index.htm>. (дата обращения: 11.07.2021).
6. Евангелие Достоевского: В 2 т. / Подгот. текста, коммент. В.Н. Захарова, В.Ф. Молчанова, Б.Н. Тихомирова. М.: Русский Мирь, 2010.
7. Евангелие Ф.М. Достоевского: В 3 т. / Сост. В.Н. Захаров. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017.
8. Захаров В.Н. Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов? // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 287–296.
9. Зильберштейн И.С. Новонайденные и забытые письма Достоевского // Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 114–152. (Сер. «Литературное наследство». Т. 86)
10. Красовский Ю.А. Архив Ф.М. Достоевского // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1985. Вып. 2. С. 299–307.
11. Нечаева В.С. Рукописное наследие Ф.М. Достоевского // Описание рукописей Ф.М. Достоевского. М., 1957. С. 3–29.
12. Описание рукописей Ф.М. Достоевского / Под ред. В.С. Нечаевой. М.: б. и., 1957.

ENGLISH

Dostoevsky's Handwritten Legacy: Systematization and Description

Irina S. Andrianova — Candidate of Science (Philology), Head of the Web-laboratory of the Institute of Philology, Head of the Sector of Scientific Electronic Journals, Petrozavodsk State University, head of the project “Handwritten Heritage of F.M. Dostoevsky: Systematization, Research, Description” (18-012-90028).

E-mail: yarysheva@yandex.ru

The article presents a new systematic description of all the currently known autographs of F.M. Dostoevsky, prepared for publication in honor of his 200th anniversary by the staff of the Petrozavodsk University and the Literary Memorial Museum of the Writer in St. Petersburg. The need for a complete description of Dostoevsky's autographs matured at the beginning of the nineteenth century (“Bibliographic index of the works and works of art of F.M. Dostoevsky,” comp. A.G. Dostoevskaya, 1906), was acknowledged in the Soviet era (“Description of the manuscripts of F.M. Dostoevsky,” ed. V.S. Nechaeva, 1957), but the study of Dostoevsky has been actively developing since then, and today this task is especially relevant. During the time that has passed since the publication of the Description of 1957, the names of most archives and the locations of some documents have changed; autographs that were not previously taken into account were discovered; the dating of a number of letters has been established

or clarified and many documents and autographs have been attributed to the author. The new scientific description of the writer's handwritten legacy (notebooks and notebooks, manuscripts of works, notes on separate sheets, letters, marginalia on letters and envelopes, official letters and business papers, gift inscriptions, etc.) is designed to solve the problem of systematizing all the relevant data about Dostoevsky's autographs (their storage, composition, content, and first publications). Becoming a guide to the writer's funds, it will be an incentive for the further development of the science of Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky, handwritten heritage, autograph, archive, fund, storage unit, attribution, textology

REFERENCES

1. Bibliograficheskiy ukazatel' sochinenij i proizvedenij iskusstva, otnosyashchihsia k zhizni i deyatelnosti F.M. Dostoevskogo, sobrannyh v "Muzee pamyati F.M. Dostoevskogo" v Moskovskom istoricheskom muzee imeni imperatora Aleksandra III. 1846–1903. St. Petersburg: Tipografiya P.F. Panteleeva, 1906 (in Russian).
2. Volgin I.L. Arhivnye materialy o Dostoevskom na territorii Rossii i stran SNG. Novye dokumental'nye razyskaniya i nahodki (1957–1996). Kratkij obzor // Dostoevskij v konce XX veka. Moscow, 1996. S. 189–250 (in Russian).
3. Garmasheva T.V., Kapelyush B.N. Rukopisi i perepiska F.M. Dostoevskogo // Byulleteni rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. Moscow, Leningrad, 1957. Vyp. 7. S. 5–130 (in Russian).
4. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990 (in Russian).
5. Evangelie Dostoevskogo. URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/Gospel/index.htm>. Date of request: 11.07.2021 (in Russian).
6. Evangelie Dostoevskogo v 2 t. Moscow: Russkij Mir Publ., 2010 (in Russian).
7. Evangelie F.M. Dostoevskogo v 3 t. Tobol'sk: Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2017 (in Russian).
8. Zaharov V.N. Kuda ischez arhiv Dostoevskogo 1840-h godov? // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. № 3. S. 287–296 (in Russian).
9. Zil'bershtejn I.S. Novonajdennye i zabytye pis'ma Dostoevskogo // F.M. Dostoevskij. Novye materialy i issledovaniya. Moscow, 1973. S. 114–152. (Ser. "Literaturnoe nasledstvo". T. 86) (in Russian).
10. Krasovskij Yu.A. Arhiv F.M. Dostoevskogo // Vstrechi s proshlym. Moscow, 1985. Vyp. 2. S. 299–307 (in Russian).
11. Nechaeva V.S. Rukopisnoe nasledie F.M. Dostoevskogo // Opisaniye rukopisej F.M. Dostoevskogo. Moscow, 1957. S. 3–29 (in Russian).
12. Opisaniye rukopisej F.M. Dostoevskogo / Pod red. V.S. Nechaevoy. Moscow, without a publishing house, 1957 (in Russian).

Индекс УДК 821.161.1.0
Код ГРНТИ 17.07.41
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-25-35

И.А. ЕСАУЛОВ*

Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Ф.М. Достоевского

В статье представлены главные концептуальные положения, выработанные в результате работы по проекту РФФИ, направленному на методологическое разграничение анализа, интерпретаций и понимания с целью преодоления того эклектического хаоса, который десятилетиями сопровождает имя Ф.М. Достоевского. Многоголосица «прочтений» произведений писателя, накопившаяся за более чем полтора столетия, рассмотрение их в различных контекстах (от философских и эстетических до социологических и политических), а также и в целом осмысление его наследия до сих пор не соотносились с тремя исследовательскими актами (установками), различия между которыми с полной методологической отчетливостью выявились в мировой гуманитарной мысли уже в конце XIX – начале XX в. Анализ, интерпретации, понимание являются абсолютно необходимыми познавательными актами, без которых любое адекватное изучение Достоевского представляется невозможным. Однако это принципиально различные установки, актуализирующие различные векторы исследовательского внимания, что практически совершенно не учитывается в современной исследовательской литературе, посвященной Достоевскому. Используя предлагаемое разграничение методологических установок, оказывается возможным в значительной степени преодолеть существующее в достоевведении зияние между концептуальными подходами и конкретными исследованиями его творчества, в которых изучаются частные проблемы, возникающие вокруг наследия Достоевского.

Ключевые слова: анализ, интерпретация, понимание, Достоевский, методологические установки, редукция, идеологические тенденции, аксиология

Вследствие засилья мозаичной эклектики и терминологической разноголосицы в современной филологии с особой остротой встают методологические проблемы. В нашей стране ситуация усугубляется разрушением десятилетиями навязываемой сверху «марксистско-ленинской эстетики», когда освободившееся от обязательной «идеологии» место было одномоментно заполнено десятками никак в наших условиях не апробируемых ранее разнообразных

* **Есаулов Иван Андреевич** — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького, руководитель проекта «Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского» (18-012-90043). E-mail: jesaulov@yandex.ru

гуманитарных «практик»: вместо двигающей науку вперёд здоровой и constitutive борьбы «направлений» мы видим, скорее, конгломерат не приводимых ни к какому единому знаменателю «подходов». Во многом сложившееся положение объясняется также и значительным разрывом между общими теоретико-методологическими и конкретными эмпирико-интерпретационными исследованиями. Порядок в хаотичное разнообразие «прочтений» произведений классики, её рассмотрение в различных контекстах (от философских и эстетических до социологических и политических) может внести соотношение исследования с тремя познавательными актами (установками), различия между которыми с полной методологической отчётливостью выявились в мировой гуманитарной мысли уже в конце XIX – начале XX в.: анализом, интерпретациями и пониманием.

Концептуальное разграничение понятий

Формулируя весьма сжато и кратко, *анализ* предполагает изучение *текста* (при этом термин «текст» употребляется нами не в том расширительном смысле, как он используется, скажем, в рамках французского структуралистско-постструктуралистского направления, а в духе отечественной традиции, как она представлена, например, Ю.М. Лотманом: как константное образование, характеризующееся выраженностью, ограниченностью и структурой [1]¹). В *интерпретациях* же репрезентируются те или иные истолкования художественного *мира* (который далеко не сводится к тексту, это другой уровень произведения) [3], а *понимание* невозможно без постулата личностной «встречи» автора, стоящего как за текстом, так

и за художественным миром, и читателя/исследователя [4, с. 7–36]. «Дух» автора-демиурга, чтобы «воскреснуть» в сознании читателя-реципиента, должен вначале воплотиться посредством растворения в индивидуально-неповторимом «теле» текста. Литературное произведение, созданное автором, уже не зависит от его создателя, затвердев в тексте, но явлением культуры оно становится только благодаря контакту с читателем.

В первом случае доминирует установка на «адекватность» и общенаучную «воспроизводимость результата», во втором – признание «спектра» самых разных прочтений-интерпретаций не как «исключения», а как нормы литературоведения, в третьем же предполагается личностная встреча, которая может происходить при определённых условиях в особой рецептивной зоне, которую предлагается называть «спектром адекватности» [5; 6, с. 577–582].

При этом приходится считаться с тем, что в современной гуманитарной науке доминируют – пока что – две первые (более укоренённые и в истории филологии) установки. Первая предполагает, что гуманитарная наука, так сказать, только лишь часть науки как таковой (или же должна стремиться к этому), для которой характерны воспроизводимость результата, отделение и резкое противопоставление субъекта и объекта, вычленение закономерностей. Вторая установка базируется на признании специфики именно гуманитарных наук, их «инонаучности», по выражению С.С. Аверинцева. В самом общем виде эти две тенденции в мировом гуманитарном поле XX в. так или иначе вытекают из структурно-семиотической установки (даже когда затем «постструктуралисты» подобные интенции пытаются деконструктивистски обнулить)

и из установки герменевтической, соответственно.

В первом случае неизбежны попытки выстроить – в конечном итоге – нечто, напоминающее метанауку со своим безоценочным и общим инструментарием, однозначной терминологией: это и было сциентистской утопией тартуско-московской семиотической школы (тогда как задача гуманитарной науки – выработать этот метаязык). Такой подход предполагает, что каждый может повторить по выработанному и формализуемому алгоритму тот или иной опыт поиска чего угодно (на своём материале) и получить такой же *аналитический* результат. Иначе говоря, научный результат зависит не столько от исследователя, сколько от корректности инструментария и выстраивания алгоритма исследовательской процедуры (нужно признать, что в сфере образования в нашей стране – конечно, в адаптированном и вульгаризированном виде – внедрялся именно этот подход).

Второе же направление, которое связано с герменевтикой в самом широком смысле, настаивает на специфике гуманитарных наук, на наличии у них собственных особенностей, своей «инонаучной» терминологии, своих собственных подходов.

Третья установка в нашем литературоведении связана с именем М.М. Бахтина и исходит из того, что за предстоящим исследователю гуманитарным предметом (в нашем случае – изучаемым им текстом) всегда мерцает какое-то *другое* сознание *другого*, отличного от меня самого, человека. Это сознание до конца никогда не может быть «проанализировано», даже и с помощью самых точных аналитических механизмов, а этот *другой* никогда не может быть вполне «объяснён». Монологическая «интерпретация» также не способна вполне ухватить его *другость*, которая приоткрывается (но только приоткрывается, а не распаивается вся сплошь!) лишь в «диалоге согласия».

Анализ произведений русской литературы невозможен без реально-исторических, а также текстологических комментариев, которые от десятилетия к десятилетию становятся всё более и более убедительными и точными. Именно в этой сфере, несмотря на порой неизбежные разночтения, можно говорить о значительном прогрессе филологической науки. Собственно, это и неудивительно, поскольку из трёх выделенных исследовательских гуманитарных стратегий как раз анализ (иными словами, внешнее объекту изучения «объяснение») ближе всего к установкам так называемых наук о природе (В. Дильтей) с их декларируемой «объективностью» (установкой на бессубъектность). Именно поэтому, как и в «науках о природе», декларируется «воспроизводимость результата», исследовательская установка на достижение которой – в этом случае – как бы гарантирует от субъективистских искажений своего предмета. Как раз в этой сфере были наиболее популярны (и дольше всего продержались) аксиомы о неизбежности «научного прогресса». Примерами подобной установки могут служить энциклопедические статьи, посвящённые тому или иному писателю. Но эти «объяснения», претендующие на знание некой «объективной» истины, фактически оказываются интерпретациями, что становится особенно очевидным с течением времени, когда изменяются исходные принципы подхода к литературному процессу. Те или иные интерпретации художественных произведений неотделимы от исторически изменчивых и порой резко расходящихся – методологически, культурно, политически, эстетически – установок самих истолкователей текста. Доминантный для современного литературоведения «дрейф» (Р. Барт) самого интерпретатора по тексту порой приводит к неожиданным результатам, однако возобладавшая у поклонников этого «дрейфа» установка на отказ от поиска

¹ В другой книге Ю.М. Лотмана уже в самом её названии наглядно-показательно соединены *текст* и его *анализ* [2].

«истинности», будто бы непременно свидетельствующая об авторитарности сознания тех, кого интересует и «истинность», и сама истина, зачастую выводит исследователей за пределы той совокупности адекватных прочтений, которые и определяются понятием «спектра адекватности»: совокупности адекватных авторской интенции, но всё-таки различающихся между собой интерпретаций. Зачастую интерпретации произведения подвергается тогда, когда не всё оно, но только какой-то из его аспектов особо интересует учёного.

Наконец, третий вариант исследовательского «освоения» произведений литературы представляет собой, как уже сформулировано выше, то или иное его личностное понимание, так или иначе входящее в «спектр адекватности». Оно предполагает не одну-единственную «правильную» точечную коммуникацию, а именно «спектр» различных, не совпадающих друг с другом, однако, как представляется, в равной мере адекватных художественным интенциям того или иного писателя актов понимания. От постмодернистской «множественности» спектр адекватности отличается признанием границ, пределов адекватных прочтений.

«Диалог согласия» и «спектр адекватности» при истолковании художественного произведения

Автор *предопределяет* направление читательских рецепций самим построением своего художественного текста, но отнюдь не входит в каждый отклик читателя (сознание которого является частью того или иного художественного мира), предоставляя читателю некую духовную свободу выбора, в пределах которой тот волен принимать решения по своему усмотрению. Границы спектра адекватности зависят как от особенностей конструкции текста, так и от того *типа культуры*, которая является «родной» для его автора.

М.М. Бахтин подчёркивал: «Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами» [7, с. 364]. Однако это соотнесение, как и само *понимание*, может основываться на весьма различных принципах. В зависимости от выбора исследователем *типа* контекста *понимание* может быть принципиально различным. Проблема филологического понимания не решается ни заклинательными апелляциями к целостности своего предмета (художественного произведения), ни признанием роли контекста, ни даже указанием на решающее значение *границ* между текстом и контекстом. Необходима исследовательская *рефлексия* по поводу того или иного «соотнесения», *актуализирующая* какие-либо контексты понимания.

Любое «прочтение» художественного текста исследователем может рассматриваться не только как изучение «безгласной вещи» в пределах той или иной абстрактно-научной системы, что предполагается *etic*-подходом (о нём — ниже), а как более или менее удачное погружение толкователя в *могучие глубинные течения культуры*, которое высвечивает шлейфы смыслов, не сводимых к индивидуальной либо же «общенаучной» данности, но позволяющих слышать и распознать в произведении как «эстетическом объекте» [7, с. 369] подспудно звучащий язык культурного «предания» — с его собственной системой ценностных координат.

Присоединяясь к той герменевтической установке, которая в отечественной гуманитарной мысли представлена именем цитируемого выше учёного, а в европейской — линией Хайдеггера-Гадамера, мы бы только хотели акцентировать внимание на одном важном в методологическом отношении моменте. Дело в том, что «предание» может быть как созвучным собственному типу культуры исследователя, так и, наоборот, вполне чуждым ему. Отсюда понятны требования индивидуальной

Рис. 1. Уровни литературного произведения

«свободы» познающего от авторитета предания: зачастую за ними можно заметить не всегда рефлекслируемое исследование столкновение родной ему (его системе ценностей) традиции (со свойственными ей «предрассудками», «нравами» и «этическими установками») с тем «преданием», которое является стихией существования изучаемого исследователем гуманитарного предмета (например, художественного произведения).

Так или иначе, «беспредпосылочная наука» (наука, свободная от культурных контекстов понимания) в гуманитарной сфере немислима. Современное исследование, с этой точки зрения, является не только собственно «исследованием» тех или иных фактов как объектов изучения, но и *опосредованием предания*, «к которому мы причастны» [8, с. 338]. Как нам представляется, актуализация «предания» в качестве необходимого контекста понимания в гуманитарных науках¹ невозможна без исследовательской рефлексии по поводу *типа* культурной традиции с авторитетной для этой традиции архетипической системой ценностей.

В схематичном виде вышеприведённые рассуждения можно представить

в двух проекциях, когда интересующий нас предмет — литературное произведение — в трёх его «аспектах» (или «слоях»): текста, мира и «диалога согласия», соотнесён с тремя рецептивными установками: анализом, интерпретациями и пониманием². Следует иметь в виду, что в данном случае мы исходим именно из особенностей рецепции (т.е. подходим к реальности произведения со стороны читателя/исследователя), но не со стороны создателя его текста — автора (рис. 1).

Если тот же самый предмет рассмотреть в иной проекции (рис. 2), где точки на окружности являются сознаниями читателей-реципиентов, а радиусы — различными интерпретациями текста, то желаемый итог *понимания* — это радиусы внутри спектра адекватности (но не провозглашаемое как цель *анализа* совпадение читательской установки с авторским сознанием S1. При его возможном осуществлении уничтожается личность реципиента, который, реализуйся полностью такая цель, становился бы только лишь «клоном» изучаемого автора).

Личностное понимание невозможно без того или иного аксиологического созвучия толкователя и системы ценностей

¹ Напомним, что основная задача исторической поэтики, как её формулировал А.Н. Веселовский, состоит в том, чтобы «...определить роль и границы предания в процессе личного творчества» [9, с. 493].

² Историческая логика осмысления этих аспектов или слоев произведения в науке о литературе тезисно представлена нами здесь: [5, с. 3–16].

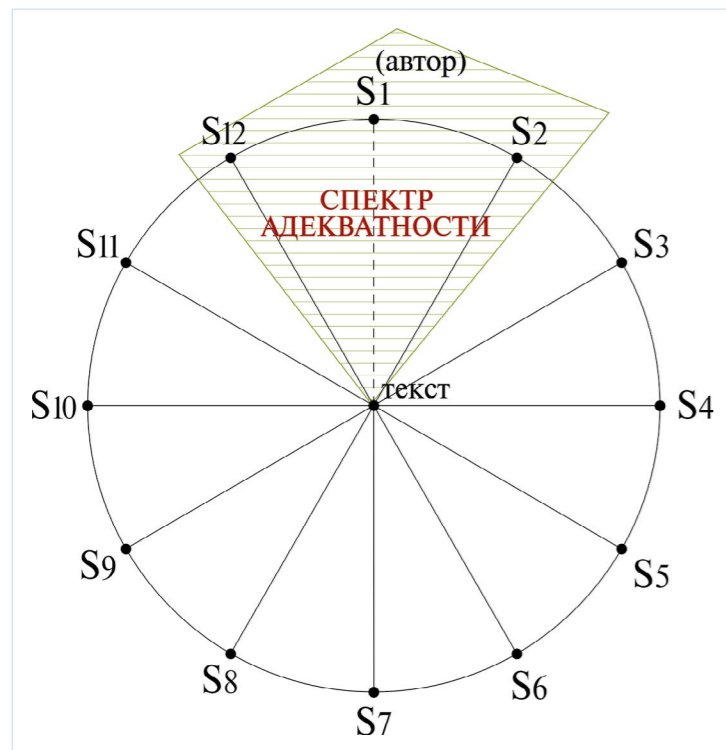

Рис. 2. Текст, читательские рецепции и «спектр адекватности»

писателя, которые в русской традиции неотделимы от христианской (а именно: православной) культурной «грибницы», а потому авторские интенции будут искажены, если эта система ценностей в сознании исследователя имеет по каким-то причинам отрицательные коннотации.

Новые категории русской филологии в изучении Достоевского

Гуманитарное личностное понимание как методологическая установка в изучении наследия русской литературы требует таких категорий описания своего предмета, которые либо относительно недавно появились в нашей филологии, либо же оказались на долгие десятилетия выведены из активного словоупотребления, поскольку имеют междисциплинарный, а не чисто литературоведческий статус: это соборность, пасхальность, христо-

центризм, умиление и др. Однако их междисциплинарность особого рода. Они характеризуют не любые художественные системы, а такие, которые вырастают из православной «грибницы» русской культуры. И обращение к ним необходимо при изучении творчества писателей как в «большом времени» русской и европейской культуры, так и в «малом времени» литературного процесса конкретного периода.

Если рассмотреть обозначенные нами познавательные акты в изучении Достоевского, то можно выделить как общие «генерализирующие» тенденции в исследовании его наследия (наиболее влиятельной, несмотря на неоднократные «ревидии», по-видимому, продолжает оставаться бахтинская концепция

поэтики Достоевского), так и практически необозримые в количественном отношении интерпретации Достоевского¹. Для современного состояния исследований в данной области характерно также и то, что, в отличие от продолжения «бахтинского бума» в гуманитарных науках, учёные, занимающиеся преимущественно именно Достоевским, в последние десятилетия с всё большим скептицизмом воспринимают как раз бахтинскую научную систему [11]². Однако разрыв между конкретными эмпирическими исследованиями и общетеоретическими концепциями, где наследие Достоевского — только лишь внешний «материал», — несомненная данность современной русистики (всё более и более уступающей своё место тем или иным «культурологическим» штудиям, с их чрезвычайно вольным обращением с собственно литературным материалом).

¹ См. квалифицированный обзор наиболее репрезентативных последних научных публикаций [10].

² Нельзя не заметить при этом, что отнесение автором обзора к etic-подходу концептуальных установок Бахтина — с его пафосом персонификации предмета научных занятий и тем самым преодоления его возможного «овеществления» — может восприниматься не иначе, как курьёз.

Emic- и etic- подходы

В конечном итоге, почти необозримые в количественном плане работы о Достоевском тяготеют к двум полюсам, их можно определить как emic- и etic-подходы. Эти термины, выдвинутые К.Л. Пайком по аналогии с фонетикой и фонемикой [12], были затем поддержаны и разработаны Г. Триандесом [13]. Формулируя предельно кратко и потому несколько упрощённо, можно разницу между ними передать следующим образом: если фонетика связана с изучением общих аспектов звуков и произнесения звуков, то фонемика — это изучение звуков, используемых в определённом языке.

При emic-подходе делается попытка рассмотреть явления и их взаимосвязь (структуру) глазами людей, которые относятся к данной культуре. Эта точка зрения берёт начало из культурной антропологии, где с помощью метода включённого наблюдения исследователь пытается рассматривать нормы, ценности, мотивы и обычаи членов определённой общности с их собственной точки зрения.

Исследователи, придерживающиеся emic-подхода, справедливо утверждают, что ранее в гуманитарных дисциплинах почти всецело господствовал etic-подход, который основывался на некритическом проецировании западных гуманитарных установок на внешнеположный Западу «мир большинства», как они его называют [14]. Таким образом, исследователь той или иной культуры работал на самом деле не с ценностями изучаемой культуры, а с «навязанными этиками» или «псевдоэтиками» (подробнее см. [4, с. 26–29]).

Творчество Достоевского при etic-подходе, будь он марксистский, структуралистский или фрейдистский, является лишь иллюстрацией действия более общих «закономерностей» (излюбленное слово для представителей «объяснительного» etic-подхода). Но проблема состоит в том, что при этом наш предмет

овнешняется, превращается в бездушную и безгласную «вещь» [7, с. 363–373]. Теряется грань между гуманитарной и негуманитарной (естественно-научной) методологическими установками. Кроме того, собственное, уникальное, эстетическое бытие уникального феномена далеко не сводится к иллюстрации каких бы то ни было «общих закономерностей», хотя и может — внешним образом — «подтверждать» некоторые из них.

По-своему типичным примером для современных западных установок в анализе произведений русской литературы является работа Ж. Нива, в которой характерным образом соединяются два варианта etic-подхода: социологический и фрейдистский. В результате «вина» за преступление «петербургских» героев Достоевского, например, как бы переносится на имперский Петербург, этот «прокажённый город» [15]. Обращаясь к «Преступлению и Наказанию», Нива доказывает, что именно имперский Петербург «раздавил Мармеладова, свёл с ума Екатерину Ивановну, Петербург нашёптывает Раскольникову страшный замысел, именно Петербург (и «неправильная» императорская Россия) приводит Свиригайлова к самоубийству» [15, с. 63–68]. Наряду с современным социологическим «развитием» пресловутого «среда заела», вполне укладывающимся в преобладающее ныне отношение к России как таковой, Нива предлагает и иной вариант «овнешняющего» объяснения романа, при котором Пульхерия Александровна Раскольникова — мать пожирающая, мать «кастрирующая». Единственная её, весьма низкая, цель — это привязать навсегда к себе сына (подробнее см. [17]).

Доминантный для современного литературоведения «дрейф» по творчеству Достоевского порой приводит к результатам, выводящим исследование за пределы спектра адекватных его толкований. При этом безразлично, утверждает ли исследователь своё отталкивание от христианских основ творчества

Достоевского или, напротив того, декларирует приверженность им (например, когда стакан пива и кусок сухаря, которые упоминаются в начале романа в эпизоде в распивочной, сопоставляются с причастием [18].

Методологически отчётливо условия личностного *понимания* (или «диалога согласия» между автором и читателем) были обоснованы в нашем литературоведении М.М. Бахтиным не только в его чисто достоеведческих штудиях — «Проблемах поэтики Достоевского», но и в ряде теоретических работ, группирующихся вокруг бахтинской «эстетики словесного творчества». Однако бахтинские эпигоны — как отечественные, так и западные — вульгаризовали и редуцировали его теорию. Да и сам Бахтин в условиях советской несвободы не мог, как он сам признавался в разговорах с С.Г. Бочаровым, «свободно высказываться о главном». Бахтин был глубоко убеждён в том, что в книге о Достоевском «оторвал форму от главного... Прямо не мог говорить о главных вопросах... Философских, о том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим. <...> приходилось всё время вилять — туда и обратно. Приходилось за руку себя держать. Даже Церковь оговаривал» [19].

Сегодня кажется уже очевидным, что, изучая наследие Достоевского, невозможно некритически (или, сформулируем по-другому, наивно апологетически) воспринимать бахтинские идеи. В последние десятилетия в достоеведении ведётся продуктивная полемика с Бахтиным [20]. При этом далеко не всегда учитывается, что Бахтин хотя сам и особо подчеркнул, что «впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вячеслав Иванов» [21, с. 14], однако не смог воспользоваться ивановским определением полифонического мышления Достоевского как мышления соборного. В итоге центральная категория

эстетических построений Вяч. Иванова — соборность — на долгие десятилетия незаслуженно оставалась вне внимания достоеведов.

Представляется научно корректным и продуктивным восстановить в достоеведении те фигуры умолчания, те положения, которые и хотел бы, но не мог высказать в своё время Бахтин. Подчеркнём, что подобная работа в современной русской филологии уже ведётся в последние десятилетия. Нельзя не заметить, что целый ряд исследователей пытался восполнить те «зияния», о которых горестно говорил Бахтин, притом не только в отечественной науке, но и в зарубежном достоеведении. Н. Перлина доказывала, что, вопреки своей полифоничности, «Братья Карамазовы» содержат строгую иерархию ценностей, где привилегированное место занимает Священное Писание [22]. М. Джоунс в книге «Достоевский после Бахтина» совершенно справедливо, хотя и, на наш взгляд, недостаточно последовательно пытается дифференцировать бахтинское понятие «карнавала», говоря, вслед за М. Турнье, о «белом карнавале». Он отмечает, что Христос своей вестью бросает вызов «официальному миру» [23]. Д. Томпсон, исследуя «Братьев Карамазовых», убедительно доказывала, что память о Христе является доминантой всего романа [24]. Разумеется, подобные примеры «восполнения» бахтинского умолчания в научной литературе можно было бы продолжать, но достаточно и этих. Обратим внимание, однако, на то, что углубление в христианскую проблематику всё-таки далеко не всегда приводит к осознанию необходимости корректировки существующей системы литературоведческих категорий. Внести свой вклад в эту корректировку, сделать филологический инструментарий, обращённый к Достоевскому, более созвучным онтологическим и аксиологическим ценностям самого писателя — актуальная проблема современной филологии.

Заключение

Таким образом, как бы ни отличались между собой по своей сути анализ, интерпретации и понимание наследия Достоевского, в каждой из этих методологических установок в той или иной степени следует учитывать

необходимость аксиологического созвучия сознания исследователя доминантным установкам самого писателя. В противном случае произведения автора подвергаются опасности искажения — вплоть до подмены предмета каким-либо симулякром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
2. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972.
3. Есаулов И.А. Интерпретация // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 305–306.
4. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд. СПб.: РХГА, 2017.
5. Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). М.: РГГУ, 1995.
6. Есаулов И.А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: Академика, 2015.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
9. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940.
10. Борисова В.В., Шаулов С.С. Достоевский на рубеже XX–XXI веков: антиномии интерпретации // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 5–47.
11. Кибальник С.А. Основные тенденции изучения творчества Достоевского // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 67–83.
12. Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. The Hague, 1967.
13. Triandis H.C. Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston, 1980. Vol. 1: Perspectives.
14. Kagitcibasi C. Family, Self and Human Development Across Cultures: Theory and Applications. New York, 2007.
15. Nivat G. Vers la fin du mythe russe: Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne, 1982.
16. Ганошенко М.Е. Рецепция русской классической литературы в современных франкоязычных изданиях // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 459–487.
17. Касаткина Т.А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 81–88.
18. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
19. Захаров В.Н. Имя автора — Достоевский. М.: Индрик, 2013.
20. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
21. Perlina N. Varieties of poetic utterance: Quotation in «The Brothers Karamazov». Lanham, New York, London, 1985.
22. Jones M.V. Dostoevsky after Bakhtin: Reading in Dostoevsky's Fantastic Realism. Cambridge, 1990.
23. Thompson D.O. The Brothers Karamazov and the Poetics of Memory. Cambridge, 1991.

ENGLISH

Analysis, Interpretation and Understanding as Methodological Approaches in the Research on Dostoyevsky Heritage

Ivan A. Esaulov — Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Russian Classical Literature and Slavic Studies, The Maxim Gorky Literature Institute, head of the project “Analysis, Interpretation and Understanding as Methodological Approaches in the Research on Dostoyevsky Heritage” (18-012-90043).

E-mail: jesaulov@yandex.ru

The article presents the main conceptual provisions developed as a result of work on the RFBR project (No. 18-012-90043). The central task of the project was the methodological differentiation of analysis, interpretation, and understanding in order to overcome the chaos that has been following Dostoyevsky's name for so many years. Until now, the polyphony in the readings of Dostoyevsky's works accumulated over one and a half centuries, their consideration in various contexts (from philosophical and aesthetic to sociological and political), and the comprehension of his heritage in general have not been related to the three research approaches, whose differences were identified with the full methodological precision in the world humanitarian thought at the end of the 19th and beginning of the 20th century. Analysis, interpretation, and understanding are absolutely necessary, without which any adequate study of Dostoyevsky is impossible. However, these are fundamentally different approaches that actualize various vectors of a researcher's attention, which is nearly completely ignored in the modern research literature on Dostoyevsky. In the study of Dostoyevsky's works, there is a gap between general conceptual constructions and private research. The differentiation of methodological attitudes proposed in the article contributes to bridging this gap.

Keywords: analysis, interpretation, understanding, Dostoyevsky, methodological approaches, reduction, ideological tendencies, axiology

REFERENCES

1. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta*. Moscow: Iskusstvo, 1970 (in Russian).
2. Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta*. Leningrad: Prosveshchenie, 1972 (in Russian).
3. Esaulov I.A. *Interpretatsiya // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij*. Moscow, 2001. S. 305–306 (in Russian).
4. Esaulov I.A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie*. 3-e izd. St. Petersburg: RKHGA, 2017 (in Russian).
5. Esaulov I.A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya* (“Mirgorod” N.V. Gogolya). Moscow: RGGU, 1995 (in Russian).
6. Esaulov I.A. *Postsovetskie mifologii: struktury povsednevnosti*. Moscow: Akademika, 2015. 608 s. (in Russian).
7. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo, 1979 (in Russian).
8. Gadamer KH.-G. *Istina i metod*. Moscow: Progress, 1988 (in Russian).
9. Veselovskij A.N. *Istoricheskaya poetika*. Leningrad: Goslitizdat, 1940 (in Russian).

10. Borisova V.V., Shaulov S.S. *Dostoevskij na rubezhe XX–XXI vekov: antinomii interpretatsii // Neizvestnyj Dostoevskij*. 2020. № 4. S. 5–47 (in Russian).
11. Kibal'nik S.A. *Osnovnye tendentsii izucheniya tvorchestva Dostoevskogo // Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka*. 2020. T. 79. № 4. S. 67–83 (in Russian).
12. Pike K.L. *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*. The Hague, 1967.
13. Triandis H.C. *Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Boston, 1980. Vol. 1: Perspectives.
14. Kagitcibasi C. *Family, Self and Human Development Across Cultures: Theory and Applications*. New York, 2007.
15. Nivat G. *Vers la fin du mythe russe: Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours*. Lannane, 1982.
16. Ganoshenko M.E. *Receptiya russkoj klassicheskoj literatury v sovremennykh frankoazychnykh izdaniyakh // Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste*. Moscow: Indrik, 2017. S. 459–487 (in Russian).
17. Kasatkina T.A. *Kategoriya prostranstva v vospriyatii lichnosti tragicheskoy miroorientatsii (Raskol'nikov) // Dostoevskij: Materialy i issledovaniya*. T. 11. St. Petersburg, 1994. S. 81–88 (in Russian).
18. Bocharov S.G. *Ob odnom razgove i vokrug nego // Novoe literaturnoe obozrenie*. 1993. № 2. S. 70–89 (in Russian).
19. Zakharov V.N. *Imya avtora – Dostoevskij*. Moscow: Indrik, 2013 (in Russian).
20. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Moscow: Khudozh. lit., 1972 (in Russian).
21. Perlina N. *Varieties of poetic utterance: Quotation in «The Brothers Karamazov»*. Lanham, New York, London, 1985.
22. Jones M.V. *Dostoevsky after Bakhtin: Reading in Dostoevsky's Fantastic Realism*. Cambridge, 1990.
23. Thompson D.O. *The Brothers Karamazov and the Poetics of Memory*. Cambridge, 1991.

Н.А. ТАРАСОВА*

Проблемы текстологии и поэтики романов Ф.М. Достоевского («Преступление и Наказание», «Бесы», «Подросток»)

В статье рассматриваются проблемы текстологии и поэтики творчества Достоевского на основе филологического анализа романов писателя 1860–1870-х гг. Актуальность исследования определяется необходимостью систематизировать и критически осмыслить сложившуюся методологию и научные подходы к анализу и интерпретации произведений Достоевского. Научная новизна работы заключается в определении эффективной методологии комплексного исследования текстов писателя с использованием методов критики текста и источниковедческого анализа. Одной из основных задач исследования является текстологический анализ первоисточников — рукописных материалов, в которых сосредоточены творческие замыслы писателя, в том числе романские. При изучении проблем текстологии творчества Достоевского особое внимание уделено лингвотекстологическим особенностям материала, специфике авторского стиля и языка, семантике и поэтике текста. Исследование почерка Достоевского в сочетании с анализом языковых характеристик источника открывает возможность нового, уточненного прочтения автографов писателя, позволяя исправить неточности публикаций, прояснить содержание художественных идей автора, обнаружить неизвестные источники его творческих замыслов.

Ключевые слова: Достоевский, романное творчество, текстология, поэтика

УДК 003+930.25
Код ГРНТИ 17.81.31
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-36-50

Благодаря начавшемуся в 1990-е гг. полемическому осмыслению концепции академического Полного собрания сочинений Достоевского сформировалась идея научной «ревидии» публикаций творческого наследия писателя, что позволило проанализировать основные проблемы, связанные с текстологическим изучением его произведений: критическое установление,

датирование, атрибуция, публикация, комментирование текста, исследование творческого процесса. Текстологический анализ материала является методологически значимой основой для построения аргументированной интерпретации творчества писателя и изучения поэтики его текстов, позволяя искать и обосновывать новые подходы к проблемам межтекстовых связей (интертекстуальной

* Тарасова Наталья Александровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, руководитель проекта «Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф.М. Достоевского: текст как источник и объект интерпретации» (18-012-90002). E-mail: nsova74@mail.ru

поэтики), к исследованию литературного, исторического, философского контекста творчества Достоевского, учитывая весь спектр историко-литературных влияний и взаимосвязей, в том числе неизвестных ранее. Интерес к текстологической проблематике существенно возрос в связи с развитием издательской деятельности и появлением новых научных изданий произведений писателя.

Важнейшей фундаментальной задачей в рамках данного исследования является определение эффективной методологии комплексного анализа текстов Достоевского с использованием методов критики текста и источниковедческого анализа, позволяющих изучить условия и специфику формирования художественных идей писателя. Значимость полученных результатов обусловлена установлением новых текстологических фактов и источников, имевших значение для истории текстов и творческой истории романов Достоевского. Обратимся к примерам текстологического исследования романного творчества.

1. Роман «Преступление и Наказание»: тема воскресения

Черновой автограф романа «Преступление и Наказание» (так называемая висбаденская редакция) стал материалом, на основе которого мы проанализировали нерешённые и спорные вопросы истории текста романного замысла.

В результате выполненного исследования уточнена последовательность черновых набросков, исправлены ошибки публикаций текста (в том числе в академическом издании¹) и восстановлен ход творческого процесса Достоевского. Сделанные наблюдения позволяют по-новому осмыслить историю и характер формирования художественного замысла «Преступления и Наказания» в целом (подробнее см.: [3]).

Исследование текстологических вопросов является базовым для анализа поэтики текста и романной проблематики — в частности, особенностей раскрытия темы воскресения в романе «Преступление и Наказание». Романная коллизия и образ главного героя на протяжении долгого времени получали разные, зачастую прямо противоположные толкования — прежде всего, в вопросе о раскаянии Раскольникова и его духовном возрождении. Следует обратить внимание на то, что в романе «Преступление и Наказание», в отличие от исследовательской литературы о нем, ни разу не встречается лексический вариант «воскрешение» — Достоевский использует слово «воскресение»²:

«— Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?

— Верую, — твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

¹ Произведения Достоевского цитируются по изданиям [1] (далее — ПСС, с указанием тома и страницы) и [2].

² Вариант «воскрешение» является преобладающим и в других произведениях. В «Братьях Карамазовых» есть формы, производные от глагола «воскрешать»: «Вы воскрешаете меня <...>» [1: 14, 336]; «О господи, я воскрешен...» [1: 14, 414, в обоих случаях слова Дмитрия Карамазова]. Слово «воскрешение» (наряду с более частотным вариантом «воскресение») встречается в «Дневнике Писателя» за 1876 г. в следующих строках: «Нет, тут сила; это величаво, а не смешно; это — воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве <...>» [1: 22, 89]; «О, конечно, вы можете смеяться над всеми предыдущими “мечтаниями” о предназначении русском, по вот скажите, однако же: не все ли русские желают воскресения славян именно на этих основаниях, именно для их полной личной свободы и воскрешения их духа, а вовсе не для того, чтобы приобрести их России политической и усилить ими политическую мощь России, в чем, однако, подозревает нас Европа?» [1: 23, 47–48]. Кроме того, в произведениях Достоевского встречается устойчивый речевой оборот «обновление и воскрешение» — например, в повести «Хозяйка» [2: 2, 20], романах «Идиот» [2: 8, 501] и «Бесы» [1: 10, 200; 11, 239], «Дневнике Писателя» за 1873 г. [1: 21, 131] и статье «Иностранские события» для журнала «Гражданин» за 1873 г. [1: 21, 235], «Дневнике Писателя» за 1877 г. [1: 25, 68].

— И-и и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую.

— Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

— И-и в *воскресение* Лазаря веруете?

— Ве-верую. Зачем вам всё это?» [2: 6, 224]; «— Про *воскресение* Лазаря где? Отыщи мне, Соня» [2: 6, 278];

«Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь* (курсив источника. — Н.Т.); верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Верить ли сему? Она говорит Ему:

(и как бы с болью переведя дух, Соня раздельно и с силою прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала:)

Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир» [2: 6, 280];

«Далее она не читала и не могла читать, закрыла книгу и быстро встала со стула.

— Всё об *воскресении* Лазаря, — отрывисто и сурово прошептала она и стала неподвижно, отвернувшись в сторону, не смея и как бы стыдясь поднять на него глаза» [2: 6, 281];

«Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил? Зачем он стоял тогда над рекой и предпочел явку с повинною? Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его? Одолел же Свидригайлов, боявшийся смерти?

Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего *воскресения* его, будущего нового взгляда на жизнь» [2: 6, 468–469].

«Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о *воскресении* Лазаря» [2: 6, 473].

Как следует из текста, тема воскресения звучит в различных эпизодах: в размышлениях Раскольникова, а также в диалогах его с Порфирием Петровичем и Соней. В определенном смысле предваряет развитие темы реплика Раскольникова, обращенная к матери и сестре, когда, уже после совершения убийства, герой испытывает чувство обособленности от мира:

«— Я хотел сказать... идя сюда... я хотел сказать вам, маменька... и тебе, Дуня, что нам лучше бы на некоторое время разойтись. Я себя нехорошо чувствую, я не спокоен... я после приду, сам приду, когда... можно будет. Я вас помню и люблю... Оставьте меня! Оставьте меня одного! Я так решил, еще прежде... Я это наверно решил... Что бы со мною ни было, погибну я или нет, я хочу быть один. Забудьте меня совсем. Это лучше... Не справляйтесь обо мне. Когда надо, я сам приду или... вас позову. *Может быть, всё воскреснет!*.. А теперь, когда любите меня, откажитесь... Иначе, я вас возненавижу, я чувствую... Прощайте!» [2: 6, 268].

В финале романа эта мысль получает развитие и высказана по отношению к обоим героям — Соне Мармеладовой и Раскольникову:

«*Их воскресила любовь*, сердце одного заключало *бесконечные источники жизни* для сердца другого.

Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но *он воскрес*, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она — она ведь и жила только одною его жизнью!» [2: 6, 473].

Выражение «источники жизни» восходит к ветхозаветному тексту, где оно используется в Книге Притчей Соломоновых. С содержанием романного финала наиболее соотносимо изречение: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни» (Притч. 4:23). В Ветхом Завете, кроме того, «источником жизни» и «источником воды живой» именуется Господь (см.: Пс. 35:6–10; Иер. 2:12–13; ср. 17:13), и в таком значении «образ переходит в Новый Завет, где дословно повторен в Откровении святого Иоанна Богослова» [4: 2, 873–874], в главе, описывающей состояние мира после воскресения (см.: Откр. 21:6).

В русских переводах Библии, как в Синодальном, так и в издании Нового Завета 1823 г. (экземпляр которого был у Достоевского и содержит его многочисленные

пометы), используется именно этот вариант — «воскресение». Из параллелей с библейским текстом ясно, что это слово в Ветхом Завете относится к Господу и истинно верующим — например, к семи святым мученикам Маккавеям, отказавшимся приносить жертву языческим богам. О четвёртом мученике сказано: «Будучи близок к смерти, он так говорил: умирающему от людей вождельно возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит; для тебя же не будет воскресения в жизнь» (2 Мак. 7:14; ср.: 2 Мак. 12:43; 3 Езд. 2:23). В Новом Завете слово относится к Христу, к тем, кто переживает чудо воскресения при встрече с Христом, а также в целом к теме воскресения мёртвых (Мф. 22:29–32; Лк. 14:13–14; Ин. 5:26–29; Ин. 11:23–26; Деян. 4:33; Деян. 24:14–16; 1 Пет. 3:21; 1 Кор. 15:42–44; Откр. 20:6).

Евангельская цитата «Я есмь воскресение и жизнь» до «Преступления и Наказания» упоминается в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863, глава «Ваал»), в критическом отклике на тему католицизма: «У освещённого окна кофейной я рассмотрел бумажку: это был маленький квадратный лоскуток; на одной стороне его было напечатано: “Crois-tu cela?”. На другой стороне, по-французски же: “Аз есмь воскресение и живот...” и т.д. — несколько известных строк. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мне растолковали потом, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицах, то книжки, состоящие из разных отдельных выдержек из Евангелия и Библии» [2: 5, 82]. Интересно то, что Достоевский процитировал здесь церковнославянский перевод, но неточно. В церковнославянском тексте (ил. 1):

Азъ есмь воскресѣніе и живѣтъ

Ил. 1. «Я есть воскресение и жизнь»

¹ Выводы исследователя основаны на словарных данных (см.: [7: 99, 362]).

В тексте «Зимних заметок...» слово «воскрешение» (ср. древнегреч. ἀνάστασις, лат. resurrectio — восстановление) заменено вариантом русского перевода «воскресение». Эти языковые варианты выражают значения субъектного («воскресение») и субъектно-объектного («воскрешение») действия: «воскресение» — действие и состояние субъекта в соответствии со значениями глагола «воскреснуть»; «воскрешение» — действие субъекта по отношению к объекту в соответствии со значениями глагола «воскресить» (подробнее см. [5: 112]). В данном месте евангельского текста они возникают именно потому, что это характеристика Христа, обладающего одновременно силой воскресения и воскрешения. В то же время следует учесть, что русский перевод библейского текста, как и в целом языковая традиция, свидетельствует о том, что «русская православная теология понимает воскресение обобщённо — и как воскресение из мёртвых, и как воскресение Христа, и выбирает термин воскресение для обоих понятий», что находит отражение и в толковых словарях (см.: [6: 105]).

Выбор славянской основы «въскръсѣ» объясняется тем, что древнегреческие эквиваленты слов «воскресение»/«воскрешение» «ἀνάστ-», «ἐγέρτ/τ-» в большинстве своём имеют внутреннюю форму, отражающую представления о «вставании с места», затем — о метонимическом переносе изменения в пространстве как изменения состояния, «пробуждении ото сна, бодрствовании», а далее, в результате метафорического переосмысления, о новозаветном «воскресении, восстании из мёртвых» [6: 106]¹. При этом, по мнению исследователя, профанное языковое сознание «различает представления о воскресении Христа как религиозном празднике и основной доктрине христианства, — это «восстание от мёртвых, оживание,

возрождение», с одной стороны, и воскрешение как «действие воскрешающего» — с другой» [6: 107]¹.

В художественной концепции романа «Преступление и Наказание» воскрешение — это осознанный и обретенный человеком путь к вере и спасению души, путь, предполагающий собственную внутреннюю работу, а не только воскрешающую помощь ближнего. О начале этого пути говорится в эпилоге (см. выше), хотя вся история Раскольникова, включая кульминационную сцену чтения Нового Завета, несомненно, этот путь подготавливает.

В 1994 г. В.Н. Захаров указал на то, что в творчестве Достоевского «из всех символических дат церковного календаря исключительное значение имеет Пасхальный цикл» [9: 136–137]. И.А. Есаулов высказал гипотезу о «наличии особого пасхального архетипа и его особой значимости для русской культуры» и, в частности, для романа «Преступление и Наказание», отметив, что «многие черты поэтики Достоевского обусловлены фундаментальными особенностями русского православного видения мира: ценностной иерархией Закона и Благодати, соборным типом мышления, литургическим акцентом не на Рождество Христово, но на Воскресение». По мысли исследователя, «в духовном подтексте, имманентном русской словесности, для того чтобы *воскреснуть*, неизбежно необходимы страдания и — в пределе — полная, понятая отнюдь не метафорически гибель: Воскресения без смерти, увы, не бывает», однако «Воскресение — это совсем не второе Рождение, не возрождение заново. Это, напротив, спасение — как переход в иное (духовное) измерение, в иное качество».

В композиционном расположении сцены чтения Нового Завета «структура романа отчасти уже повторяет структуру евангельского инварианта», где описание

воскресения Лазаря занимает «центральное положение в Евангелии от Иоанна, будучи расположено в 11-й главе». После чтения Соней Евангелия Раскольников «отнюдь не “воскресает” к новой жизни (подобно Лазарю), но возвращается к мысли о власти “над всей дрожащею тварью и над всем муравейником” как своей “цели”». По мнению И.А. Есаулова, следует учесть, что «на православной литургии воскресение Лазаря воспоминается во время Великого Поста (на его пятой неделе). Испытания героя — как раз в соответствии с литургическим циклом — ещё далеко не закончены, его “наказание” растягивается вплоть до финала. Однако одновременно этот “путь” героя становится, начиная с рассматриваемого эпизода, уже своего рода паломничеством к Пасхе, к “новой жизни”...» [10: 357, 350, 359].

Если окончательный текст романа породил множественность исследовательских интерпретаций, — не случайно эпилог «Преступления и Наказания» вызывал различные, иной раз противоположные, толкования, — то в черновых рукописях к роману расстановка акцентов более очевидна и открыта, появляются авторские ремарки. Тема воскресения звучит и на этой — черновой — стадии работы Достоевского над текстом.

В рабочих тетрадях писателя, содержащих наброски к роману, эта тема связана прежде всего с мотивом воскресения Лазаря (см.: РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 67, 127). При оформлении связного чернового текста в набросках, сделанных в разных направлениях на полях одного из листов, возникает мотив воскресения мертвых:

«Какая разница. *Смерть воскресить*».

Прочь миражи, прочь напускные страхи» (РГБ. Ф. 93.1.1.2/4. Л. 8).

Другой набросок на этом же листе и текст чернового автографа на соседнем

листе указывают на то, что в Раскольникове гордыня борется с осознанием пути к воскресению (то же и в окончательном тексте романа, где Раскольников объясняет свое состояние после убийства болезнью):

«То, что было, быть панической страх, моя теория болѣзни вѣрна — а теперь — царство убѣжден<ия> и разсудка, теперь посмотри<мь>, теперь помѣряемся, посмотримъ, кто кого — сама безсознатель<но> вызывая черную темную силу» (РГБ. Ф. 93.1.1.2/4. Л. 8).

Справедлив вывод И.А. Есаулова о том, что в романе «болезнь» Раскольникова описана в символическом ключе и в сопоставлении с евангельской притчей о воскресении Лазаря: «Сравнивая Евангелие от Иоанна и те его фрагменты, которые звучат в романном мире, можно сказать, что у Достоевского болезнь Лазаря не случайно манифестирована, а строки о его смерти отсутствуют» [10: 360]. Применительно к содержанию романа «Преступление и Наказание» это болезнь *неверия*. Символично, что и «финальное воскресение Сони и Раскольникова наступает также после болезни. Если начало чтения Соней совпадает с началом 11-й главы Евангелия, то конец этой главы и завершение чтения в романе не совпадают. У Достоевского этот евангельский эпизод имеет следующее окончание: “Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в него”. Это предложение интонировано автором, оно выделено курсивом» [10: 361] (см. также: [11, 12]). Таким образом, рукописный и печатный тексты романа «Преступление и Наказание» показывают, что Достоевский, оставляя «блуднице» и «убийце», сошедшимся «за чтением вечной книги», надежду на спасение, понимал тему воскресения именно так, как она в ключевых своих положениях представлена в новозаветном повествовании.

II. Роман «Бесы»: критика текста и межтекстовые связи

Одним из главных вопросов в работе с рукописями становится установление текста, точное его прочтение. В результате сопоставления источников устанавливаются ошибочные исследовательские прочтения рукописей, оказавшие влияние на смысл и понимание авторских высказываний. Восстановление подлинного текста, освобожденного от погрешностей неверной интерпретации, имеет несомненное значение для дальнейшего изучения и осмысления художественных идей автора.

Приведем пример из романа «Бесы». В результате неточного чтения автографа в публикациях существенно меняется смысл следующего эпизода:

1935:

«Убиение Шатова.

— Шигалев протестовал и ушел, потому что это убийство только *потеря времени*, которое несравненно бы лучше было употребить на выслушание системы.

НВ (Это убийство противуречит моей системе.

= Я не про те поводы на которых основывается *вера* <и>. => [13: 337].

ПСС:

«УБИЕНИЕ ШАТОВА

Шигалев протестовал и ушел, потому что это убийство только *потеря времени* (курсив источника. — Н.Т.), которое несравненно бы лучше было употребить на выслушание системы.

НВ) — Это убийство противуречит моей системе.

— Я не про те поводы, на которых основывается *вера*» [1: 11, 300].

Рукопись:

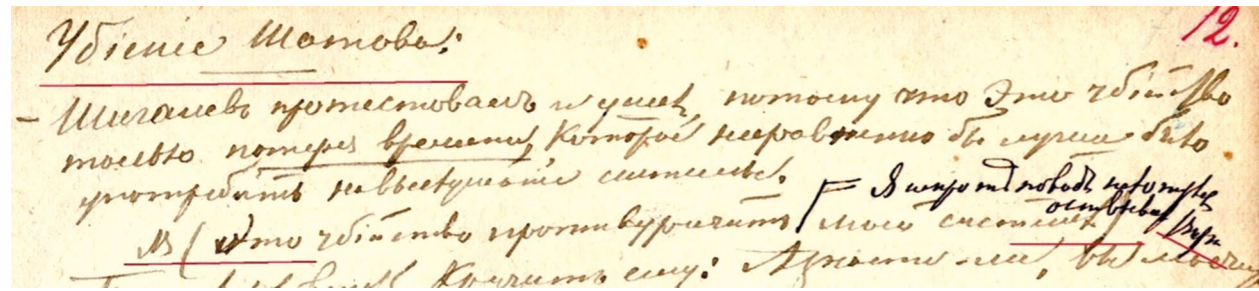
«Убиение Шатова:

— Шигалев протестовал и ушел, потому что это убийство только *потеря времени*, которое несравненно бы лучше было употребить на выслушание системы.

НВ ([и]{Э}то убийство противуречит моей *системе*) {Я не про тѣ поводы, на которых основывается<ся> *Вирги<нский>*}} (РГАЛИ. Ф. 212.1.9. С. 12, ил. 2).

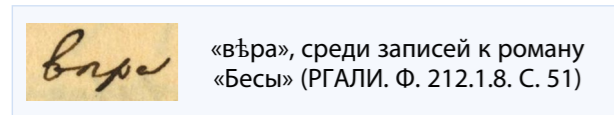
В ПСС первое предложение вынесено в заголовок, хотя в рукописи это, скорее,

¹ Выводы исследователя основаны на словарных данных (см.: [8: 1, 248]).

Илл. 2. Фрагмент черновых набросков к роману «Бесы»

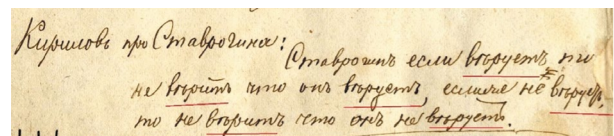
начало повествования (на что указывает и двоеточие после фамилии). В обеих публикациях неточно отражена постановка скобок после пометы «NB». Кроме того, во вписанном тёмными чернилами тексте неточно прочитано последнее слово — как «вера» (в первом издании чтение помечено как предположительное). В слове «вера» в старой орфографии была бы буква «ѣ», которая в данном случае в записи отсутствует; к тому же слово написано определённо с заглавной буквы. В анализируемой тетради написание «вѣра» не встречается, но есть в ближайшей по времени (ил. 3):

«вѣра», среди записей к роману «Бесы» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 51)

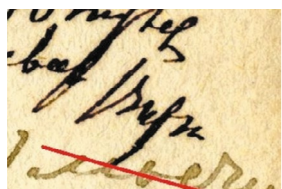
Илл. 3. Написание слова «вѣра»

Примеры однокоренных слов из анализируемой тетради (см. ил. 4):

Илл. 4. Варианты написания слов с корнем «вѣр»

Теперь рассмотрим ближе интересующую нас запись (ил. 5):

Илл. 5. Сокращенное написание фамилии «Виргинский»

Первая и третья буквы прочитаны публикаторами правильно — это «В» и «р» с теми характерными графическими признаками, какие могут возникать в скорописи Достоевского (два вертикальных штриха в «В» вместо одного, при этом отсутствие верхнего овала; удлинение вертикального штриха у «р»). Вторую букву следует читать как «и», а последние — как сочетание «ги». В автографе не дописана фамилия одного из персонажей «Бесов» — Виргинского, фигурирующая и на других страницах рукописи (с. 10, 16), где почерк более отчетливый (ил. 6):

Илл. 6. Варианты написания фамилии «Виргинский»

Наконец, содержание записей также является аргументом в пользу предлагаемого прочтения. Шигалев, протестуя против убийства Шатова, вскользь упоминает «поводы» Виргинского. Имеется в виду эпизод, описанный двумя страницами выше: «Виргинский утром ъѣгалъ, чтобъ увѣдомить, что Шатовъ не донесетъ — зная сердце человѣческое — что родился ребенокъ и жена, но никого не засталъ.

Пришелъ прежде всѣхъ на убійство. Объявилъ резонъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.9. С. 10).

Здесь изложен «резон» не убивать Шатова, названный Шигалевым в наброске на с. 12 «поводами», «на которыхъ основываетъся» Виргинский».

Почти те же слова повторены в окончательном тексте «Бесов» и принадлежат Виргинскому: «— Я знаю, что к Шатову пришла жена и родила ребенка, — вдруг заговорил Виргинский, волнуясь, торопясь, едва выговаривая слова и жестикулируя. — Зная сердце человеческое... можно быть уверенным, что теперь он не донесет... потому что он в счастии... Так что я давеча был у всех и никого не застал... так что, может быть, теперь совсем ничего и не надо...» [1: 10, 457]. Печатный текст, таким образом, становится дополнительным аргументом в указанном выше прочтении рукописного наброска.

Из приведённых примеров ясно, что анализ, в основе которого — определение типичных и особенных признаков каждого начертания в рукописи, является первым и важнейшим шагом в решении вопросов установления текста, предоставляя необходимые сведения об авторском почерке и манере письма и способствуя восстановлению подлинного смысла записей. Особенно важно систематизировать данные о нетипичных написаниях и о причинах их возникновения, так как именно в случае появления таких букв и буквосочетаний повышается риск неверной интерпретации авторского текста. Как правило, нетипичные

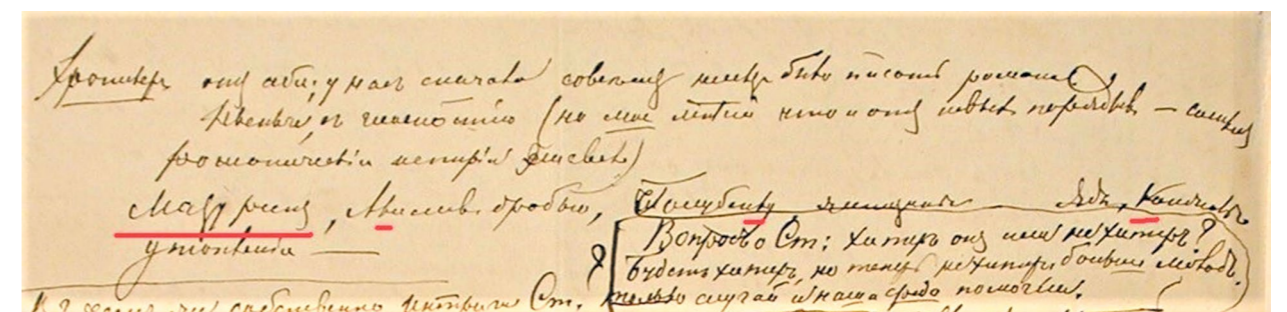
по своим графическим характеристикам записи составляют основу так называемых «трудных чтений» и неразобранных мест в рукописях Достоевского.

Исследование художественных замыслов писателя 1860–1870-х гг. («Преступление и Наказание», «Идиот», «Вечный муж», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», «Дневник Писателя») позволяет конкретизировать методологию текстологической работы на материале указанных произведений, а также обосновать мысль о связи исследования языковых и графических характеристик рукописного источника с уточнением истории текста. Как было отмечено, анализ рукописей позволяет исправить ошибки публикаций, искажающие смысл авторских высказываний. В результате такого анализа уточняется не только текст, но и обстоятельства его создания, устанавливаются неизвестные биографические параллели, прототипы персонажей, условия формирования художественных идей автора.

Неточность лексических прочтений может приводить к фактическим ошибкам и существенно отражаться на понимании текста. Таков следующий пример из указанной записной тетради с набросками к роману «Бесы»:

«Хроникеръ отъ себя: у насъ сначала совсѣмъ нельзя было писать романа. Нынче, съ гласностию (но мое мнѣніе, что и отъ новыхъ порядковъ — самая романическая исторія [e]{э}шевелё¹).

Мазуринъ, Акимова <и> дробью, [Чи]{Го}лубенку, женщины. Яды, кинжалы утопленія. —» (РГБ. Ф. 93.1.1.4. С. 51, см. ил. 7).

Илл. 7. Черновой набросок к роману «Бесы»

¹ échevelée (от фр. échevelé — неистовый) — литература французского «неистового» романтизма 1830-х гг.

Вариант публикаций:

1935: «Мазурик [и]...» [13: 140].
ПСС: «Мазурик...» [1: 11, 96].

Ошибка, допущенная публикаторами, меняет всё содержание контекста. В рукописи фамилия, а не имя нарицательное, причём в этой фамилии отчётливо прописана буква «н» и нет графических признаков буквы «к». Для сравнения можно взглянуть на другие слова с «к»: «Акимова», «Голубенку», «кинжалъ» — в них представлены разные варианты начертания буквы «к». Выше в слове «романическія» — пример начертания буквы «н».

Комментарий ПСС к этому месту малоинформативен (ошибочное чтение в нём повторено): «Очевидно, речь идет о “романтических историях” — ср. предыдущую запись» [1: 12, 339].

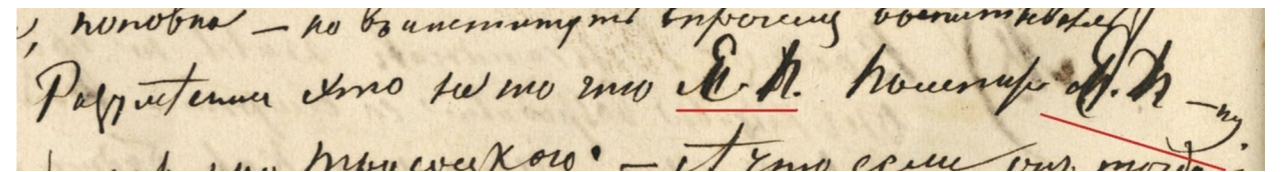
Интересен тот факт, что запись, включающая фамилии Мазурина, Голубенко и Акимовой, находится среди заметок к «Бесам» и рядом с «литературными рассуждениями» Хроникера, одновременно будучи связана как с биографией самого Достоевского, так и с другими его литературными замыслами.

Две из трёх фамилий известны по роману «Идиот» и рассказу «Вечный муж» и связаны с темой убийств, на что намекает и продолжение анализируемой записи «Яды, кинжалы, утопления». Как установила В.С. Дороватовская-Любимова, Мазурин является прототипом Рогожина, на создание образа которого повлияла газетная хроника — сообщения о судебном деле московского купца В.Ф. Мазурина, убившего ювелира И.И. Калмыкова. Дело Мазурина освещалось в газетах «Голос» и «Московские ведомости» в 1867 г., когда Достоевский обдумывал замысел романа «Идиот». Некоторые детали этого дела отразились в тексте. После убийства Мазурин накрыл труп клеёнкой, а также использовал с целью уничтожения запаха ждановскую жидкость (названную так по имени её изобретателя Н.И. Жданова). Полиция нашла на месте убийства нож

со следами крови. Мазурин был приговорён к 15 годам каторги, как и Рогожин (подробнее см.: [14: 211–214], [2: 9, 543–544]).

Голубенко — фамилия, которая встречается в тексте рассказа «Вечный муж», где Трусоцкий сообщает Вельчанинову «анекдотик преуморительный» о том, как Голубенко «отбил даму сердца» у некоего Ливцова, и «этот Ливцов — даже искренно ведь в дружбу с Голубенкой вошел, совсем помирился, да мало того-с — в шафера к нему сам напросился, венец держал, а как приехали из-под венца, он подошел проздравлять и целовать Голубенку, да при всем-то благородном обществе и при губернаторе, сам во фраке и завитой-с, — как пырнет его в живот ножом — так Голубенко и покатылся!» [2: 9, 54]. В ПСС эти фамилия и сцена не получили комментария.

Эпизод, описанный в «Вечном муже», по-видимому, отсылает к фактам биографии самого Достоевского. Принято считать, что в рассказе отразились сибирские воспоминания писателя, в частности — история любовных отношений А.Е. Врангеля и Е.И. Гернгросс (см.: [2: 9, 878–880]). Вместе с тем эпизод с Голубенко содержит отсылки к истории женитьбы Достоевского на М.Д. Исаевой, которая была увлечена Н.Б. Вергуновым в период знакомства с писателем. Как известно, Вергунов поставил свою подпись на «брачном обыске» от 6 февраля 1857 г., когда состоялось венчание Достоевского с первой женой, в качестве поручителя (шафера) по жениху. К.В. Мочульский полагал, что в «Вечном муже» отразились именно «история несчастного брака писателя» и «трагедия ревности» [15: 298]. Подтверждением тому служат черновые заметки к «Вечному мужу», на которые исследователи мало обращают внимание. В этих материалах варьируется имя героини — первой жены Трусоцкого, которая в окончательном тексте названа Натальей Васильевной. В черновиках варианты — Анна Ивановна, Анна

Ил. 8. Черновой набросок к рассказу «Вечный муж»

Васильевна, Катерина Васильевна, Наталья Васильевна, Е. П-на и М. Д-на. В последнем случае писатель прямо указывает инициалы своей первой жены Марии Дмитриевны Исаевой, тут же скрывая их, однако, за другим вариантом имени:

«2-я жена хороша, поповна — но въ институтъ, впрочемъ, воспитывалась.

Тр<усоцкій> шепчетъ: “Поповна! Разумѣется это не то, что [М. Д.]{Е. П.} Помните [М. Д]{Е. П.}-ну”» (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 62, см. ил. 8).

Набросок относится к финальной части рассказа, где Вельчанинов видит Трусоцкого со второй женой:

«— Как бывшая фамилия вашей супруги? — осведомился Вельчанинов, как бы не замечая совсем тревоги Павла Павловича.

— У нашего благочинного взял-с, — ответил тот, в смятении поглядывая на вагоны и прислушиваясь» [2: 9, 107].

Естественно, в окончательный текст сравнение второй жены героя с первой, содержащее прямую отсылку к Марии Дмитриевне, не вошло, хотя сохранилась другая деталь — Наталья Васильевна Трусоцкая, как и Исаева, умирает от чахотки.

Другой вариант имени, появляющийся в рукописи, — «Е. П.» («Е. П-на») — также автобиографичен: по-видимому, Достоевский в период работы над «Вечным мужем» вспоминал Елену Павловну Иванову, невестку своей сестры Веры Михайловны. Как следует из воспоминаний А.Г. Достоевской, летом 1866 г. писатель при встрече с Еленой Павловной спрашивал у последней, пошла бы она за него замуж, если бы была свободна. Позднее Е.П. Иванова упоминается в рукописях «Подростка»: «Он советуется с Княгиней (с которой у него было вроде как у меня с Е. П. еще при жизни мужа)» [1: 16, 243, см. также с. 275, 291, 292; 17, 417].

Не вполне ясной остаётся часть цитированной выше записи «Акимова <и> дробью». Она также может быть биографическим отголоском — достаточно вспомнить окружение Достоевских в Семипалатинске, о котором писал Л.П. Гроссман: «В последний период пребывания в Семипалатинске (речь идёт о 1859 г. — Н.Т.) Д<остоевск>ий был знаком с следующими лицами: Венедикт Яковлевич Цуревский, полковой командир Гульткевич, поручик Снакяров, приказчик купца Полякова Петр Андреевич Давыдов, помощники почтмейстера Михаил Александрович Ситников, почтальон Николаев (сопровождаящий Д<остоевско>го в Тверь), г-жа Шмейсер, *майорша Акимова*, асесор Попов» [16: 90]. Об Акимовой известно из письма бывшего ротного командира Достоевского А.И. Гейбовича от 25 марта 1860 г., в котором тот рассказывает новости об общих семипалатинских знакомых и где, в частности, есть следующее упоминание: «Полковой Командиръ Г. Гульткевичъ женился на дочери вдовы Маюрши Акимовой, къ которой онъ еще при Васъ курировалъ» (РГБ. Ф. 93.П.2.72. Л. 5 об., см. также: [17: 1, 287–288]).

Достоевский, по-видимому, в записи, цитированной выше, вспоминает именно «майоршу Акимову», но на данный момент не известно, с какими событиями связано это воспоминание. Так или иначе, реальный комментарий к этой заметке нуждается в корректировке, во-первых, в связи с уточнённым прочтением рукописного текста, во-вторых, в связи с необходимостью дальнейшего поиска и изучения источников записи.

III. Роман «Подросток»: текстологический аспект

Для текстологического анализа имеет значение комплексный подход, предполагающий одновременное изучение как собственно языковых характеристик источника, так и графических особенностей записей. Рассмотрим ещё один характерный пример.

В рабочей тетради Достоевского, содержащей черновые записи к роману «Подросток», есть фрагмент, который воспроизводится в печати неточно. Ср.:

Лит. наследство: «Картина земли под снегом через 100 000 лет. Глупость создания. «Что глупее всего, так это то, что вам докажут, что это вовсе не глупость, а так факт, тогда как я знаю же почему-то, что это глупо (чтоб пустые холодные шары летали). Игра в *Монаке* несравненно выше всего, что существует» [18: 69].

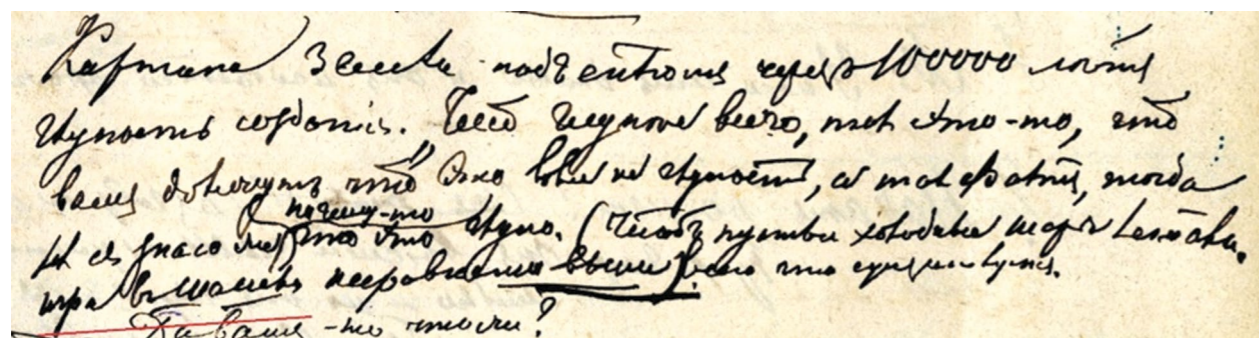
ПСС: «Картина земли под снегом через 100 000 лет. Глупость создания. «Что глупее всего, так это то, что вам докажут, что это вовсе не глупость, а так, факт, тогда как я знаю же почему-то, что это глупо (чтоб пустые холодные шары летали). Игра в *Монаке* несравненно выше всего, что существует» [1: 16, 17].

Рукопись: «Картина земли под снѣгомъ черезъ 100000 лѣтъ. Глупость созданія. «Что глупѣ всего, такъ это — то, что вамъ докажутъ, что это вовсе не глупость, а такъ фактъ, тогда какъ я знаю же {почему-то}, что это глупо<»>. (Чтобъ пустые холодные шары летали. Игра въ *шашки* несравненно выше {всего, что существуетъ})» (РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 23).

Из примера следует, что в печати вместо рукописного варианта «шашки» появляется слово «Монаке», — и запись

утрачивает исходный смысл. Неверное чтение получает в *ПСС* неверный комментарий — поясняется то, чего нет в рукописи: «Достоевский, сам увлекавшийся азартной игрой, имеет здесь в виду знаменитые игорные дома в Монако» [1: 17, 399]. В романе, в выступлении Подростка у Дергачева, есть тематическая параллель: «Да зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество, которое я никогда не увижу, которое обо мне знать не будет и которое в свою очередь истлеет без всякого следа и воспоминания (время тут ничего не значит), когда Земля обратится в свою очередь в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней, то есть бессмысленнее чего нельзя себе и представить!» [1: 13, 49].

Ошибку чтения помогает установить именно анализ начертаний и языка текста: в записи имеются характерные подстрочные штрихи, которые возможны только при написании буквы «ш». Стало быть, из графических элементов этой записи невозможно сложить вариант «Монаке», предложенный в печати. Обращает на себя внимание и грамматическая неправильность этого варианта, если учесть, что публикаторы соотносят запись с названием «Монако», не имеющим форм в косвенных падежах. И даже если бы мы допустили существование такого варианта — в слове должна была бы появиться конечная «ять» как указание на предложный падеж флексии. Но этой

Ил. 9. Черновой набросок к роману «Подросток»

буквы также нет. Графические и орфографические характеристики записи в данном случае становятся аргументом в пользу иного чтения — «игра въ шашки» (ил. 9).

В записной тетради Достоевского среди других набросков к роману «Подросток» есть примеры, подтверждающие правильность чтения «шашки»:

«Я не могу съ этимъ не согласиться (т.е. что это все равно и что [при] никто не виновать), но [въ такомъ случаѣ игра двухъ лавочниковъ въ *шашки*] имѣя разумъ не могу не признать этого ужасно глупымъ, несмотря ни на какую невинность, и игра двухъ лавочниковъ въ *шашки* безконечно умнѣе и толковѣе всего бытія и вселенной» (РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 25).

«Ученіе о томъ, что умъ человѣческой есть заключительный предѣлъ вселенной, такъ же глупо, какъ {и все, что есть самаго глупаго}, и то, что глупѣе {безконечно глупѣе} игры въ *шашки* двухъ лавочниковъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 25).

«...безъ Христа (православнаго) и христіанства жизнь человѣка и человѣчества немыслима, потому что иначе жить не [стоитъ] стоять. (т. е. на мгновеніе, лавочники и *шашки*, ледяные камни-планеты и проч.)» (РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 43).

В рукописях раскрывается христианский подтекст темы, в печатном тексте представленный библейской аллюзией «любить ближнего»¹: «Да зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество, которое я никогда не увижу, которое обо мне знать не будет и которое в свою очередь истлеет без всякого следа и воспоминания (время тут ничего не значит), когда Земля обратится в свою очередь в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней,

то есть бессмысленнее чего нельзя себе и представить!» [1: 13, 49]. Кроме того, в рукописи мотив «игры в шашки» и рассуждения о бессмысленности бытия связаны не только с образом Подростка, но и (в последней цитированной записи) с образом Версилова.

Таким образом, графические и языковые характеристики текста как две составляющие его семантики являются также своеобразным инструментарием чтения и понимания материала, позволяя восстановить подлинное слово автора, а значит — прояснить содержание его художественных идей. Среди основных методологически ценных условий результативного чтения рукописного текста Достоевского назовём подробное изучение двусмысленных фрагментов в печати, которые не согласуются с общим контекстом высказывания или содержат смысловые противоречия; исследование грамматической и пунктуационной несообразности, указывающей на ошибку чтения рукописи; сопоставление орфографических характеристик с особенностями почерка, включающее обязательное знание вариантности начертания одних и тех же букв; точное определение границы того или иного начертания, т.е. разграничение линий начертания конкретной буквы от линий, не имеющих к ней отношения; знание постоянных (неизменных) признаков индивидуального почерка и нетипичных написаний, позволяющее установить чтение точно; сопоставление всех записей, в которых разрабатывается одна и та же тема, и анализ трудных чтений с учётом всех стадий творческого процесса, включая и печатный текст.

¹ Слова «любить ближнего» восходят к ветхозаветному изречению: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь [Бог ваш]» (Лев. 19:18), а также многократно повторяются в книгах Нового Завета: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Мф. 5:43), «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумием твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37–40, см. также: Мф. 19:19, Мк. 12:31–34, Лк. 10:27–37, Иак. 2:8, Рим. 13:9, Гал. 5:14).

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2013–2020. Т. 1–9, изд. продолжается.
3. Тарасова Н.А. Черновой автограф романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского: история текста и контекстуальный анализ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2018. № 4. С. 83–106.
4. Тихомиров Б.Н. Задачи и принципы комментирования библейских интертекстов Достоевского // Евангелие Достоевского: [Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф.М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года]: [В 3 т.]. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. URL: <http://deniskmc.beget.tech/library.html> (дата обращения: 11.06.2021).
5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.
6. Никифорова С.А. Ранняя славянская терминология христианства: структура и семантика композита (на материале древнерусского и древнечешского языков). Брно: Университет им. Масарика, 2014. URL: https://is.muni.cz/th/344588/ff_d/disertacni_prace.pdf (дата обращения: 11.06.2021).
7. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М.: ГЛК, 1991. VIII с., 1370 стлб.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Цитадель, 1998.
9. Захаров В.Н. Символика христианского календаря в поэтике Достоевского // Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. С. 128–137.
10. Есаулов И.А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. Вып. 5. С. 349–362. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (дата обращения: 11.06.2021).
11. Захаров В.Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
12. Захаров В.Н. Курсив Достоевского // Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Изд-во «Индрик», 2012. С. 32–39.
13. Записные тетради Ф.М. Достоевского / Подгот. к печати Е.Н. Коншиной. Комментар. Н.И. Игнатовой и Е.Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935.
14. Дороватовская-Любимова В.С. «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени [1928] / Публ. М. Райчиной // Нева. 2011. № 11. С. 209–226.
15. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995.
16. Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. М.; Л.: Academia, 1935.
17. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881: В 3 т. / [Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН]. СПб.: Академический проект, 1999.
18. Литературное наследство. Т. 77: Ф.М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: Творческие рукописи / Публ. и коммент. А.С. Долинина. М.: Наука, 1965.

ENGLISH

The Novel Creativity of Feodor Dostoevsky:
Problems of Textual Criticism and Poetics

Natalia A. Tarasova — Doctor of Science (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, head of the project “Problems of Textual Criticism and Poetics of Dostoevsky’s Novels: Text as a Source and an Object of Interpretation” (18-012-90002). E-mail: nsova74@mail.ru

The article deals with the problems of textual criticism and poetics of Dostoevsky’s work based on the philological analysis of the writer’s novels of the 1860s and 1870s. The relevance of the research is determined by the need to systematize and critically comprehend the existing methodology and scientific approaches to the analysis and interpretation of Dostoevsky’s work. The novelty of the research lies in the definition of an effective methodology for a comprehensive study of the writer’s texts using text criticism and source analysis. One of the main tasks of the research is the textual analysis of primary sources—handwritten materials that focus on the creative ideas of the writer, including novel ones. When studying the problems of textual criticism of Dostoevsky’s work, special attention is paid to the linguotextological features of the material, the specifics of the author’s style and language, the semantics and poetics of the text. The study of Dostoevsky’s handwriting in combination with the analysis of the linguistic characteristics of the source opens up the possibility of a new, refined reading of the writer’s autographs and allows scholars to clarify the content and discover unknown sources of the author’s creative ideas.

Keywords: Dostoevsky, novels, textual criticism, poetics

REFERENCES

1. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990 (in Russian).
2. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 35 t. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013–2020. T. 1–9 (in Russian).
3. Tarasova N.A. Chernovoj avtograf romana “Prestuplenie i nakazanie” F.M. Dostoevskogo: istoriya teksta i kontekstual’nyj analiz // Dostoevskij i mirovaya kul’tura. Filologicheskij zhurnal. Moscow: Institute of World Literature Publ., 2018. № 4. S. 83–106 (in Russian).
4. Tihomirov B.N. Zadachi i principy kommentirovaniya biblejskih intertekstov Dostoevskogo // Evangelie Dostoevskogo: V 3 t. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobolska Publ., 2017. URL: <http://deniskmc.beget.tech/library.html> (data obrashcheniya: 11.06.2021) (in Russian).
5. Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov / Ed. N.Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p. (in Russian).
6. Nikiforova S.A. Rannyya slavyanskaya terminologiya hristianstva: struktura i semantika kompozita (na materiale drevnerusskogo i drevnecheshskogo yazykov). Brno: Universitet im. Masarika, 2014. 157 s. URL: https://is.muni.cz/th/344588/ff_d/disertacni_prace.pdf (data obrashcheniya: 11.06.2021) (in Russian).
7. Vejsman A.D. Grechesko-russkij slovar’. Moscow: GLK Publ., 1991. VIII s., 1370 columns (in Russian).

8. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. Moscow: Citadel Publ., 1998 (in Russian).
9. Zaharov V.N. Simvolika hristianskogo kalendarya v poetike Dostoevskogo // Zaharov V.N. Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty. Moscow: Indrik Publ., 2012. S. 128–137 (in Russian).
10. Esaulov I.A. Paskhal'nyj arhetip v poetike Dostoevskogo // Problemy istoricheskoy poetiki. Petrozavodsk: PetrSU Publ., 1998. Vyp. 5. S. 349–362. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (data obrashcheniya: 11.06.2021) (in Russian).
11. Zaharov V.N. Slovo i kursiv v "Prestuplenii i nakazanii" // Russkaya rech'. 1979. № 4. S. 21–27 (in Russian).
12. Zaharov V.N. Kursiv Dostoevskogo // Zaharov V.N. Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty. Moscow: Indrik Publ., 2012. S. 32–39 (in Russian).
13. Zapisnye tetradi F.M. Dostoevskogo / Ed. E.N. Konshina. Moscow, Leningrad: Academia Publ., 1935 (in Russian).
14. Dorovatovskaya-Lyubimova V.S. "Idiot" Dostoevskogo i ugovnaya hronika ego vremeni / Ed. M. Rajcina // Neva. 2011. № 11. S. 209–226 (in Russian).
15. Mochul'skij K.V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij. Moscow: Respublika Publ., 1995. 606 s. (in Russian).
16. Grossman L.P. Zhizn' i trudy F.M. Dostoevskogo. Moscow, Leningrad: Academia Publ., 1935. 382 s. (in Russian).
17. Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo. 1821–1881: V 3 t. St. Petersburg: Akad. Proekt Publ., 1999 (in Russian).
18. Literaturnoe nasledstvo. Tom 77. F.M. Dostoevskij v rabote nad romanom "Podrostok": Tvorcheskie rukopisi / Ed. A.S. Dolinin. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).

Индекс УДК 82-94
Код ГРНТИ 17.81.21
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-51-58

С.А. КИБАЛЬНИК*

Достоевский и Россия (в прошлом, настоящем и будущем)

В статье показана взаимосвязь между образом Ф.М. Достоевского, каким он сложился в русской культуре, и образом России, каким он сложился за рубежом. Утверждается, что образ «тяжёлого таланта», отягощённого эдиповым комплексом, склонного к иррационализму, «пассивности», культу страдания, садомазохизма и других психических отклонений, реакционного русского патриота и политического консерватора, якобы ненавидевшего Запад, был создан прежде всего прижизненной и посмертной литературной критикой Достоевского. Несмотря на то что русская религиозная философия немало сделала для постижения подлинного Достоевского, в медийном пространстве современной русской культуры, увы, успешно воспроизводится отнюдь не он. Это показано на примере лекций Д.Л. Быкова о Достоевском. Нынешний 200-летний юбилей писателя рассматривается в статье как поворотный момент в утверждении истинного образа Достоевского — его «светлого имени».

Ключевые слова: образ Достоевского, образ России, личность, творчество, легенды и мифы, русская классика

Эта тема в разговорах о Достоевском сегодня поднимается не так уж часто. С одной стороны, она звучит как будто бы немного высокопарно, а с другой — вызывает вопрос: так ли уж две эти вещи взаимосвязаны?

Хотя задумываемся об этом мы не слишком часто, но связь между ними всё же есть.

Какое нам сегодня дело до Достоевского?

Однако вначале попытаемся ответить на вопрос: какое нам вообще сегодня дело до Достоевского? То есть

до человека, который родился 200 лет назад?

Какое дело до того, каким он был человеком, писателем, и какой у него сегодня имидж в России и во всём мире?

Оказывается, самое прямое. И вот почему.

За те 200 лет, что прошли с момента рождения Достоевского, писателя, который бы в большей степени будоражил сердца людей по всему миру, в России так и не появилось. Были, конечно, у нас ещё и Пушкин, и Гоголь, и Тургенев, и Толстой, и Чехов, но в лучшем случае

* Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, руководитель проекта «Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры» (18-012-90003).
E-mail: kibalnik007@mail.ru

они лишь приближаются в этом отношении к Достоевскому.

И сегодня, в XXI в. он, наверное, всё же остаётся писателем № 1 не только в России, но и во всём мире.

Что за человек и что за писатель был Достоевский?

Так каким же он был человеком и писателем?

Человеком сложным — нервным и раздражительным и в то же время отзывчивым и простодушным, неробким и неуступчивым и в то же время доверчивым и наивным, мрачноватым и в то же время дружелюбным и умеющим «презирать и ненавидеть». Во всяком случае на этот счёт современники довольно единодушны.

Не забудем и о том, что Достоевский на протяжении жизни менялся. И после возвращения из-за границы в 1871 г. предстал перед старыми знакомыми, по свидетельству многих из них, совсем другим человеком. Уже не Достоевским, который сходит к нам со страниц «Дневника 1867 года» А.Г. Достоевской [1]: человеком, подчас ещё не умеющим сдерживать свои чувства и нередко нетерпимым к окружающим его, даже самым близким людям.

Пережив смерть дочери Сони в Женеве в 1868 г. и рождение Любы в 1869 в Дрездене, а сразу по возвращении в Петербург в 1871 — сына Феди, Достоевский, по его собственным словам, «сжился» с женой и именно с этим, а не просто с каким-то абстрактным, отделённым от самой его жизни обращением к христианским ценностям, связано «преображение» Достоевского как личности.

Об этом, впрочем, хорошо и точно высказался всё тот же пресловутый Н.Н. Страхов: «Рождение детей, забота о них, участие одного супруга в страданиях другого, даже самая смерть первого ребёнка, — всё это чистые, иногда высокие впечатления. Нет сомнения, что именно за границей, при этой обстановке и этих

долгих и спокойных размышлениях, в нем совершилось особенное раскрытие того христианского духа, который всегда жил в нём» [2, с. 496].

Что касается творческого наследия Фёдора Михайловича, то его оценивали совершенно по-разному. Достоевского называли «жестоким талантом» (Н.К. Михайловский) и «русским маркизом де Садом» (И.С. Тургенев), «архискверным» (Ленин) и «нездоровым» (Максим Горький) писателем, «клеветником на жизнь» (А.В. Луначарский) и «великой духовной опасностью» для людей (Григорий Ландау).

Василий Розанов обвинял Достоевского в том, что в России произошла революция, Владимир Набоков хотел его «развенчать», Анатолий Чубайс — даже «разорвать на куски». Впрочем, всё это без особого обоснования.

При этом в отношении писателей без труда просматривается одна закономерность: яростнее всего отрицали значение Достоевского именно те из них, которые больше всего ему обязаны и сами отлично понимали, насколько невыгодно им сопоставление с его творчеством их собственных произведений. Такие, казалось бы, совершенно разные и даже во многом противоположные друг другу писатели, как Максим Горький и Владимир Набоков.

Образ «тяжёлого таланта», отягощённого эдиповым комплексом, склонного к иррационализму, «пассивности», культу страдания, садомазохизма и других психических отклонений, реакционного русского патриота и политического консерватора, якобы ненавидевшего Запад, увы, успешно воспроизводится и в медийном пространстве современной русской культуры.

«Легенды и мифы» Дмитрия Быкова

Взглянем с этой точки зрения на пользующиеся заслуженным широким успехом лекции Дмитрия Львовича Быкова. Заслуженным, потому что Быков

прекрасный лектор, энтузиаст и знаток русской литературы. Однако, конечно же, не знаток русской классики и Достоевского. И потому всё, что говорит Быков о Достоевском, не имеет к тому прямого отношения. Сам того не сознавая, он в основном воспроизводит и варьирует разнообразные мифы о Достоевском.

Во-первых, он воспроизводит революционно-демократический миф о Достоевском как о сломленном каторгой человеке, который в результате оклеветал в романе «Бесы» социалистическое движение. Это миф, во-первых, потому, что в действительности Достоевский до конца жизни оставался верным не столько социалистическому, сколько социально-христианскому идеалу преобразования жизни — но уже не столько социального, сколько духовного. Чтобы правильно расценить в этом смысле роман «Бесы», стоит вспомнить историческую ситуацию 1860–1870-х гг. Александр II сам инициировал и провёл в стране значительные, пусть и половинчатые, реформы, а в ответ революционеры-социалисты устроили на него настоящую охоту, оправдывая в борьбе «за правое дело» любой имморализм, вплоть до нечаевщины. В этой ситуации написать об опасности и прямом вреде такого революционного движения было как раз актом борьбы за подлинную свободу. Тем более если учесть, что одновременно с этим Достоевский в «Бесах» создал убийственную сатиру на губернаторское правление в России.

Во-вторых, Быков воспроизводит целый ряд мифов о Достоевском из русской символистской и эмигрантской критики. Если последняя под влиянием нищезанятия восторженно провозглашала Достоевского «адвокатом зла», то Быков, опять-таки вслед за многими другими, берётся его за это критиковать. Он говорит, что Достоевский, «изображая зло, явное зло, начинает выступать его адвокатом»: «Начав описывать своего

подпольного человека, вытащил наружу все собственные комплексы и эти комплексы полюбил» [3, с. 472]. Здесь у Быкова просматривается провозглашённое Львом Шестовым представление о тождестве автора и героя «Записок из подполья». Однако нарративная структура этой повести отчётливо знаменует нравственную победу Лизы над подпольным парадоксалистом (см., напр.: [4]).

Вслед за Шестовым и Мережковским Быков голословно заявляет, что «писатель, которого с самого начала интересовало в человеческой природе иррациональное, на этом иррациональном до некоторой степени и сдвинулся. Ему только патология стала интересной. <...> Подполье стало его нормальной средой, и культ подпольности эту могучую душу, как мне кажется, погубил» [3, с. 474].

Здесь в лекциях Быкова также скрывается достаточно распространённая аберрация. Ведь здорового или нездорового человека вообще не существует. В каждом самом здоровом есть, или хотя бы временами проявляется, что-то как будто нездоровое. Так что интересен Достоевскому как раз здоровый человек, но такой, каким он встречается в жизни, а не в школьных прописях. Об этом сам писатель говорил не раз: хотя бы в статье «Одна из современных фальшей», в которой он вспоминает, как был педрашевцем, и признаётся, что Нечаевым, вероятно, «не мог бы сделаться никогда, но нечаевцем, может, и мог бы».

К тому же приведённое выше суждение Быкова также взято, как это легко заметить, из «Преодоления самоочевидностей» Шестова, только с противоположной оценкой: то, чем Шестов восхищался в Достоевском, Дмитрию Быкову — опять-таки вслед за многими другими — представляется гибельным. Между тем ещё Н.А. Бердяев сказал, а А.П. Скафтымов убедительно показал, что Шестов ошибся, приписав самому Достоевскому культ подполья. Однако Д.Л. Быкову, судя по всему, или это

неизвестно, или он остаётся при своём мнении, но в таком случае оно требует обоснования.

Возможно, неизвестно ему и то, что ещё в 1863–1864 гг., т.е. как раз в годы создания «Записок из подполья», Достоевский сформулировал в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и в своих рабочих тетрадях несколько утопическую идею о том, что уделом подлинно развитой личности является самопожертвование ради других.

Разумеется, это известно только специалистам. Однако «суровый судия» мог бы вспомнить хотя бы о том, что вскоре после «Записок из подполья» Достоевский написал роман «Идиот», в котором отразился его флорентийский спор с философом Николаем Страховым, убеждённым в том, что человек «мерзок». Или хотя бы о том, что в этом романе Достоевский попытался вновь показать: идеал «прекрасного человека», заданный Христом, остаётся актуальным и для современности (подробнее см.: [5]).

Так тенденция к литературно-критической мифологизации русской классики, сполна проявившаяся в первой половине XX в., теперь сполна проявляется в первой четверти XXI в. — с той только разницей, что не столько порождает новые, сколько воспроизводит старые мифы о русской классике.

А её научная интерпретация, тем временем сделавшая значительный шаг вперёд в своём развитии, как правило, остаётся неостребованной ни в литературно-критической рецепции, ни в театрально-кинематографической адаптации.

Интерес к Достоевскому — интерес к России

В то же время многие другие критики и писатели с давних времён подчёркивали особую духовную природу творчества Достоевского (как и Толстого). И в связи с этим ставили вопрос об «особом предназначении России», о «русской идее».

У нас об этом говорили русские религиозные философы, начиная с Владимира Соловьёва, и экзистенциальные мыслители, начиная с Льва Шестова. За рубежом — крупнейшие западноевропейские писатели и мыслители, начиная с Фридриха Ницше, Андре Жида и Оскара Уайльда.

Во многом благодаря достижениям русской литературы и искусства, и не в последнюю очередь благодаря достижениям Достоевского, за рубежом в конце XIX в. начал расти и интерес к России.

И происходила удивительная вещь. Россию стали воспринимать прежде всего как родину Достоевского и Толстого. Соответственно, то, как воспринимали их, определяло то, как относились к России.

Тут-то вот многие несправедливые вещи, сказанные о Достоевском, начали служить нам недобрую службу. Напраслина, возведённая на писателя, оказывалась клеветой на собственную страну.

И нельзя списать это на недоброжелательство к нам иностранцев, потому что русские критики ещё при жизни Достоевского возвели на него такие поклёпы, какие никогда даже не приходили в голову зарубежным.

Напротив, за рубежом как раз всегда преобладало апологетическое отношение к Достоевскому! (фото 1). Начиная со знаменитой книги Мельхиора де Вогиоэ «Русский роман», написанной в 1886 г., «реалистический идеализм» Достоевского и Толстого зарубежные критики стали выгодно противопоставлять натурализму западноевропейской литературы конца XIX в.

Клевета на Достоевского — клевета на Россию и русских

Несколько иначе дело обстоит сейчас. То и дело за рубежом, и чаще всего на Западе, как правило, с подачи наших эмигрантов, проходят международные научные конференции, посвящённые «русскому иррационализму»,

«пассивности», культу страдания, садомазохизма и других психических отклонений, реакционности русского патриотизма, якобы обязательно чреватого ненавистью к Западу, политическому консерватизму и даже антисемитизму русских писателей.

Причём начинается разговор обо всём этом, как правило, с Достоевского. Сначала всё это приписывается ему, а затем переносится на образ России и русских.

Есть ли для этого достаточные основания?

Идеалы Достоевского и идеалы человечества

Если говорить о современной России и о русских вообще, то картина, как всегда в таких случаях, оказывается пёстрой и противоречивой. Как и в любой другой стране, есть у нас и такое. Но является ли оно определяющим?

Представляется всё же, что нет. И сегодня в России немало людей, которые вовсе не разделяют подобных представлений о жизни и мире и ни сном ни духом не виновны ни в чём подобном. Напротив, они открыто высказываются, а то и активно борются за противоположные ценности.

И вот поскольку сегодня и они, и их оппоненты стараются сделать Достоевского своим союзником, особенно важно подчеркнуть: сам писатель во всех своих зрелых произведениях отстаивал идеалы, которые теперь стали общечеловеческими ценностями.

Действительные идеалы, которые исповедовал Достоевский

Достоевский вовсе не отрицал возможность и необходимость рационального объяснения действительности или создания научной картины мира — он только считал нужным добавить к ним интуи-

Фото 1. Памятник Ф.М. Достоевскому в Баден-Бадене (Германия) (фото П.Е. Фокина)

тивное проникновение в «тайну бытия». Он был сторонником активного отношения к жизни (достаточно вспомнить огромное количество людей, которым он оказал реальную помощь в их жизни!). И только одновременно был убеждён в необходимости прежде всего духовного совершенствования самого человека, которое неминуемо повлечёт за собой коренные реформы общественной и экономической жизни людей (фото 2).

Обыкновенно социологи больше верят в спасительность социальных институтов, которые заставят человека меняться, но писатели придают большее значение внутренним переменам в самом человеке, без которых невозможны и изменения в обществе.

Фото 2. Коллаж работы Веры Бирон и Аркадия Опочанского (Санкт-Петербург)

Как известно, Достоевский сам участвовал в тайных обществах во времена николаевской реакции и резко критиковал революционный террор в эпоху хотя и половинчатых, но прогрессивных реформ Александра II. До конца своих лет он верил в духовное перерождение человечества и наступление «золотого века» в его жизни посредством осуществления социально-христианского идеала «братства» людей.

Достоевский резко критиковал культ наживы в современной ему Европе и одновременно восхищался этой, как он вслед за поэтом-славянофилом Алексеем Хомяковым называл Запад, «страной святых чудес». Не случайно первым абрисом «положительно-прекрасного» человека — типа, который он воплотил в образе князя Мышкина из его знаменитого романа «Идиот», — стал вовсе не русский герой, а англичанин

мистер Астлей из романа «Игрок», написанного несколькими годами ранее (см. подробнее: [6, с. 347–348]).

Во многих своих романах Достоевский изображает героев, доходящих в своей любви к другому человеку до рабства, а то и до ненависти к нему. Таков, например, Алексей Иванович из романа «Игрок». И в то же время он показывает, что совсем не такая любовь нужна его героям. Таким, например, как Полина из всё того же «Игрока».

Своего рода садомазохизм отдельных героев Достоевского, сочувственно изображённый во многих произведениях Тургенева (вспомним хотя бы его повести «Первая любовь» и «Вешние воды»), который произвёл сильное впечатление на австрийского писателя Леопольда Захера-Мазоха, не имеет ничего общего с миром авторских идеалов, как он проявляется в произведениях писателя [6, с. 296–302].

Путь к обретению Бога Достоевский видел в «братском» отношении к другим людям, и прежде всего к своим близким. Главной задачей литературы вслед за Виктором Гюго он считал «спасение» человека и «возрождение человеческой души». А достижение всего этого — вместе со своим alter ego — старцем Зосимой из «Братьев Карамазовых» — Достоевский считал только «опытом деятельной любви».

«Светлое имя» Достоевского

В этом, между прочим, с Достоевским были единомышленны Толстой, и Чехов, и лучшие зарубежные писатели XX и даже XXI в.: Томас Манн и Теодор Драйзер, Альбер Камю и Жан-Поль Сартр, Акутагава Рюноске и Габриэль Г. Маркес, Филип Рот и Кадзуо Исигуро.

Так что Достоевский и сегодня живое свидетельство того, что самые высокие идеалы русских писателей — несмотря на то что за прошедшие двести лет многие конкретные ценности и нормы общества изменились, — стали общими идеалами не только России и Запада, но и всего человечества. И всё дело теперь только в том, чтобы совместными усилиями этих идеалов достичь.

У нас это может получиться только в том случае, если мы не будем сами извращать эти высокие идеалы ложным истолкованием наших классиков, и прежде всего Достоевского.

Когда-то Александр Блок на чествовании памяти Пушкина впервые сказал о «весёлом имени Пушкина». Сегодня, хотя бы через 200 лет после рождения Достоевского, стоит во весь голос сказать, наконец, о его «весёлом» и «светлом имени». И чем скорее мы осознаем, что художественный мир Достоевского — это мир «добра и света», тем светлее и чище станет в мире образ России.

Конечно, при условии, что и сама по себе современная Россия будет не слишком противоречить идеалам писателя, как это, увы, иногда имеет место сегодня.

Скажем же сегодня о Достоевском слова, которые сам Блок хотел, чтобы «в грядущем» «юноша весёлый» сказал бы о нём самом:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!*

[7, 85]

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года / Изд. подг. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1993.
2. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990.
3. Быков Д. Один. Сто ночей с читателем. М.: АСТ, 2017.
4. Скафтымов А.П. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Собр. соч. Самара: Век 21, 2008. Т. 3. С. 135–188.
5. Кибальник С.А. Анти-Быков: Достоевский в «Одине» Дмитрия Быкова // Формаслов. 1 сентября 2020 г. URL.: <https://formasloff.ru/2020/09/01/anti-bykov-dostoevskij-v-lectsiyah-dmitriya-bykova/> (дата обращения: 31.05.2021).
6. Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: Петрополис, 2013.
7. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы. 1907–1921. М.; Л.: ГИХЛ, 1960.

ENGLISH

Dostoevsky and Russia (In the Past, Nowadays, and in the Future)

Sergei A. Kibalnik — Doctor of Science (Philology), Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, head of the project “Image of Dostoevsky and Image of Russia (In the Past, Nowadays, and in the Future)” (18-012-90003).
E-mail: kibalnik007@mail.ru

The article shows the relationship between the image of Dostoevsky in Russian culture, and the image of Russia abroad. It is argued that the image of a reactionary Russian patriot and political conservative who allegedly hated the West, a “heavy talent” burdened by an Oedipus complex, prone to irrationalism, “passivity,” the cult of suffering, and sadomasochism and other mental deviations, was created primarily by criticism of Dostoevsky both during his life and posthumously. Despite the fact that at the same time Russian religious philosophy did a lot to comprehend the true Dostoevsky, in the media space of modern Russian culture, alas, he is not at all successfully reproduced. This is shown by the example of DL Bykov’s lectures on Dostoevsky. The 200th anniversary of the writer is considered in the article as a turning point in the affirmation of the true image of Dostoevsky – his “bright name.”

Keywords: the image of Dostoevsky, the image of Russia, personality, creativity, legends and myths, Russian classics

REFERENCES

1. Dostoevskaya A.G. Dnevnik 1867 goda / Izd. podg. S.V. Zhitomirskaya. Moscow: Nauka, 1993 (in Russian).
2. F.M. Dostoevsky v vospominaniyah sovremennikov. T. 1. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1990 (in Russian).
3. Dmitry Bykov. Odin. Sto nochey s chitatelem. Moscow: AST, 2017 (in Russian).
4. Skaftymov A.P. “Zapiski iz podpolya” sredi publitsistiki Dostoevskogo // Sobr. soch.: V. 3 t. Samara: Vek 21, 2008. S. 135–188 (in Russian).
5. Kibalnik S.A. Anti-Bykov: Dostoevsky v “Odine” Dmitriya Bykova // Formaslov, 1 sentiabria 2020. URL.: <https://formasloff.ru/2020/09/01/anti-bykov-dostoevskij-v-lektsiyah-dmitriya-bykova/> (data obrashcheniya: 31.05.2021) (in Russian).
6. Kibalnik S.A. Problemy intertextual'noy poetiki Dostoevskogo. St. Petersburg: ID “Petropolis”, 2013 (in Russian).
7. Blok A.A. Sobr. soch.: V 8 t. T. 3. Stikhotvoreniya i poemy. 1907–1921. Moscow, Leningrad: GИHL, 1960 (in Russian).

Индекс УДК 82-94
Код ГРНТИ 17.81.2
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-59-70

П.Е. ФОКИН*

«Московский дом Достоевского»: новая жизнь легендарного литературного музея

Первый «Музей памяти Ф.М. Достоевского» был открыт в Москве в 1906 г. стараниями вдовы писателя, передавшей коллекцию собранных ею материалов в Императорский исторический музей. В 1928 г. в Москве в доме, где прошло детство писателя, был открыт «Музей Ф.М. Достоевского». В 1932 г. коллекции обоих музеев были объединены. В 1940 г. московский «Музей Ф.М. Достоевского» вошёл в состав Государственного литературного музея. К 200-летию со дня рождения Достоевского создаётся новая экспозиция «Московский дом Достоевского», которая разместится на трёх этажах. При разработке её концепции были использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта РФФИ «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф.М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля» (18-012-90018). Впервые в новой экспозиции будут представлены архивные и изобразительные материалы, выявленные в процессе исследования. Кроме того, в экспозицию введены темы и смысловые акценты, опирающиеся на результаты выполненного проекта.

Ключевые слова: Достоевский, литературный музей, музей Ф.М. Достоевского, экспозиция

«Петербургский писатель» Достоевский родился в Москве. Здесь он прожил первые пятнадцать лет своей жизни — ровно четверть. Здесь, в родительском доме, под заботливым и любящим присмотром он стал познавать мир — сложный, драматичный, волнующий. Здесь открылись ему тайны жизни и смерти, духа и плоти. Впечатлительная душа ребёнка с глубокой отзывчивостью восприняла суровую сторону жизни, которой жил мир

Мариинской больницы для бедных, где служил врачом отец. Нemoшь, нужда, угнетённость, смерть были постоянно на виду, постоянно зывали к отклику, заставляли задумываться о вечных вопросах. При взгляде на них пробуждалось сострадание, воспитывалось милосердие, прививались уроки деятельной помощи. Не случайно первый свой роман Достоевский назвал «Бедные люди»!

Но Москва щедро одарила и иными впечатлениями. Диапазон их широк. Здесь

* **Фокин Павел Евгеньевич** — кандидат филологических наук, заведующий отделом «Музей-квартира Ф.М. Достоевского» Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля, руководитель проекта «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф.М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля» (18-012-90018).
E-mail: pfokin@mail.ru

и разнообразная народная жизнь в самом богатом её проявлении — от богомольности до пьяного безобразия. И предания о былом пополам с послепожарными новостройками. И театр — от балаганного Петрушки до Гамлета. Богатейшие родственники Куманины. Дед — интеллект, профессор университета. Учитель словесности Н.И. Билевич — друг Гоголя. Дальний родственник — художник Попов, создавший прекрасные портреты родителей. Дядя Михаил Фёдорович — виртуозный мастер игры на гитаре.

Москва дала Достоевскому ощущение полноты жизни, её исконной значимости и красоты. В Москве он впитал в себя дух национальной культуры. Здесь была та почва, о которой он, спустя годы, будет писать как о единственной основе русской цивилизации.

Вполне естественно и закономерно, что первый музей Достоевского в России появился в Москве. Как и всё, что связано с именем Достоевского, его история необычна и богата событиями.

Начать с того, что в Москве одно время было два музея Достоевского. Первый назывался «Музей памяти Ф.М. Достоевского» и входил в состав Государственного исторического музея. Второй именовался просто «Музей Ф.М. Достоевского» и, подчиняясь Московскому отделу народного образования, располагался в комнатах бывшей квартиры Достоевских в здании флигеля бывшей Мариинской больницы для бедных.

«Музей памяти Ф.М. Достоевского» был создан по инициативе вдовы писателя Анны Григорьевны Достоевской, которая передала собранную ею коллекцию в дар Императорскому историческому музею (после революции 1917 г. изменившему название на Государственный исторический музей). Он был официально открыт в 1906 г. [1].

А.Г. Достоевская начала собирать свою коллекцию ещё при жизни мужа, а его смерть стала катализатором целе-

направленной работы. Удручённая потерей любимого человека, она принялась за разбор его бумаг, документов, вещей. Ей хотелось сохранить память о муже для себя и для своих детей. В траурные дни 1881 г. она не могла и предположить, какой масштаб приобретёт её деятельность и каков будет результат.

Конечно, она понимала значимость фигуры Достоевского, его место в ряду русских писателей, отдавала отчёт в исторической и культурной ценности всего, что связано с его творчеством и личностью. Многие годы она была верным помощником Фёдора Михайловича на литературном поприще, в деталях знала перипетии его судьбы, изучила склад души и характер. Накопленный ею богатый опыт деятельности литературного секретаря позволил быстро сориентироваться в материале и приступить к его систематизации и отбору.

По счастью, рядом с Анной Григорьевной в ту пору оказался почитатель и друг последних лет жизни Достоевского, профессиональный филолог, профессор Санкт-Петербургского университета Орест Фёдорович Миллер (1833–1889), который стал бесценным помощником и консультантом в новом для неё деле. Он принял самое деятельное участие в сохранении памяти великого писателя.

Зимой 1886 г. А.Г. Достоевская познакомилась с учёным секретарём Императорского Исторического музея В.И. Сизовым, обратившимся к ней с просьбой передать в Музей портрет Ф.М. Достоевского для экспонирования. Она спросила В.И. Сизова, не заинтересует ли Исторический музей её коллекция. В.И. Сизов попросил показать материалы и был потрясён их объёмом и качеством. С удивлением и восхищением он заметил: «Мне вчера, когда мы с вами говорили, подумалось: у барыни, может быть, имеется всего три-четыре портрета и бюста, а она хочет для них чуть не целую залу, но всё-таки решил посмотреть. Но теперь, когда я видел, какими сокровищами вы обладаете,

я могу обещать вам положительно, что для вашего собрания будет отведена отдельная комната» [4, с. 562]. Анна Григорьевна написала письмо директору Исторического музея И.Е. Забелину и уже через неделю получила от него положительный ответ.

Наряду с комплектованием коллекции А.Г. Достоевская занималась её систематизацией и описанием. Результатом стал выход в свет в 1906 г. обстоятельного «Библиографического указателя сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени императора Александра III. 1846–1903» (далее — «Библиографический указатель»). К моменту издания «Библиографического указателя» в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» было собрано около 4700 предметов, из них было описано 4232 предмета [2, с. II].

На протяжении всех лет вдове писателя помогали в работе профессиональные историки, библиографы и музейные работники. Высококвалифицированные консультанты и помощники обеспечили работе А.Г. Достоевской необходимую научность и содержательность. Конечно, главным мотором была сама Анна Григорьевна, увлечённая и неутомимая. Её горячая любовь к покойному мужу, искреннее им восхищение и неугасавший энтузиазм придали коллекции «Музея памяти Ф.М. Достоевского» её неповторимый облик (фото 1). «Музей Ф.М. Достоевского» возник благодаря энтузиазму Веры Степановны Нечаевой (1895–1979) при поддержке руководства Государственной академии художественных наук [6]. Он открылся

Фото 1. Анна Григорьевна Достоевская в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» во время последнего посещения Исторического музея. Фотография. Москва. 2 декабря 1916 г. Из собрания А.Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля

11 ноября 1928 г., его коллекцию составили материалы, собранные В.С. Нечаевой из дублетного фонда московских библиотек, и мемории, полученные от родственников писателя, которых она разыскала в Москве, Ленинграде, Даровом и убедила передать в музей семейные реликвии. Их ценность не уступала предметам коллекции А.Г. Достоевской.

«Музей памяти Ф.М. Достоевского» был, несмотря на своё название, не вполне музеем. Хотя Анна Григорьевна позаботилась о его экспозиции — заказала для него специальные витрины, обрамила и развесила по стенам многочисленные портреты Достоевского, — он был

доступен не для всех. К 1920-м гг. он представлял собой, по воспоминаниям В.С. Нечаевой, просто склад, собранные А.Г. Достоевской материалы «хранились в одной из комнат огромного здания Исторического музея, не были рассчитаны на публичное обозрение и не представляли никакой музейной экспозиции. Хранитель М.А. Петровский выдавал специалистам научно необходимые материалы и справки для их работ, но о более широком ознакомлении с этим собранием речи быть не могло из-за условий хранения и организации помещения» [6, с. 278].

В 1929 г. «Музей памяти Ф.М. Достоевского» как отдел Государственного исторического музея был закрыт. В.С. Нечаева проявила исключительную решимость и настойчивость, сумев добиться того, что основная часть

коллекции А.Г. Достоевской была передана в «Музей Ф.М. Достоевского». Таким образом, с 1932 г. московский «Музей Ф.М. Достоевского» стал обладателем самого значительного по количеству и составу собрания материалов, связанных с жизнью и творчеством писателя (фото 2).

В 1934 г. «Музей Ф.М. Достоевского» стал структурным подразделением Библиотеки им. В.И. Ленина и в этом статусе просуществовал до 1940 г., когда был передан в подчинение Государственного литературного музея (ныне – Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, ГМИРЛИ).

Важным этапом в судьбе московского музея Достоевского стал 1956 г., когда по решению Всемирного Совета Мира отмечалось 75-летие со дня смерти Достоевского. По этому случаю была

Фото 2. Музей-квартира Ф.М. Достоевского в Москве. Интерьер. Фотография. Москва. 1934. Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля

Фото 3. Открытие новой экспозиции Дома-музея Ф.М. Достоевского в Москве. Президиум (слева направо): Андрей Фёдорович Достоевский, Евгений Аронович Долматовский, министр культуры РСФСР Татьяна Михайловна Зуева, директор Государственного литературного музея Николай Иванович Соколов. Фотография А. Лесса. 11 февраля 1956. Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля

значительно расширена экспозиционная площадь музея, который до этого времени буквально ютился в двух комнатах бывшей квартиры Достоевских (в соседних с музеем комнатах продолжали жить люди). Теперь музеем была передана вся мемориальная квартира и ещё несколько помещений на первом этаже. Появилась возможность создать полноценную историко-литературную экспозицию, раскрывающую целиком жизненный и творческий путь Достоевского (фото 3).

Следующая страница истории музея связана с 1983 г., когда после реставрационного ремонта в квартире Достоевских на основе мемориальных и типологических предметов была воссоздана обстановка, в которой протекало детство писателя (фото 4). Новая экспозиция с успехом просуществовала почти сорок лет и всегда вызывала у посетителей

большой эмоциональный отклик. К сожалению, из-за ограниченности пространства музею пришлось отказаться от историко-литературной экспозиции и бесценные материалы, собранные трудами нескольких поколений музейщиков, оказались в фондах.

В ходе подготовки к празднованию 200-летия Ф.М. Достоевского ГМИРЛИ получил в оперативное управление всё здание флигеля бывшей Мариинской больницы для бедных – три этажа площадью почти в 1500 кв. метров в доме 2 на улице Достоевского. В 2020 г. в здании начались реставрационные работы.

Концепция новой экспозиции «Московский дом Достоевского» разработана с учётом предыдущего, более чем 90-летнего, опыта работы музея и возможностей, предоставляемых полученными помещениями. Главной целью является

создание особого духовно-интеллектуального пространства, всесторонне раскрывающего биографию, творческий путь, личность и идейное наследие Достоевского, его место в русской и мировой культуре и предлагающего посетителю не только разнообразную достоверную информацию, но и возможность активного взаимодействия с ней, личного творческого её освоения. Специальной целью является интенсивное и разноплановое предъявление в экспозиции русского языка, его смыслового и эстетического богатства.

«Московский дом Достоевского» — комплекс музейных экспозиций и музейных зон разного типа. В его составе реконструированное мемориальное пространство квартиры Достоевских, историко-литературные экспозиции, музейно-экспозиционные и мультимедийные инсталляции, аудиоспектакли,

интерактивные зоны, коммуникативные пространства, театральные лекционные залы.

«Московский дом Достоевского» задуман как музей многоразового посещения. Структура и художественно-экспозиционное решение музейного пространства предполагается как комплекс музеев под одной крышей. В тематико-экспозиционную структуру заложена возможность актуализации нескольких экскурсионных маршрутов как для индивидуальных посетителей, так и для групповых экскурсий. Экспозиционное пространство «Московского дома Достоевского» может быть многообразно интерпретировано для различного рода нетрадиционных форм освоения экспозиции (например, квестов, иммерсивных программ и др.).

Весомый вклад в разработку научной концепции и тематико-экспозиционного плана экспозиции «Московского дома Достоевского» внесла работа

Фото 4. Мемориальная экспозиция квартиры Достоевских. «Гостиная». Фотография. Москва. 1984. Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля

группы научных сотрудников экспозиционных и фондовых отделов ГМИРЛИ, проведённая в рамках проекта РФФИ № 18-012-90018 «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф.М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля», осуществлявшегося в 2018–2021 гг.

В частности, были выявлены уникальные материалы в составе рукописного фонда, относящиеся к жизни семьи Достоевских в селе Даровое [3]. Они позволят более полно, с опорой на редкие документы, раскрыть тему народной культуры и быта, с которыми встречался в детстве Достоевский во время летних каникул. Ранее эти документы никогда не использовались в экспозиционной работе. Впервые станут предметом показа документы, связанные с последними днями Достоевского: последняя прочитанная им газета [15], телеграммы разных лиц, направленные в адрес А.Г. Достоевской в связи со смертью писателя [13].

Точно так же, благодаря проведённому анализу фонда фотографий [5, 14], выявлено значительное количество музейных предметов, связанных с родственным и общественным окружением писателя. Именно их наличие подсказало идею представить личность Достоевского на широком фоне его современников, среди людей и лиц, общение с которыми питало его творчество, давало разнообразный материал для художественного исследования «тайны человека». Как убедятся посетители «Московского музея Достоевского», писатель, вопреки сложившемуся мифам, не был угрюмым кабинетным мыслителем, уединившимся от мира и наблюдавшим его со стороны. Напротив, всегда, во все времена он был окружён «живой жизнью», которую любил и ценил превыше всего. Выявленные материалы вошли практически во все экспозиционные блоки, относящиеся к биографии Достоевского.

Анализ газетных материалов из собрания А.Г. Достоевской, проведённый в рамках проекта, позволил создать обстоятельную информационную базу для разработки экспозиционных тем «Достоевский и журнализм» [7–9, 12], «Достоевский и театр» [10, 11], «Достоевский в переводах на иностранные языки».

Фундаментальные исследования по проекту способствовали разработке концепции новой экспозиции Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (ГМИРЛИ) «Московский дом Достоевского», открытие которой знаменует новую жизнь легендарного литературного музея. Отдельные тематические блоки были также апробированы в ходе создания юбилейной выставки ГМИРЛИ «Фёдор Достоевский. Сильные впечатления» (12 мая – 10 сентября 2021, Москва) и передвижных выставок ГМИРЛИ «Фотоувеличение. Петербург Достоевского» (23–27 апреля 2021, Санкт-Петербург; 23–27 июля 2021, Минск) и «Достоевские: Семейный альбом» (22 июня – 2 июля, Кемерово; 4 июля – 1 сентября, Новокузнецк).

Экспозиция «Московского дома Достоевского» занимает 25 залов. В соответствии с архитектурными особенностями здания в ней определены три основных тематических блока: 1 этаж — «Московское детство Достоевского»; 2 этаж — «Писательская судьба Достоевского»; 3 этаж — «Читательская судьба произведений Достоевского».

В качестве доминанты первого этажа сохраняется мемориальная экспозиция-реконструкция «Квартира детства Достоевского». Вокруг неё строится экспозиционный рассказ, связанный с темой московского детства Достоевского, его окружения в эти годы, а также первых духовных впечатлений. В экспозицию впервые включены аудиоэкспонаты: переборы семиструнной гитары, временами возникающие в гостиной, аудиоспектакль по письмам родителей, который можно услышать, попав в определённую зону

экспозиции на границе гостиной и родительской спальни.

Постоянный интерес посетителей вызывает семейное окружение Достоевского — родители, братья, сёстры, ближние родственники (Куманины, Котельницкие), а также история рода Достоевских. Этой теме отводится зал, примыкающий к мемориальной зоне, в комнате, также одно время входившей, по свидетельству А.М. Достоевского, в состав квартиры Достоевских (её функционал неизвестен). У посетителей будет возможность прослушать «Песнь покаянную», сочинённую одним из предков Достоевского по отцовской линии.

Отдельный зал посвящён Москве времён Достоевского, истории Мариинской больницы для бедных, а также подмосковным местам, связанным с впечатлениями детства писателя, — Троице-Сергиевой Лавре, Зарайскому кремлю, усадьбе Достоевских Даровое в Зарайском уезде. В зале предлагается также рассказ о народной культуре того времени, созданы условия для иммерсивного взаимодействия с ней (в первую очередь для посетителей детского возраста: рассматривание и раскрашивание копий народных лубков, чтение лубочных изданий, участие в представлениях кукольного «театра Петрушки»).

Ещё один зал первого этажа, расположенный автономно, отводится рассказу о читательских и театральных впечатлениях Достоевского московского периода. В круг чтения юного Достоевского в первую очередь входят произведения русских писателей XVIII — первой трети XIX вв., от М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина до А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, а также античных классиков и западноевропейских писателей, включая В. Скотта, Ф. Шиллера, Д. Дефо, Ф. Купера, В. Гюго. С помощью интерактивных столов посетителям предоставляется возможность познакомиться с содержанием первой книги, прочитанной Достоевским, — «Сто четыре истории из Ветхого

и Нового Завета в пересказе для детей и юношества» И. Гюбнера, которая также упоминается в житии старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» как духовный первоисточник его личности. Посетители могут прослушать исполнение произведений, которые, по воспоминаниям, не только читал, но и декламировал юный Достоевский и его родители: оду Г.Р. Державина «Бог», стихотворение А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге», балладу Ф. Шиллера «Граф Габсбургский» (в переводе В.А. Жуковского), фрагмент повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», стихотворение А. Воейкова «Дом сумасшедших», а также фрагмент из поэмы Вольтера «Генриада» на французском языке. Экспозиция зала может быть использована для проведения экскурсий и учебных занятий по истории русской литературы XVIII — первой трети XIX в.

Писательская судьба Достоевского началась в Петербурге. Подъём посетителей на второй этаж — символический переход в новое пространство жизни Достоевского. Здесь экспозиция строится по историко-литературному принципу. Анфилада залов по восточному фасаду здания последовательно представляет творческий путь Достоевского в 1840-е — 1860-е гг. Каждый зал выстраивается вокруг событийной доминанты каждого из периодов: литературный триумф романа «Бедные люди», смертный приговор и каторга, возвращение в литературу и издание журналов «Время» и «Эпоха». Ключевой эпизод этого периода — нахождение на Семёновском плацу в ожидании исполнения смертного приговора 22 декабря 1849 г. — визуализируется в виде художественной инсталляции.

Коридор второго этажа, делящий пространство на две половины, отведён теме поездок Достоевского в Западную Европу и пребывания там в 1862–1863, 1867–1871 и 1875–1877 гг. Для Достоевского вопрос о взаимоотношениях России и Европы — один из ключевых. К нему писатель обращался в течение всей жизни. Можно

сказать, что он — один из центральных в историософском наследии Достоевского. Пространство коридора, одновременно разделяющего и связующего залы, наиболее адекватно позволяет передать место этой проблематики в творчестве Достоевского.

По западному фасаду здания следует череда автономных залов со входами из коридора. В них представлены главные романы Достоевского. Отдельно выделен зал для своеобразного «Музея романа “Преступление и Наказание”». Это произведение наиболее известно и популярно среди читателей, оно включено в школьную и университетскую программы не только в России, но также во многих зарубежных странах. Помимо традиционных объектов показа (в том числе мемориального дивана с дачи в Люблино, приобретённого Достоевским во время пребывания в Москве летом 1866 г. в период работы над романом), в зале в виде инсталляции, размещённой на стенах, представлен полный текст романа «Преступление и Наказание» в аутентичной орфографии — факсимильное воспроизведение журнального варианта 1866 г.

Уникальность творческой истории романа «Преступление и Наказание» заключается в перерыве работы над романом для создания текста романа «Игрок». С этим эпизодом связана судьбоносная встреча писателя со своей будущей женой. Тема создания романа «Игрок» вынесена в самостоятельный смежный зал, вход в который возможен только из зала «Музея романа “Преступление и Наказание”». Так пространственно решается история «романа в романе».

Зал, посвящённый романам «Идиот» и «Бесы», которые составляют своеобразный зеркальный диптих, также сочетает в себе как традиционные формы экспонирования, так и оригинальные. В частности, предполагается создание аудиоспектакля, цель которого — погрузить посетителей в многоголосие романов

Достоевского, услышать их страстные голоса и взволнованные речи.

Рассказ о романе «Подросток» и об издании «Дневника Писателя» экспозиционно увязан с рассказом о Старой Руссе, ставшей и местом создания обоих романов (а также некоторых выпусков «Дневника Писателя»), и прототипом города, описанного в «Братьях Карамазовых». В зале на мемориальных материалах восстановлена интерьерная композиция гостиной в Старой Руссе и рабочего кабинета писателя в Петербурге.

Роману «Братья Карамазовы» и «Пушкинской речи» Достоевского как апофеозу его литературно-общественной деятельности посвящён самостоятельный зал, в котором предполагается создать реконструкцию события 8 июня 1880 г., состоявшегося в стенах Московского Благородного собрания. Посетители попадают в окружение многочисленной и интеллектуально изысканной аудитории, единодушно признавшей в Достоевском национального гения и пророка.

«Пушкинская речь» стала последним публичным выступлением Достоевского. Через полгода писатель скончался. Как уже говорилось ранее, его вдова А.Г. Достоевская сразу после его кончины деятельно принялась за собирание материалов, увековечивавших память её великого супруга. И вскоре на их основе был создан «Музей памяти Ф.М. Достоевского» — первый монографический литературный музей в России, сам по себе представляющий замечательный памятник русской культуры рубежа XIX–XX вв. В завершении историко-литературной экспозиции второго этажа «Московского дома Достоевского» предполагается осуществить частичную реконструкцию «Музея памяти Ф.М. Достоевского», где будут представлены многие материалы из коллекции А.Г. Достоевской, которые ранее не были востребованы.

Экспозиция третьего этажа призвана представить с помощью традиционных и актуальных средств экспонирования

историю восприятия наследия Достоевского в мировой культуре. Пространство коридора отведено для представления богатой истории изданий и переводов на языки народов мира произведений Достоевского в XX–XXI вв.

В двух залах с мультимедийными экспозициями посетители могут познакомиться с воплощением идей и образов Достоевского в театре и кино, в буквальном смысле слова погрузиться в сложный мир графических интерпретаций романов Достоевского, всмотреться в работы выдающихся мастеров книжной иллюстрации – Альфреда Кубина, Александра Алексеева, Эрнста Неизвестного, Александры Корсаковой, Виталия Линицкого.

Ещё одно пространство – своеобразный читальный зал, в экспозиции которого раскрывается история изучения наследия Достоевского – в изданиях, событиях и лицах. Это пространство как для индивидуального развития, так и для группового общения. В перспективе предполагается использование мультимедийных средств для создания информационных и интерактивных объектов.

Ещё одним средством актуализации художественного наследия Достоевского станет авторская инсталляция «Сновидения Достоевского», выполненная М.М. Шемякиным.

Завершается экспозиция «Московского дома Достоевского» залом, посвящённым 90-летней истории «Музея-квартиры Ф.М. Достоевского» с 1928 по 2019 г., создание и существование которой также представляет собой культурный феномен советского периода русской истории и является частью читательской судьбы произведений Достоевского.

Новая экспозиция Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля «Московский дом Достоевского» станет ещё одним духовно-просветительным местом Москвы, закрепив в сознании почитателей великого писателя её роль в формировании духовной личности гения. Представленная коллекция материалов будет служить новым поколениям россиян, воспитывая у них интерес к русской литературе, к русской истории, к русскому миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианова И.С. «Музей памяти Ф.М. Достоевского»: история и перспективы проекта. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013.
2. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени императора Александра III. 1846–1903 / Сост. Достоевская А.Г. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1906.
3. Варенцова Е.М. Достоевские в Даровом (по материалам рукописного отдела Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Неизвестный Достоевский. Электронный научный журнал. Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. № 3. С. 5–17.
4. Достоевская А.Г. Воспоминания. 1846–1917. М.: Бослен, 2015.
5. Зусманович М.А., Фокин П.Е. Ф.М. Достоевский: биография в фотографиях // Неизвестный Достоевский. Электронный научный журнал. Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. № 3. С. 114–148.
6. Нечаева В.С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф.М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 6. Л.: Наука, 1985. С. 274–295.
7. Петрова А.В. Тетради с критикой: Ещё одно дело А.Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. Электронный научный журнал. Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. № 1. С. 107–118.

8. Петрова А.В. Ф.М. Достоевский в документах рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля // Неизвестный Достоевский. Электронный научный журнал. Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. № 2. С. 40–55.
9. Петрова А.В. Ф.М. Достоевский – автор «Дневника писателя» в откликах газетной периодики 1873–1874 гг. (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2020. № 4. С. 134–157.
10. Фокин П.Е., Борецкий И.О. Первая постановка романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на сцене парижского театра «Одеон» в оценке русских корреспондентов (по материалам собрания А.Г. Достоевской) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2019. № 3. С. 186–209.
11. Фокин П.Е., Борецкий И.О. Первая постановка «Братьев Карамазовых» на русской сцене в зеркале прессы (на материале фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2020. № 4. С. 219–241.
12. Фокин П.Е., Петрова А.В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Неизвестный Достоевский. Электронный научный журнал. Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. № 2. С. 196–218.
13. Фокин П.Е. Телеграммы разных лиц к А.Г. Достоевской с соболезнованиями в связи со смертью Ф.М. Достоевского (из рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Неизвестный Достоевский. Электронный журнал. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. № 2. С. 45–68.
14. Фокин П.Е. Четыре портрета без ретуши // Неизвестный Достоевский. Электронный научный журнал. Петрозаводск: ПГУ, 2020. № 3. С. 97–113.
15. Фокин П.Е. Последняя газета, прочитанная Ф.М. Достоевским (на материале фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2020. № 4. С. 197–218.

ENGLISH

The Moscow House of Dostoevsky: The New Life of the Legendary Literary Museum

Pavel E. Fokin – Candidate of Science (Philology), Head of the Department “Museum-apartment of F.M. Dostoevsky” of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl, head of the project “Unknown and Little-known Sources of the Biography of F.M. Dostoevsky in the Collection of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dal” (18-012-90018).
E-mail: pfokin@mail.ru

The first Museum of the Memory of F.M. Dostoevsky was opened in Moscow in 1906 by the efforts of the writer's widow, who transferred her collection of materials to the Imperial Historical Museum. In 1928, the F.M. Dostoevsky Museum was opened in Moscow in the house where the writer spent his childhood. In 1932, the collections of both museums were merged. In 1940, the Moscow F.M. Dostoevsky Museum became part of the State Literary Museum. To mark the 200th anniversary of Dostoevsky's birth, a new exhibition, “The Moscow House of Dostoevsky” is being created, which will be located on three floors. When developing its concept, the results obtained during the implementation of the RFBR project No. 18-012-90018, “Unknown and little-known sources of the biography of F.M. Dostoevsky in the collection of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl,” were used.

For the first time, the new exhibition will feature archival and visual materials identified during the research. In addition, the exhibition introduces themes and semantic accents based on the results of the grant project.

Keywords: Dostoevsky, literary museum, F.M. Dostoevsky Museum, exposition

REFERENCES

1. Andrianova I.S. "Musej pamiati F.M. Dostoevskogo": istorija i perspektivy projekta. Petrozavodsk: PetrGU, 2013. 191 s. (in Russian).
2. Didliograficheskiy ukazatel' sochinenij i proizvedenij iskusstva? Otnosiashihsia k zhizni i dejatel'nosti F.M. Dostoevskogo, sobrannyh v "Musee pamiati F.M. Dostoevskogo" v Istoricyeskom muse imeni Aleksandra III / 1846–1903. Sost. A.G. Dostoevskaja. St. Petersburg: Tip. P.F. Panteleeva, 1906. 392 s. (in Russian).
3. Varenzova E.M. Dostoevskije v Darovom (po materialam rukopisnogo otdela Gosudarstvennogo museja istorii rossijskoj literatury imeni V.I. Dalja) // Neizvestnyj Dostoevskij. Petrozavodsk: PetrGU, 2019. № 3. S. 5–17 (in Russian).
4. Dostoevskaja A.G. Vospominanija. 1846–1917. Moscow: Boslen, 2015. 562 s. (in Russian).
5. Zusmanovicy M.F., Fokin P.E. Dostoevskij: biografija v fotografijah // Neizvestnyj Dostoevskij. Petrozavodsk: PetrGU, 2020. № 3. S. 114–148 (in Russian).
6. Nechaeva V.S. Iz vospominanij ob istorii osnovanija pervogo museja F.M. Dostoevskogo // Dostoevskij. Materialy i issledovanija. V. 6. Leningrad: Nauka, 1985. S. 274–295 (in Russian).
7. Petrova A.V. Tetradi s kritikoj: Esho odno delo A.G. Dostoevskoj // Neizvestnyj Dostoevskij. Petrozavodsk: PetrGU, 2019. № 1. S. 107–118 (in Russian).
8. Petrova A.V. F.M. Dostoevskij v dokumentach rukopisnogo fonda Gosudarstvennogo museja istorii rossijskoj literatury imeni V.I. Dalja // Neizvestnyj Dostoevskij. Petrozavodsk: PetrGU, 2019. № 2. S. 40–50 (in Russian).
9. Petrova A.V. F.M. Dostoevskij — avtor "Dnevnika pisatelja" v otklikah gazetnoj periodiki 1873–1874 (po materialam rukopisnogo otdela Gosudarstvennogo museja istorii rossijskoj literatury imeni V.I. Dalja) // Dostoevskij i mirovaja kul'tura, Filologicheskij zhurnal. Moscow: IMLI RAN, 2020. № 4. S. 134–157 (in Russian).
10. Fokin P.E., Boretzkij I.O. Pervaja postanovka romana F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" na scene parizhskogo teatra "Odeon" v ocenke russkih korrespondentov (po materialam sobranija A.G. Dostoevskoj) // Dostoevskij i mirovaja kul'tura, Filologicheskij zhurnal. Moscow: IMLI RAN, 2019. № 3. S. 186–209 (in Russian).
11. Fokin P.E., Boretzkij I.O. Pervaja postanovka "Bratjev Karamazovyh" na russoj scene v zerkale pressy (Na materiale fondov Gosudarstvennogo museja istorii rossijskoj literatury imeni V.I. Dalja) // Dostoevskij i mirovaja kul'tura, Filologicheskij zhurnal. Moscow: IMLI RAN, 2020. № 4. S. 219–241 (in Russian).
12. Fokin P.E., Petrova A.V. "Pusckinskaja recy" F.M. Dostoevskogo kak sobytie (po materialam rukopisnogo otdela Gosudarstvennogo museja istorii rossijskoj literatury imeni V.I. Dalja) // Neizvestnyj Dostoevskij. Petrozavodsk: PetrGU, 2020. № 2. S. 196–218 (in Russian).
13. Fokin P.E. Telegrammy raznyh lic k A.G. Dostoevskoj s sobolesnovanijami v sviazi so svertiu F.M. Dostoevskogo (iz rukopisnogo fonda Gosudarstvennogo museja istorii rossijskoj literatury imeni V.I. Dalja) // Neizvestnyj Dostoevskij. Petrozavodsk: PetrGU, 2018. № 2. S. 45–68 (in Russian).
14. Fokin P.E. Chetyre portreta bez retushi // Neizvestnyj Dostoevskij. Petrozavodsk: PetrGU, 2020. № 3. S. 97–113 (in Russian).
15. Fokin P.E. Poslednaja gazeta, pročitannaja F.M. Dostoevskim (na materiale fondov Gosudarstvennogo museja istorii rossijskoj literatury imeni V.I. Dalja) // Dostoevskij i mirovaja kul'tura, Filologicheskij zhurnal. Moscow: IMLI RAN, 2020. № 4. S. 197–218 (in Russian).

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ЭКОНОМИКА

Индекс УДК 338.23
Код ГРНТИ 06.52.17
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-71-81

**Г.А. АЛЕКСАНДРОВ,
И.В. ВЯКИНА,
Г.Г. СКВОРЦОВА***

Устойчивое развитие территории и инвестиционная привлекательность предприятий: логика взаимосвязи

Авторы сосредотачивают внимание преимущественно на проблеме создания в территориальных образованиях среды, благоприятно влияющей на инвестиционную привлекательность промышленных предприятий. Обращается особое внимание на то обстоятельство, что следование парадигме устойчивого развития предполагает сбалансированное решение экономических, социальных и экологических задач. Представленные концептуальные соображения положены в основу разработки оригинального универсального методологического подхода к диагностике и оценке ограничений, угроз и вызовов экономического, социального, экологического и административно-правового характера, проявляющихся на уровне региона и/или страны и влияющих на инвестиционную привлекательность предприятий. В практическом плане данный подход предполагает возможность использования результатов диагностики для разработки, во-первых, конкретных мер по устранению или снижению роли негативных факторов, обуславливающих инвестиционную привлекательность объектов инвестирования, а во-вторых, мер мотивационного и стимулирующего характера, обеспечивающих разрешение противоречий, возникающих из-за наличия экологических и социальных ограничений на хозяйственную деятельность, с тем чтобы обеспечить сбалансированное решение трёх задач: обеспечение экономического роста, достижение социального прогресса и повышение качества окружающей среды.

Ключевые слова: устойчивые инвестиции, промышленное предприятие, экологические и социальные ограничения, методологический подход к оценке

* Александров Геннадий Аркадьевич — доктор экономических наук, профессор Тверского государственного технического университета (ТГТУ), руководитель проекта «Совершенствование концепции экономической безопасности и оценка уровня её обеспечения в аспекте инвестиционной привлекательности предприятий» (20-010-00124).
E-mail: g-alexandrov@rambler.ru

Вякина Ирина Владимировна — доктор экономических наук, доцент ТГТУ, исполнитель того же проекта.
E-mail: ivyakina@yahoo.com

Скворцова Галина Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент ТГТУ, исполнитель того же проекта.
E-mail: gala-skvortsova@yandex.ru

С 1980-х гг. и по настоящее время в публикациях зарубежных исследователей активно обсуждаются проблемы оценки воздействия на экологию экологических и социально-политических проблем, а также риски крупномасштабной миграции и конфликтов [1]. Особое внимание при этом уделяется социальной политике и уровню качества жизни населения [2, 3]. В основу этих исследований положен принцип, суть которого заключается в том, что материальные и нематериальные ресурсы должны использоваться для того, чтобы сделать жизнь человечества максимально безопасной и комфортной. При этом отмечается, что анализ взаимосвязи между дефицитом природных ресурсов и устойчивым экономическим развитием показывает, что дефицит ресурсов провоцирует страх, который может подорвать благосостояние [3]. Более того, ряд авторов считает, что «компоненты социальных страхов стали неотъемлемой частью человеческого существования» [4], и предлагает учитывать нетрадиционные факторы, такие как настроение инвесторов, с учётом компонентов социальных страхов [5].

Собственно, именно необходимость соблюдения баланса между решением экономических и социальных проблем, а также проблем сохранения окружающей среды обусловили разработку Концепции устойчивого развития.

Вместе с тем в агрегированном рейтинге BDO International Business Compass [6], который ежегодно разрабатывает Гамбургский институт мировой экономики, представлен «общий индекс развития» каждой страны мира, охватывающий экономические, политико-правовые и социокультурные условия», обращается внимание на имеющиеся разногласия по поводу способов сочетания экономического роста с экологическими целями. Действительно, как будет показано далее, сбалансировать экономический рост, социальный прогресс

и качество окружающей среды, т.е. все подсистемы в модели устойчивого развития, в том числе и территории, представляется достаточно сложным делом. Каждая из подсистем может развиваться в противоположных направлениях и проявляться по-разному в зависимости от отрасли, географии. Тем не менее, как отмечается в Докладе о мировых инвестициях 2020 г., прогресс инвестирования в целях устойчивого развития требует не только мобилизации средств, но и использования рациональной экологической, социальной и управленческой практики в деятельности предприятий для обеспечения позитивной отдачи инвестиций.

Что касается инвестирования в предприятия российских территорий, то необходимы разработка и реализация программ перехода к устойчивому развитию для каждого региона с ориентацией на соответствующие приоритеты в экономической, социальной, экологической сферах. Но при этом мы обращаем внимание, что принятие оптимальных инвестиционных решений обусловлено рисками, которые возникают из-за вводимых обоснованных ограничений экологического и социального характера на хозяйственную деятельность предпринимательских структур. Однако возникает проблема разрешения объективных противоречий в отношениях между регионом с его потребностью в обеспечении устойчивого развития и экономическими интересами инвесторов.

Цель исследования включает две составляющие:

- 1) определение влияния инвестиционных процессов на формирование сбалансированной системы устойчивого развития территории, в которой финансово-экономические цели были бы гармонизированы с экологическими и социальными процессами;
- 2) разработка методологии диагностики и оценки этого взаимовлияния в том числе и для разработки

институциональных мер, направленных на принятие адекватных устойчивому развитию территорий инвестиционных решений. Отметим, что с самого начала дискуссии о необходимости перехода к устойчивому развитию подчеркивалась сложность практического применения данной концепции.

Обзор литературы и разработка гипотезы

Формирование гипотезы разрешения проблемы нацеленности инвестиций на переход территориальных образований к устойчивому развитию предполагает обзор представленной в научных публикациях сложившейся ситуации с реализацией концепции устойчивого развития. В Докладе о мировых инвестициях в 2020 г. [7] отмечается, что, поскольку развитие любой экономической системы обусловлено объёмом инвестиций и их структурой, в последнее десятилетие в мире произошла резкая активизация целого ряда инициатив в области устойчивости, в частности в создании различных фондов устойчивых инвестиций, которые наряду с экономическими преследуют цели получения экологических, социальных и управленческих результатов. Инвестиции, направленные на использование факторов производства, ресурсов и дешёвой рабочей силы, т.е. экстенсивные инвестиции, последние три десятилетия служили опорой стратегий развития многих стран. Однако возможности их привлечения всё более сужаются. Более того, как отмечается в Докладе [7], экономический рост в богатых странах как механизм решения поставленной задачи может не сработать, поскольку, как это стало особенно ясно, истинные пределы материального роста человечества сегодня определяются причинами не столько физического, сколько экологического, биологического и даже культурного и психологического характера.

Между тем анализ процессов инвестирования в устойчивое развитие разных по своему уровню экономик показывает неоднозначную и противоречивую ситуацию как с внутренними, так и иностранными инвестициями. Например, в последнее десятилетие наблюдается вялый рост международных инвестиций. При этом прогнозируется, что «особенно сильно пострадает приток в развивающиеся страны, поскольку, в частности, в наибольшей степени будут затронуты инвестиции в экспорториентированные и сырьевые производства» [7]. Такая, весьма негативная тенденция может перерасти в долгосрочную проблему, особенно острую для развивающихся стран. Учёные из США [8] доказывают, что для стран-экспортёров сырьевых товаров увеличение государственных инвестиций может дать толчок росту, но слишком быстрые бюджетные расходы увеличат макроэкономическую уязвимость. Но вместе с тем, как отмечается в ряде статей [9–11], анализ эффектов от инвестирования доходов, полученных от эксплуатации природных ресурсов, позволяет сделать вывод о неэффективности государственных инвестиций.

Что касается притоков иностранных инвестиций, то на них негативное влияние оказывают неопределённости, обусловленные внутренней экономической политикой страны [12]. Но бизнес, ориентированный на техническую эффективность, как считают, например, тайваньские исследователи, положительно коррелирует с деятельностью в области притока иностранных инвестиций [13]. И некоторые аналитики подтверждают, что меньшая зависимость от экспорта сырьевых продуктов способствует повышению роли прямых иностранных инвестиций в возрождении динамики экономического роста [14]. Попутно отметим, социальная отдача от притока прямых инвестиций значительно больше, чем от использования внутренних инвестиций [15].

Итак, учёные рассматривают инвестиционные процессы не только с точки зрения финансовых моделей, рассчитывающих прибыль на вложенные капиталы, но и с учётом ряда экологических, социальных, административно-правовых (управленческих) факторов [16]. Отмечается, в частности, что нефинансовые атрибуты оказывают сильное влияние на инвестиционные процессы [17].

Несомненно, бизнес в первоочередном порядке выбирает путь, обеспечивающий получение максимальных результатов от своей деятельности. Однако в разрезе реализации целей устойчивого развития важно и то, каким образом получается прибыль, каковы сопутствующие и препятствующие факторы в достижении финансово-экономических целей, а также каким образом они измеряются. В Докладе WCED [7] даётся установка на принятие взаимовыигрышных решений. Это означает, что при определении величины прибыли необходимо учитывать интересы всех субъектов экономических отношений. В данном случае в удовлетворении потребности региона в продвижении к устойчивому развитию и предпринимателей – в получении ожидаемых финансово-экономических результатов.

При этом имеется в виду, что ведение и инвестирование бизнеса должно в приоритетном порядке учитывать социальные, экологические аспекты и издержки своей деятельности, в том числе и на самих предприятиях. Остаётся только определить с мерами надстроечного, административно-правового характера с тем, чтобы обеспечить, во-первых, достижение взаимовыгодных решений при осуществлении инвестиционной деятельности и, во-вторых, наращивание социальной и природной среды, вместо того чтобы постоянно подвергать её деградации.

Таким образом, ситуация с проблемой перехода к устойчивому развитию, в том числе и применительно к территориальному (региональному) уровню,

предопределяет содержание выдвигаемой гипотезы, которая заключается в том, что характер инвестиционных процессов должен соответствовать целям устойчивого развития. Но это соответствие может быть обеспечено лишь в том случае, если территориальное образование является привлекательным для инвестирования, что равносильно созданию в нём среды, в которой конкретные объекты инвестирования станут инвестиционно-привлекательными. Отсюда важнейшим обстоятельством является создание в регионах, стране условий, во-первых, для привлечения инвестиций для целей устойчивого развития, во-вторых, для устранения барьеров и ограничений, угроз и вызовов, негативно влияющих на инвестиционную привлекательность предприятий.

Однако при этом в предлагаемой гипотезе представлено объективное противоречие, суть которого заключается в том, что в условиях перехода к устойчивому развитию последние могут являться факторами, с одной стороны, ограничивающими осуществление инвестиционной деятельности, но с другой – введёнными в качестве ограничений для решения в процессе инвестирования проблем экологического и социального характера. Но в последнем случае гипотеза предусматривает возможность разрешения указанного противоречия путём разработки адекватных мер надстроечного (организационно-экономического характера), которые реализуются в рамках экономической политики, осуществляемой на соответствующих уровнях хозяйственной иерархии.

Методологический подход к оценке факторов, формирующих благоприятную внешнюю среду для инвестирования

Для выявления факторов, негативно влияющих на эффективность устойчивых инвестиций, предлагается использовать разработанный нами методический

подход, который основан на принципе «уровни–факторы» (подробнее [18]). Указанный принцип позволяет по-новому проводить диагностику и оценивать факторы, характеризующие деловую среду региона, страны и инвестиционную привлекательность его предприятий, поскольку предполагает в комплексе оценивать факторы конкретных видовых групп, формирующихся не только непосредственно на уровне самих предприятий, но и на верхних этажах хозяйственной иерархии. Имеется в виду то, что объектом анализа являются группы факторов *внешней* среды, проявляющиеся как барьеры, ограничения на отраслевом, территориальном (региональном) и в целом на национальных уровнях.

Применительно к реализации предложенной гипотезы остановимся подробнее на принципах формирования групп факторов. При этом мы исходим из теоретического положения, что, во-первых, процесс производства основывается на взаимодействии вещественных и личных факторов, обеспечивается условиями производства (инфраструктурой), представляет собой единство производительных сил (средства труда и условия производства, такие как организационные, социальные и экологические, а также

рабочая сила) и соответствующих им производственных отношений. Нетрудно также заметить, что принцип формирования групп факторов, обуславливающих инвестиционную привлекательность, основывается, во-вторых, на том, что процесс производства характеризуется также определёнными организационно-экономическими, организационными и правовыми отношениями, а также социальными и экологическими аспектами. Поэтому вполне было бы адекватным сформировать следующие четыре основные группы факторов: экономическую, социальную, экологическую и административно-правовую. Принцип «уровни–факторы» отражён в матрице (рис.).

Данный «уровне-факторный» подход должен обеспечить возможность анализа и оценки инвестиционной привлекательности, для того чтобы, во-первых, потенциальный инвестор на основе результатов диагностики мог принять аргументированное решение об инвестировании; во-вторых, инвестируемый предприниматель мог получить реальное представление о факторах и тенденциях, негативно влияющих на инвестиционную привлекательность его бизнеса; в-третьих, все те, кто так или иначе на своём уровне управляет процессами формирования

УРОВНИ	ГРУППЫ ФАКТОРОВ			
	Экономические (Э)	Социальные (С)	Экологические (Э)	Административно-правовые (А)
Предприятие (П)	П/Э	П/С	П/Л	П/А
Отрасль (О)	О/Э	О/С	О/Л	О/А
Регион (Р)	Р/Э	Р/С	Р/Л	Р/А
Национальная экономика (Н)	Н/Э	Н/С	Н/Л	Н/А

Рис. Матрица, основанная на принципе «уровни–факторы» (источник: авторская разработка)

инвестиционного климата (в том числе и инвестируемый предприниматель), могли определиться с мерами, реализация которых способствовала бы устранению всего того, что негативно влияет на его привлекательность.

Учитывая характер решаемых в статье задач, отметим, что инвестиционные процессы, обуславливающие развитие, не могут рассматриваться в отрыве, во-первых, от того, насколько инвестирование в развитие отвечает требованиям социального прогресса, во-вторых, эффективного использования природных ресурсов и, в-третьих, требованиям охраны окружающей среды. Для комплексной оценки инвестиционной привлекательности конкретных объектов инвестирования необходима диагностика всех факторов, формирующих инвестиционный климат на всех иерархических уровнях хозяйствования, поскольку все четыре группы факторов в некотором отношении находятся во взаимосвязи.

С группой административно-правовых факторов связаны группы экономических, социальных, экологических факторов, в частности такие факторы, как социально-политическая обстановка в регионе, степень самостоятельности властей региона в принятии решений по мотивации и стимулированию проведения социальной и экологической политики. Эти факторы при определённых условиях могут стать существенными барьерами и ограничениями для инвесторов, определяющих возможность их вхождения в регион. Однако, поскольку такие факторы данной группы в значительной степени носят надстроечный характер и представляют собой сформированные в результате управленческой деятельности организационно-экономические отношения, то решение проблемы снятия административно-правовых барьеров возможно в рамках институционального развития, создания и совершенствования деятельности структур,

призванных обеспечить повышение инвестиционной привлекательности всех уровней экономики страны. Ряд проблем с административно-правовыми факторами, оказывающими негативное влияние на инвестиционную привлекательность, вполне может быть решён самими регионами путём реформирования системы администрирования и регулирования организационно-экономических отношений.

Однако возможностей регионального уровня может и не хватить. В этом случае можно рассчитывать на их решение на федеральном уровне управления, поскольку там имеется больше возможностей для институциональных изменений в административно-правовых факторах, негативно влияющих на региональный инвестиционный климат.

Итак, вернёмся к тому, что инвестиционные процессы, обуславливающие устойчивое развитие территории, должны отвечать требованиям социального прогресса, достижения социального равенства, эффективного использования природных ресурсов и требованиям сохранения природной среды. Именно с этих позиций предлагается идентифицировать факторы социальной и экологической групп, предполагая при этом, что необходимость перехода территории к устойчивому развитию может привести к тому, что факторы данных групп превратятся в определённые барьеры, ограничивающие возможности инвесторов в достижении финансово-экономических результатов.

Во всяком случае идентификация, диагностика и оценка факторов этих групп даст возможность в данной ситуации определиться с направлениями совершенствования хозяйственного механизма, позволяющего, с одной стороны, реализовывать цели устойчивого развития, а с другой — предусмотреть в нём разного рода меры стимулирующего характера, обеспечивающие мотивацию к инвестиционной деятельности.

В этом отношении важным социальным фактором, который не может не оцениваться в группе социальных факторов, является *качество жизни населения*. Этот фактор характеризует структуру потребностей человека и возможности их удовлетворения. На данный момент пока ещё не разработана сколько-нибудь приемлемая система оценки качества жизни и соответственно связанной с ним оценки социального статуса. В основном в исследованиях приоритет отдаётся интегральному подходу, охватывающему такие аспекты, как уровень дохода, наличие собственности, профессиональная деятельность, образовательный уровень, образ жизни. Все эти аспекты рассматриваются по следующим направлениям: социально-экономическому (материальное благосостояние); политическому (участие в политическом управлении); профессиональному (место, занимаемое индивидом в профессиональной среде, и его престиж); гражданскому (связанное с социальной самоорганизацией); интрагрупповому (отношения в семье, с друзьями, коллегами, т.е. место каждого внутри социальной группы). Сюда можно было бы добавить и такие приобретаемые характеристики, как культурный уровень, авторитет и репутация, в том числе и деловая.

Таким образом, *качество жизни населения* можно оценивать через интегральный показатель, фиксирующий ситуацию некоторых аспектов в социально-экономической сфере, сюда входят: уровень доходов населения, жилищные условия, показатели здоровья, образования и культуры на уровне региона и страны.

Отметим, что понимание *качества жизни* даёт возможность строить эффективное взаимодействие между органами власти и населением.

Не менее важными факторами социальной группы являются *уровень социальной стабильности территории, социальное благополучие населения,*

состояние и развитие *социальной инфраструктуры, социальная напряжённость*. Социальная напряжённость является своего рода индикатором того, насколько адекватными являются действия властей региона, страны по созданию социальной среды, благоприятной для активизации инвестиционных процессов, принимая во внимание решение задачи перехода к устойчивому развитию. Понятно, что спокойная в целом социальная обстановка, позитивные настроения в обществе, высокий уровень доверия способствуют созданию благоприятной среды для инвестиций.

Во взаимосвязи с социальными факторами и их воздействием на инвестиционную привлекательность территорий и действующих там предприятий находятся и экологические факторы. Эта взаимосвязь зримо проявляется в том, что, скажем, ухудшение экологической обстановки приводит к возникновению целого ряда социальных проблем, негативно отражающихся на условиях жизни населения, а недостаточно высокий уровень исследований данной темы становится препятствием для разработки эффективных механизмов их решения. При этом признаётся свершившимся фактом то, что по числу нерешённых проблем экология вышла на первое место в мире и стала серьёзно тормозить как экономическое, так и социальное развитие стран. К экологическим проблемам, как правило, относят всевозможные загрязнения, истощения невозобновляемых ресурсов и энергии, военные и социальные конфликты, глобальное потепление и прочее. В последнее время широкое распространение получила такая концепция, как «зелёная экономика». Несмотря на идеологические отличия, в практическом смысле её считают составной частью или продолжением идеи устойчивого развития, под которым в широком смысле понимаются развитие экономики, увеличение

благополучия и качества жизни нынешнего поколения при возможно полном сохранении ресурсов. В настоящее время наступил такой период развития, когда в стране формируется новая идеология, посредством которой должны создаваться экономическая стабильность, экологическое равновесие и социальное благополучие.

Заключение

В статье рассмотрены проблемные теоретические и методические вопросы обеспечения перехода страны, регионов к устойчивому развитию путём активизации инвестиционных процессов и создания среды, обеспечивающей повышение инвестиционной привлекательности исходных объектов инвестирования, предприятий. В качестве инструмента для диагностики инвестиционной привлекательности предприятий и последующей её оценки предложен методологический подход, позволяющий предпринимателям обосновывать и принимать адекватные управленческие решения в сфере их инвестиционной деятельности с учётом необходимости реализации целей устойчивого развития.

Авторы рассчитывают, что результаты исследования, представленные в статье, позволят, во-первых, углубить и расширить представления о методических подходах к определению специфических факторов, характеризующих инвестиционный климат регионов, страны и инвестиционную привлекательность предприятий; во-вторых, определить направления, в которых необходимо разработать конкретные меры, способствующие устранению или минимизации специфических факторов, с одной стороны, негативно отражающихся на инвестиционной привлекательности объектов инвестирования, а с другой — обеспечивающих компенсацию возможных дополнительных затрат, вызванных необходимостью реализации в процессе инвестирования принципа *трёх E*: экономика (*economics*) — устойчивый экономический рост; окружающая среда (*environment*) — устойчиво функционирующая природная среда; равенство (*equity*) — устойчивое социальное равенство. В конечном итоге осуществление этих мер должно способствовать активизации инвестиционных процессов и обеспечить переход территорий к устойчивому развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stern N. The Structure of Economic Modeling of the Potential Impacts of Climate Change: Grafting Gross Underestimation of Risk onto Already Narrow Science Models // Journal of Economic Literature. 2013. Vol. 51. № 3. P. 838–859. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.51.3.838>
2. Endress L.H. Scarcity, Security, and Sustainable Development // Sustainable Economic Development. Resources, Environment and Institutions. Academic Press, 2015. P. 49–66. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800347-3.00003-0>
3. Rudenko A.M., Rodionova V.I., Stepanova V.N. Social Fears in the Context of Security Concern: Social and Philosophical Analysis // Popkova E., Ostrovskaya V. (eds.) Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 726. P. 1144–1155. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_129
4. Solanki K., Seetharam Y. Is investor sentiment a relevant factor in determining asset prices? // Investment Analysts Journal. 2018. № 47. P. 243–257. DOI: <https://doi.org/10.1080/10293523.2018.1497250>

5. Chandler D. Rethinking the Conflict-Poverty Nexus: From Securitising Intervention to Resilience // International Journal of Security and Development. 2015. Vol. 4. № 1. P. 1–14. DOI: <http://doi.org/10.5334/sta.fb>
6. BDO global [сайт]: URL: <https://www.bdo.global/en-gb/home> (дата обращения: 01.09.2021).
7. Доклад о мировых инвестициях, 2020 год. Международное производство после пандемии. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_overview_ru.pdf (дата обращения: 01.06.2021).
8. Li B.G., Gupta P, Yu J. From natural resource boom to sustainable economic growth: Lessons from Mongolia // International Economics. 2017. № 151. P. 7–25. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.inteco.2017.03.001>
9. Berg A., Portillo R., Yang S.-C.S., Zanna L.-F. Public investment in esource-abundant Developing countries // IMF Economic Review. 2013. Vol. 61. № 1. P. 92–129. DOI: <https://doi.org/10.1057/imfer.2013.1.pdf>
10. Melina G., Yang S.-C.S., Zanna L.F. Debt Sustainability, public investment, and natural resources in developing countries: The DIGNAR Model // Economic Modelling. 2016. № 52. P. 630–649. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2015.10.007>
11. Alexandrov G., Yablonev A. Economic and legal factors of investment in subsoil use in the aspect of implementation sustainable development concepts // E3S Web of Conferences (APEEM 2021) 2021. Vol. 265, 04018. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202126504018>
12. Phuc Canh N., Thanh Binh N., Dinh Thanh S., Schinckus C. Determinants of foreign direct investment inflows: The role of economic policy uncertainty // International Economics. 2020. № 161. P. 159–172. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2019.11.012>
13. Yang S.-F. Chen K.-M. Huang T.-H. Outward foreign direct investment and technical efficiency: Evidence from Taiwan's manufacturing firms // Journal of Asian Economics. 2013. № 27. P. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2013.04.007>
14. Mohamed A. Foreign Direct Investment in Brazil: Post-Crisis Economic Development in Emerging Markets. Academic Press, 2016. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2014-0-01881-3>
15. Driffield N. Regional policy and spillovers from FDI in the UK // The Annals of Regional Science. 2004. Vol. 38. № 4. P. 579–594. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-003-0174-5>
16. Alexandrov G., Skvortsova G. Investment attractiveness of enterprise and sustainable development of industrial region // E3S Web of Conferences Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region” (UESF-2021). 2021. Vol. 258, 06009. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125806009>
17. Umar Z., Kenourgios D., Papathanasiou S. The static and dynamic connectedness of environmental, social, and governance investments: International evidence // Economic Modelling. 2020. № 93. P. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.08.007>
18. Александров Г.А. Привлекательность инвестиционного климата и инвестиционные риски: методология, методы диагностики и оценки. М.: Креативная экономика, 2020. DOI: <https://doi.org/10.18334/9785912923050>

ENGLISH

Sustainable Development of the Territory and Investment Attractiveness of Enterprises: The Logic of Interconnection

Gennady A. Alexandrov – Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Tver State Technical University, professor, head of the project “Improving the Concept of Economic Security and Assessing the Level of its Security in the Aspect of the Investment Attractiveness of Enterprises” (20-010-00124).

E-mail: g-alexandrov@rambler.ru.

Irina V. Vyakina – Doctor of Science (Economics), Associate Professor, Tver State Technical University, executor of the same project.

E-mail: ivyakina@yahoo.com

Galina G. Skvortsova – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Tver State Technical University, executor of the same project.

E-mail: gala-skvortsova@yandex.ru

Guided by the fact that in accordance with the implementation in the Russian Federation of a consistent transition to sustainable development (the material basis of which is not so much quantitative, but rather qualitative transformations in the factors of production of the real sector of the economy), the authors in the proposed study focus on the problem of creating an environment in territorial formations, favorably influencing the investment attractiveness of industrial enterprises. Special attention is paid to the fact that following the paradigm of sustainable development presupposes a balanced solution of economic, social and environmental problems. The outlined conceptual considerations underlie the development in this study of an original universal methodological approach to diagnosing and assessing the constraints, threats and challenges of an economic, social, environmental and administrative-legal nature, manifested at the regional and/or national level and affecting the investment attractiveness of enterprises. In practical terms, this approach assumes the possibility of using diagnostic results to develop, firstly, specific measures to eliminate or reduce the role of negative factors that determine the investment attractiveness of investment objects, and, secondly, measures of a motivational and stimulating nature, ensuring the resolution of contradictions that arise. As we move toward sustainable development, it is imperative we ensure, despite the presence of environmental and social restrictions on economic activities, a balanced solution to three tasks: ensuring economic growth, achieving social progress, and improving the quality of the environment.

Keywords: sustainable investment, industrial enterprise, environmental and social constraints, methodological approach to assessment

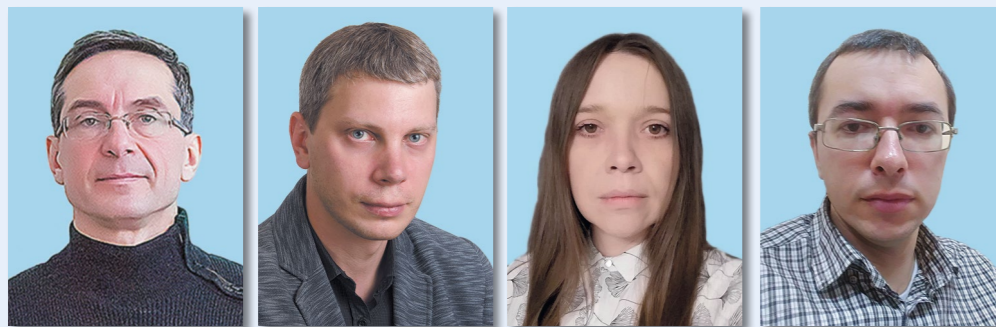
REFERENCES

1. Stern N. The Structure of Economic Modeling of the Potential Impacts of Climate Change: Grafting Gross Underestimation of Risk onto Already Narrow Science Models // *Journal of Economic Literature*. 2013. Vol. 51. № 3. P. 838–859. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.51.3.838>
2. Endress L.H. Scarcity, Security, and Sustainable Development // *Sustainable Economic Development. Resources, Environment and Institutions*. Academic Press, 2015. P. 49–66. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800347-3.00003-0>

3. Rudenko A.M., Rodionova V.I., Stepanova V.N. Social Fears in the Context of Security Concern: Social and Philosophical Analysis // Popkova E., Ostrovskaya V. (eds). *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*. ISC 2017. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 726. P. 1144–1155. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_129
4. Solanki K., Seetharam Y. Is investor sentiment a relevant factor in determining asset prices? // *Investment Analysts Journal*. 2018. № 47. P. 243–257. DOI: <https://doi.org/10.1080/10293523.2018.1497250>
5. Chandler D. Rethinking the Conflict-Poverty Nexus: From Securitising Intervention to Resilience // *International Journal of Security and Development*. 2015. Vol. 4. № 1. P. 1–14. DOI: <http://doi.org/10.5334/sta.fb>
6. BDO global. URL: <https://www.bdo.global/en-gb/home> (data obrashcheniya: 01.09.2021).
7. World Investment Report 2020 International Production Beyond the Pandemic. https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (data obrashcheniya: 01.06.2021) (in Russian).
8. Li B.G., Gupta P, Yu J. From natural resource boom to sustainable economic growth: Lessons from Mongolia // *International Economics*. 2017. № 151. P. 7–25. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.inteco.2017.03.001>
9. Berg A., Portillo R., Yang S.-C.S, Zanna L.-F. Public investment in resource-abundant Developing countries // *IMF Economic Review*. 2013. Vol. 61. № 1. P. 92–129. DOI: <http://doi.org/10.1057/imfer.2013.1.pdf>
10. Melina G., Yang S.-C.S., Zanna L.F. Debt Sustainability, public investment, and natural resources in developing countries: The DIGNAR Model // *Economic Modelling*. 2016. № 52. P. 630–649. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2015.10.007>
11. Alexandrov G., Yablonev A. Economic and legal factors of investment in subsoil use in the aspect of implementation sustainable development concepts // *E3S Web of Conferences (APEEM 2021)*. 2021. Vol. 265, 04018. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202126504018>
12. Phuc Canh N., Thanh Binh N., Dinh Thanh S., Schinckus C. Determinants of foreign direct investment inflows: The role of economic policy uncertainty // *International Economics*. 2020. № 161. P. 159–172. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2019.11.012>
13. Yang S.-F., Chen K.-M., Huang T.-H. Outward foreign direct investment and technical efficiency: Evidence from Taiwan's manufacturing firms // *Journal of Asian Economics*. 2013. № 27. P. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2013.04.007>
14. Mohamed A. *Foreign Direct Investment in Brazil: Post-Crisis Economic Development in Emerging Markets*. Academic Press, 2016. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2014-0-01881-3>
15. Driffield N. Regional policy and spillovers from FDI in the UK // *The Annals of Regional Science*. 2004. Vol. 38. № 4. P. 579–594. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-003-0174-5>
16. Alexandrov G., Skvortsova G. Investment attractiveness of enterprise and sustainable development of industrial region // *E3S Web of Conferences Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region” (UESF-2021)*. 2021. Vol. 258, 06009. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125806009>
17. Umar Z., Kenourgios D., Papathanasiou S. The static and dynamic connectedness of environmental, social, and governance investments: International evidence // *Economic Modelling*. 2020. № 93. P. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.08.007>
18. Alexandrov G.A. Privlekatel'nost' investitsionnogo klimata i investitsionnyye risiki: metodologiya, metody diagnostiki i otsenki. Moscow: Creative economy, 2020. DOI: <https://doi.org/10.18334/9785912923050> (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 165
Код ГРНТИ 02.41.41, 03.01.07
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-82-92

В.Н. СЫРОВ, Д.А. АНИКИН, О.В. ГОЛОВАШИНА, А.В. ОВЧИННИКОВ*

Динамика конструирования исторических травм: методологические основания анализа социально-политического контекста проблемы

Рассматриваются методологические аспекты феномена конструирования исторических травм. На основе анализа литературы делается вывод о продуктивности конструктивистского подхода как теоретической базы изучения травм. Отмечается важность социально-политического контекста формирования образа культурной травмы. Анализируется проблема актуализации травматического события в политических целях и его дальнейшего инструментального использования. Выдвигается гипотеза о значимой составляющей образа травм в мобилизационных проектах модернизации. На конкретном историческом материале показывается роль современных акторов в процессе конструирования исторической травмы, что превращает события прошлого в повод для разговора о настоящем. Постулируется важная роль медиа в конструировании и трансляции травм. Исследуются особенности восприятия

* **Сыров Василий Николаевич** — доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета, профессор кафедры истории Древнего мира и средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, руководитель проекта «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиарепрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации» (18-011-00658). E-mail: narrat@inbox.ru

Аникин Даниил Александрович — кандидат философских наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта. E-mail: dandee@list.ru

Головашина Оксана Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, исполнитель того же проекта. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Овчинников Александр Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, исполнитель того же проекта. E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

травмирующего события в этноориентированном сознании. На примере анализа исторической травмы захвата Казани войсками Ивана IV в 1552 г. наглядно представлены «внешние» социально-политические «механизмы» конструирования травматической памяти, которые обусловили преобладание сначала радикальной, а затем компромиссной версии травмы.

Ключевые слова: историческая травма, травматический опыт, З. Фрейд, Д. Александер, конструктивистский подход

В исследовательской литературе, посвящённой травме (обзор наиболее значительных работ см.: [1]), стало общим местом критическое отношение к концептуальной модели травмы, предложенной З. Фрейдом, «которая во многом продолжает определять современное понимание влияния травматического опыта на поведение и самовосприятие субъекта» [2, с. 11]. Как правило, критические стрелы были направлены, во-первых, на трактовку степени универсальности предлагаемых симптомов травмы [3, р. 47], во-вторых, на определение путей преодоления травматического состояния, а в-третьих, на стремление идентифицировать источник травмы с так называемым травматическим событием, что Джеффри Александер называл «ошибкой натурализма» [4, с. 17].

Теория травмы. Путь к конструктивизму

Критики отмечали, что даже универсальность описанного комплекса симптомов ещё не свидетельствовала об их одинаковом значении для разных индивидов в разной социально-культурной среде [3, р. 75]. Как писал известный английский психиатр Д. Саммерфилд: «Для кого-то повторяющиеся жестокие кошмары могут восприниматься как неуместные и выявляться только посредством прямых вопросов; другому они могут указывать на необходимость посещения специалиста по психическому здоровью для лечения; для третьего они могут представлять собой

полезное сообщение от его предков» [5, р. 19].

Второе направление критики, как указывалось выше, было связано с определением способов проработки травмы. Резонно, что характер идентификации причин травмы обуславливал характер работы с ней. Иначе говоря, сведение её к индивидуальной травме и экстраординарному событию приводило к доминированию клиницистских подходов для её преодоления. Критики отмечали, что данный подход не учитывает роли социально-культурного контекста в выработке способов преодоления травматического эффекта. Так, тот же Саммерфилд отмечал, что ветеранов Вьетнамской войны дома осуждали, а ветеранов Фолклендов приветствовали как национальных героев, что радикально влияло на степень необходимости медицинского воздействия и способность ветеранов вернуться к нормальной жизни [5, р. 19–20].

Идея роли социально-культурного контекста постепенно вышла за пределы её трактовки как всего лишь одного из факторов, усиливающих или ослабляющих реакцию на то, что имело место до и независимо от него. Саммерфилд ссылаясь на исследования, где отмечалось, что камбоджийские подростки в Австралии чувствовали себя лучше, чем в США, справляясь с чувством вины, поскольку получили возможность воспроизводить традиционные церемонии [5, р. 21–22]. Он подытоживал, что «травматический опыт должен быть концептуализирован в терминах динамического

развивающегося во времени двустороннего взаимодействия между виктимизированной личностью и окружающим обществом, а не только как относительно статичная, обременительная сущность, которая локализована и связана с индивидуальной психологией пострадавших» [5, р. 22]. Поэтому, как справедливо отметил П. Брейкен, «что я хочу подчеркнуть, так это просто тот факт, что социальный контекст не только важен, но что он может быть определяющим обстоятельством» [3, р. 70].

Тезис о главной роли социально-культурного контекста стал богатой по разносторонности и продуктивности применения идеей. Она была использована сторонниками концепции «культурной травмы» для определения источника травматического опыта. Как правило, здесь принято ссылаться на работы Дж. Александера, Р. Аермана и П. Штомпки. Александер связывал культурную травму с ситуацией, «когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [4, с. 6]. Тем самым «статус травмы придаётся реальным или воображаемым явлениям не благодаря их фактической вредности или объективной резкости, но благодаря тому, что полагают, что эти явления резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность» [4, с. 17]. Аерман отмечал, что «культурные травмы — это не вещи, а процессы создания смыслов и атрибуций, длящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать её» [6, р. 125]. По сути, объективно или субъективно, имплицитно или эксплицитно, речь шла о движении в сторону конструктивистского подхода к травматическому опыту.

Предпочтение данному подходу не означало, конечно, поиска злокознен-

ности тех или иных акторов, участвовавших в создании травмы, а способствовало отчётливому пониманию характера происшедшего, а именно осознанию того, что причину травматизации следует искать не в самом природном или социальном событии, а в разрушении сложившихся форм бытия. Собственно, когда Аерман указывал, что, в отличие от физической или психологической травмы, культурная травма относится к потере идентичности или смысла [6, р. 2], он хотел сказать, что именно чувствительность индивида или группы по поводу своей идентичности, а не сама ситуация, становится причиной травмы, и именно она порождает психологические мучения. Такой подход, с одной стороны, размывал, конечно, привлекательную определённую клиницистских теорий травмы, но с другой — подталкивал к расширению репертуара источников травматизации, а значит, и к более богатому пониманию путей и способов детравматизации.

Переход на позиции конструктивизма в распознавании источников травматизации и путей преодоления травмы способствовал общему расширению исследовательских перспектив, вовлекая в орбиту научного внимания и интереса круг тем и вопросов, которые, возможно, при ином подходе никогда не были бы актуализированы. Очевидно, что конструктивистский путь анализа требовал начинать осмысление травматического опыта с идентификации симптомов, а тогда в контексте способов проработки травмы временная грань между ними и симптомами становилась трудноразличимой. Вопрос об опознании источника травмы также толкал к стремлению занять лидирующую позицию в этой борьбе за определение такого источника.

Dark side конструктивистского подхода

Конструктивистские установки вели к актуализации ещё одного аспекта общей проблемы, а именно к возможности

говорить о намеренном создании травмы в идеологических, политических и иных целях. Тогда сама процедура её конструирования включала бы в себя намеренное внедрение травматизирующего опыта в общественное сознание, что позволяло переинтерпретировать статус и смысл событий, поданных в виде травмирующих, или представить «сконструированную» травму как заместитель травмы «реальной». В итоге вполне правомерно было допускать, что сами объекты воздействия могли поверить в подлинность диагноза их состояния как травматического и определение причин травмы. Например, они могли искренне полагать, что какое-то событие или процесс разрушает их идентичность. Резонно было предположить, что такая процедура замещения травмы превращает и позволяет интерпретировать всю совокупность действий по фиксации травмы и её проработке как комплекс симптомов «реального» травматического опыта. Например, навязчивое повторение тех или иных нарративов в СМИ или социальных сетях, к примеру, или публичных ритуальных практик можно было бы толковать как формы замещения и вытеснения «реального» травматического события.

Конечной целью трансляции исторической травмы может быть не столько искреннее принятие обывателем данной версии прошлого, сколько получение возможности приписать ему эту точку зрения, что впоследствии может позволить вести риторику от «имени народа» со ссылками «на общественное мнение», «народную память» и т.д. Историческая травма тем самым становится важной в политико-мобилизационном аспекте, так как постулирует (иногда по умолчанию) некие коллективные действия по преодолению травмы и «восстановлению исторической справедливости». Для политиков это одна из возможностей возглавить массовые движения, объявить себя «спасителями нации» и добиться таким путём реальной власти.

Травмирующие образы отсылают к мифическим представлениям о том, «как могло бы быть», если бы не было некоего «досадного», «историсофски неправильного» события, разрушившего «золотой век» и породившего продолжающиеся и сегодня страдания, которые можно прекратить якобы только посредством «истинного познания прошлого и извлечения из него соответствующих уроков». Травмы превращаются в эмоционально насыщенные точки исторического нарратива и претендуют на смысловое конструирование последнего, разбивая его на «до» и «после», причём обычно современность пытаются приблизить к идеальному «до», тогда как «после» события самой травмы преподносятся как нечто, что необходимо преодолеть. Таким образом, исторические травмы можно осмысливать как мифический способ рефлексии над общественной реальностью, при котором рациональные процедуры анализа подменяются иррациональными (но способными воодушевлять широкие слои населения) конструктами о прошлом.

Применение теории травмы к более широкому полю объектов, выразившееся в размышлениях о коллективных и культурных травмах и повлекшее за собой пересмотр базисных положений самой изначальной теории (конструктивистский подход), вовлекло в орбиту исследовательского интереса тему медиатизации травмы и роли сетей в процессе травматизации и детравматизации. В свете конструктивистского подхода резонно было поставить вопрос о механизмах порождения травматического опыта. Правда, само использование термина «механизм» не совсем адекватно передаёт суть идеи конструирования. Если оттолкнуться от базисных установок латурианского подхода, что акторно-сетевая теория «не добавляет социальные сети к социальной теории, а стремится перестроить социальную теорию на основе сетей» [7, с. 175], то каждый новый шаг

в процессе конструирования следовало бы считать не простым переносом уже сложившегося значения или силы травмы, а вкладом в её создание и, возможно, в её преобразование. Раз нет ничего самоочевидного в маркировке того или иного положения дел как травматического, в определении источника травмы, в убеждении того или иного количества индивидов (акторов или актора) в том, что данное состояние является травматическим, да ещё и следствием именно культурной травмы, то процесс создания сети можно считать конкретизацией процесса конструирования. И наоборот, поданную в таком контексте сеть можно рассматривать как характеристику процесса сборки (а точнее создания) объекта, каждый раз иную, да ещё и меняющуюся в процессе самой сборки.

С этой точки зрения медиа вполне правомерно можно трактовать как одного из ключевых акторов, обеспечивающих не столько трансляцию, сколько создание травматического опыта. Недаром отмечается, что изображение какого-либо объекта в медиа уже является частью самого (травмирующего) события [8, р. 188]. Парадокс заключается в том, что даже буквальная (насколько это вообще возможно) передача (без комментариев) какого-либо события уже становится способом его трансформации, поскольку в создании воспринимающего субъекта приобретает (пусть бессознательно) статус символического объекта, наполняемого разными смыслами. Истолкование медиа как одного из акторов в процессе травматизации и детравматизации ещё более обогащает теорию травмы, поскольку обеспечивает понимание условий маргинализации или, наоборот, легитимации того или иного исторического опыта, позволяя связать их либо с внутренней логикой функционирования самих медиа, либо с реализацией тех или иных идеологических установок.

Каким бы это утверждение ни показалось странным на первый взгляд, корни

травмы находятся не в самом событии прошлого, сколь бы ужасающим и кровопролитным оно «на самом деле» ни было, а в конкретных современных социально-политических и экономических проблемах. Они составляют своеобразный «базис» травмы, тогда как исторический факт выступает, скорее, «надстройкой», поводом для иносказательного разговора о прошлом. Необходимость и смысл такого разговора заключаются в потенциальной возможности ухода от остроты и злободневности настоящего, в обсуждении важных проблем в координатах другого, якобы отвлечённого дискурса. Без соответствующего «базиса» попытки актуализации исторической травмы вряд ли будут успешными в плане полноценной эксплуатации этого образа.

Конкретный исторический материал свидетельствует в пользу идеи «перемены местами» причин и следствий в осмыслении исторических травм. Например, доктрина негритюда основана на травмах работорговли и колонизации, но её появление в современном виде и распространение обусловлено особенностями постколониального развития стран Африки, и корни названных травм нужно искать именно в них, а не только в событиях прошлого. Без объективной потребности в разрыве с корпоративным устройством нацистской Германии и направляющих усилий стран-победительниц, в ФРГ вряд ли бы сформировались культ вины и соответствующая историческая травма. В свою очередь, гитлеровская пропаганда не смогла бы успешно использовать образ травмы поражения в Первой мировой войне, не будь «базиса» в виде социально-экономического кризиса веймарского периода. Травма братоубийственной гражданской войны в Испании стала постепенно актуализироваться после смерти Франко, когда наметились перспективы демократических преобразований и для них потребовалось что-то вроде «символического антипода».

В СССР травма сталинских репрессий официально была озвучена Н.С. Хрущёвым на XX съезде КПСС, но в итоге оказалась лишь орудием в верхушечной политической борьбе — конструирование травмы вглубь было пресечено, горе осталось недорассказанным [9, с. 60]. Факты депортации крымских татар, чеченцев, ингушей и других народов начали активно использоваться в политической борьбе в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Острая, явно «не просветительская», необходимость делала воспоминания об этих событиях эмоционально насыщенными, частью памяти становились коллективные ритуальные действия, главная цель которых заключалась не столько в том, чтобы «вспомнить», сколько в том, чтобы «привязать» воспоминания к актуальной политике.

Травмы коллективизации и ликвидации «неперспективных деревень» поднимались в советское время писателями-деревенщиками и в отдельных фильмах (см., например, сериалы «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень»), но позднее, в связи с почти полным исчезновением крестьянства, «горевать» стало некому и, что важнее, незачем. Однако близкий к травме коллективизации образ «Голодомора» был успешно сконструирован в интересах молодого украинского государства, которому эта историческая травма была необходима как средство символического отмежевания как от СССР, так и от современной России. Судя по отдельным высказываниям высших российских государственных деятелей, сегодня можно поставить вопрос о попытках конструирования и дальнейшего навязывания исторической травмы распада СССР как «величайшей геополитической трагедии XX в.». Актуализация факта

крушения советского государства отражает объективный процесс консолидации российской политической элиты и её возросшие геополитические амбиции.

По многим параметрам на роль исторической травмы «подходит» поражение в Крымской войне (см., например, травматичные с психологической точки зрения «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого). Однако нынешние главные российские политические акторы (как в своё время и советские) не заинтересованы в сюжетах о технической отсталости страны, реванше французов за 1812 г., поражении в единственном военном столкновении с олицетворяющей «Запад» Англией, поэтому в отечественном символическом пространстве невозможно найти места исторической травме о «Крымской войне».

Фото 1. Митинг в честь «Дня Памяти». Казань, 13.10.2018. Надпись на плакате: «Татарстан – не «регион», а государство!». Фото и перевод с татарского А.В. Овчинникова

Фото 2. Митинг в честь «Дня Памяти». Казань, 13.10.2018. Надпись на транспаранте: «1552. Будем достойны несломленного духом татарских героев!». Фото и перевод с татарского А.В. Овчинникова

Важность современного «базиса» травмы иллюстрирует случай конструирования представлений о Холокосте. В первые послевоенные годы трагедия систематического истребления евреев не находила себе места в массовом сознании. Оставшиеся на подконтрольных нацистам территориях евреи даже своими сородичами обвинялись в беспечности перед лицом опасности, что якобы и обусловило их трагическую судьбу («в результате многие из уцелевших не встретили в Израиле ни сострадания, ни жалости») [10, с. 313]. В 1947 г. в ответ на убийство в Палестине еврейскими радикалами британских солдат в Дерби была сожжена синагога, «антиеврейские выступления прошли в Лондоне, Ливерпуле и Глазго» [11, с. 340]. И лишь в дальнейшем, благодаря целенаправленным усилиям государственных и общественных структур Израиля, США и ФРГ, травма Холокоста стала важнейшей составляющей еврейской идентичности.

Специфика образа травмы в этноориентированной картине мира

О сконструированной природе исторических травм свидетельствуют материалы российских этнонациональных

историй. Специфика отечественного восприятия этничности предполагает актуализацию не только её культурной составляющей, но и тесную связь этничности с текущей политикой и государственностью. Это определяет инструментальное использование (в том числе активную «трансляцию в массы») динамично меняющихся образов исторических травм. Функционирование образа травмы в этноориентированной картине мира имеет ряд особенностей. Во-первых, длительная хронология этнонациональных историй позволяет использовать в качестве материала для конструирования травмы события многовековой давности. Во-вторых, события этнонационального мифа о прошлом обычно разворачиваются на протяжённых территориях, и это позволяет вовлекать в орбиту травм максимум современных событий политической жизни. В-третьих, этнические исторические травмы могут обладать значительным негативным эмоциональным потенциалом, нередко направленным на представителей других национальных или социальных групп, которые в дискурсе этнонациональных историй связываются со средневековыми общностями как вообразимыми источниками травм.

К этническому дискурсу близок так называемый цивилизационный подход, в координатах которого конструирование травм также может иметь значительные негативные последствия. Сторонники этого подхода пишут о естественности столкновения различных цивилизаций, причём сами эти цивилизации легко «кроются» в зависимости от текущей политической ситуации. Тотальность образов «этносов» и «цивилизаций» позволяет при помощи современных медийных технологий навязать травму (или, по крайней мере, приписать её) многочисленным социальным группам. В этом случае можно наблюдать интересное явление «травматизации» индивида, который до этого мог о ней и не подозревать. Теперь же в случае искреннего принятия травмы у него появляются тревожность и эмоциональная напряжённость как от осознания исторической трагедии, так и от понимания трудностей «восстановления справедливости» в нынешних социально-политических условиях. Приобщённым к травме может оказаться и современный «символический виновник» травмы, вина которого заключается лишь в принадлежности к определённой этносоциальной группе. Анализ травмы в координатах этничности, фиксация осознания индивидом связи с некой коллективной личностью позволяют сделать попытку аргументированно ответить [12] критикам trauma studies о неправомерности использования гуманитариями психотерапевтических теорий [13].

Связь конструирования исторической травмы с современным контекстом иллюстрируют складывающиеся в современном Татарстане сюжеты памяти о захвате Казани войсками Ивана IV в 1552 г. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. местные власти

активно создавали общественные национальные движения, которые в определённой мере можно сравнить с поддерживаемыми тогда российскими властями демократическими объединениями. Если «националы» использовались Казанью для борьбы с Федеральным центром, то «демократы» были направлены Москвой на противостояние с Союзным центром. В Татарстане политические элиты активно использовали травму 1552 г. для обоснования необходимости суверенитета, который стал бы символом восстановления исторической справедливости [14]. На федеральном уровне в это же время актуализировалась травма сталинских репрессий, виновными за которые оказывались коммунисты – сторонники сохранения СССР и противники полной независимости Российской Федерации. С получением суверенитета и последующим подписанием специального договора с Москвой накал страстей в Татарстане вокруг

Фото 3. Митинг в честь «Дня Памяти». Казань, 13.10.2018. Надпись на транспаранте: «1552. Татарин! Помни! Не забывай!!!». Фото и перевод с татарского А.В. Овчинникова

1552 г. стал постепенно утихать, ком-промиссная версия травмы стала преобладать над радикальной, национальные движения со временем маргинализировались [15].

Аналогичные процессы происходили и на общероссийском уровне после получения Б.Н. Ельциным власти и дальнейшей победы над коммунистами Г.А. Зюгановым на выборах 1996 г., где травма репрессий активно использовалась в предвыборной антикоммунистической риторике. Затем с укреплением вертикали власти либеральные демократические партии и движения постепенно стали терять былое влияние, и сюжеты

о репрессиях, несмотря на усилия оппозиции и отдельных интеллектуалов, вновь оказались маргинализированными. В силу охарактеризованного выше социально-политического контекста сегодня такие, прежде массовые и связанные с историческими травмами мероприятия, как «День памяти» в Татарстане (фото 1–3) и «День жертв памяти политических репрессий» в целом по России не находятся в государственном тренде [16].

Изложенный материал подтверждает тезис о продуктивности использования конструктивистского подхода в изучении исторических травм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафронова Ю.А. Культурная травма и культурная память // Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 122–144.
2. Ушакин С. «Нам этой болью дышать» // Травма: пункты: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.
3. Bracken P.J. Trauma Culture, Meaning and Philosophy. Whurr Publishers Ltd, 2002.
4. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
5. Summerfield D. Chapter 2. Addressing Human Response to War and Atrocity: Major Challenges in Research and Practices and the Limitations of Western Psychiatric Models // Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics / Ed. by Rolf J. Kieber, 1995. P. 17–29.
6. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge University Press, 2001.
7. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173–201.
8. Meek A. Trauma and media: theories, histories, and images. Routledge, 2010.
9. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребённых. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
10. Пленков О.Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб.: Владимир Даль, 2019.
11. Пленков О.Ю. Истоки современности (динамика и логика развития Запада в Новейшее время). СПб.: Восход, 2014.
12. Овчинников А.В. Личная психологическая и «народная» историческая травмы: опыт коллективного портрета автора этнонациональных историй Татарстана // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.): В 2 ч. Ч. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 358–364.
13. Kansteiner W., Weillboeck H. Against the Concept of Cultural Trauma (or How I Learned to Love the Suffering of Others without the Help of Psychotherapy) // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. P. 229–241.

14. Карбаинов Н.И. Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 5. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 211–237.
15. Овчинников А.В., Ершова Г.Н. 1552 год в сетевом сообществе Татарстана: социальные и политические аспекты версий исторической травмы // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 138–146.
16. Рахматуллин Т. «Для чего это делается? Это контрпродуктивно»: сегодня первый День памяти защитников Казани (Хәтер көне теряет свою актуальность, а ворошить прошлое – неблагодарное занятие), 15.10.2020 [Электронный ресурс]: Информационное Агентство «Реальное Время». <https://realnoevremya.ru/articles/190737-provodit-den-pamyati-zaschitnikov-kazani-kontrproduktivno> (дата обращения: 1.03.2021).

ENGLISH

Dynamics of Constructing Historical Traumas: Methodological Foundations for Analyzing the Socio-political Context of the Problem

Vasily N. Syrov – Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages and Methodology of History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University, head of the project “Traumas of Historical Memory in a Network Society: Media Representations, Social Risks and Strategies of Detraumatization” (18-011-00658). E-mail: narrat@inbox.ru

Daniil A. Anikin – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, executor of the same project. E-mail: dandee@list.ru

Oksana V. Golovashina – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, executor of the same project. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Alexander V. Ovchinnikov – Candidate of Science (History), Researcher at the Laboratory of Trans-disciplinary Studies of Cognition, Language and Social Practices of the Faculty of Philosophy of the National Research Tomsk State University, executor of the same project. E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

The authors considered methodological aspects of the phenomenon of constructing historical traumas. Based on an analysis of the scientific literature, they have made a conclusion about the productivity of the constructivist approach as a theoretical basis for trauma studies. The importance of the socio-political context of the formation of cultural trauma is noted. The problem of actualization of a traumatic event for political purposes and its further instrumental use is analyzed. The hypothesis of a significant component of the image of historical traumas in mobilization modernization projects is put forward. The role of modern actors in the process of constructing historical trauma is shown on the concrete historical materials, which turns events into a reason to talk about the present. The important role of the media in the construction and transmission of traumas is postulated. The features of the perception of a traumatic event in the ethno-oriented consciousness are investigated. On the example of the analysis of the historical trauma of the capture of Kazan by the troops of Ivan IV in 1552, the “external” socio-political “mechanisms” of the construction of traumatic memory, which led to at first the predominance of the radical, and then the compromise version of trauma, are clearly presented.

Keywords: historical trauma, traumatic experience, Z. Freud, D. Alexander, constructivist approach

REFERENCES

1. Safronova Yu.A. Kul'turnaja travma i kul'turnaja pamjat' // Istoricheskaja pamjat': vvedenie: uchebnoe posobie. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. S. 122–144 (in Russian).
2. Ushakin S. "Nam etoj bol'ju dyshat" // Travma: punkty: Sbornik statej. Moscow: Novoe literaturnoje obozrenie, 2009. S. 5–41 (in Russian).
3. Bracken P.J. Trauma Culture, Meaning and Philosophy. Whurr Publishers Ltd., 2002.
4. Alexander J. Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost' // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 3. S. 6–40 (in Russian).
5. Summerfield D. Chapter 2. Addressing Human Response to War and Atrocity: Major Challenges in Research and Practices and the Limitations of Western Psychiatric Models // Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics / Edited by Rolf J. Kleber, 1995. P. 17–29.
6. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge University Press, 2001.
7. Latour B. Ob aktorno-setevoj teorii. Nekotorye razjasnenija, dopolnennye eshhe bol'shimi uslozhenijami // Logos, 2017. T. 27. № 1. S. 173–201 (in Russian).
8. Meek A. Trauma and media: theories, histories, and images. Routledge, 2010.
9. Etkind A. Krivoe gore: Pamjat' o nepogrebennyh. Moscow: Novoe literaturnoje obozrenie, 2018 (in Russian).
10. Plenkov O.Yu. Chto ostalos' ot Gitlera? Istoricheskaja vina i politicheskoe pokajanie Germanii. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2019 (in Russian).
11. Plenkov O.Yu. Istoki sovremennosti (dinamika i logika razvitija Zapada v Novejshee vremja). St. Petersburg: "Voskhod", 2014 (in Russian).
12. Ovchinnikov A.V. Lichnaja psihologicheskaja i "narodnaja" istoricheskaja travmy: opyt kollektivnogo portreta avtora jetnonacional'nyh istorij Tatarstana // Tvorcheskaja laboratorija istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiju so dnja rozhdenija B.G. Mogil'nickogo). Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Tomsk, October 3-4, 2019). Vol. 2. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2019. S. 358–364 (in Russian).
13. Kansteiner W., Weillboeck H. Against the Concept of Cultural Trauma (or How I Learned to Love the Suffering of Others without the Help of Psychotherapy) // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. P. 229–241.
14. Karbainov N.I. Ideologema 1552 goda v postsovetском Tatarstane: versija jelit i massovye predstavlenija // Vlast i elity. T. 5. St. Petersburg: Intersocis, 2018. S. 211–237 (in Russian).
15. Ovchinnikov A.V., Ershova G.N. 1552 god v setevom soobshhestve Tatarstana: social'nye i politicheskie aspekty versij istoricheskoy travmy // Vlast. 2020. T. 28. № 4. S. 138–146 (in Russian).
16. Rakhmatullin T. "Dlja chego eto delaetsja? Eto kontrproduktivno": segodnja pervyj Den' pamjati zashhitnikov Kazani (Häter көне terjaet svoju aktual'nost', a voroshit' proshloe — neblagodarnoe zanjatie), 15.10.2020: Real Time News Agency. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/190737-provodit-den-pamyati-zaschitnikov-kazani-kontrproduktivno> (data obrashcheniya: 01.03.2021) (in Russian).

Индекс УДК 340.1, 340.13, 340.14
Код ГРНТИ 10.07.01, 10.07.27, 10.07.31, 10.07.61, 10.11.09
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-93-104

Е.В. ТИМОШИНА, Н.С. ВАСИЛЬЕВА, В.Е. КОНДУРОВ, А.А. КРАЕВСКИЙ*

Три царства права: теоретические модели действительности и действенности права

Несмотря на то что понятия действительности и действенности права уже давно находятся в центре внимания юридической науки, обсуждение этой проблематики имеет характер движения по кругу. Существующие подходы к пониманию действительности права предлагается систематизировать на основе двух критериев: 1) основание действительности, 2) соотношение действительности и действенности, выделив соответственно нормативные и метанормативные (с их последующим подразделением), монистические и дуалистические модели. Всё многообразие полученных моделей действительности и действенности права может быть сведено к трём типам: идеально-нормативному, психологическому и поведенческому, которые соответствуют трём аспектам бытия права. Используя в качестве методологического основания теорию трёх миров К. Поппера, а также концепцию трёх царств Г. Фреге, можно построить синтетическую теорию юридической действительности, основанную на взаимосвязи трёх модусов существования права: фактического человеческого поведения (действенности права), психических переживаний обязывающей «силы» права (легитимности права), а также норм и ценностей как идеальных объектов (идеальной действительности). Интеграция идеальной действительности,

* **Тимошина Елена Владимировна** — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), руководитель проекта «Действительность и действенность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации» (18-011-01195a).

E-mail: e.timoshina@spbu.ru

Васильева Наталия Сергеевна — кандидат юридических наук, помощник судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: nataliavasilyeva@hotmail.com

Кондуров Вячеслав Евгеньевич — преподаватель-исследователь, преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: viacheslav.kondurov@gmail.com

Краевский Арсений Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: a.krajewski@yandex.ru

легитимности и действенности права позволяет также синтезировать общее понятие системной действительности, отражающее существование права во всех трёх мирах (царствах).

Ключевые слова: действительность права, действенность права, легитимность права, естественно-правовой подход, юридический позитивизм, правовой реализм, теория трёх миров К. Поппера, концепция трёх царств Г. Фреге

Действительность и действенность права: введение в проблему

Проблема понятия, оснований и соотношения действительности и действенности права имеет теоретический и прикладной характер.

В теоретическом аспекте понятие действительности права отсылает к основаниям «юридического», источнику должностования в праве, понятие действенности указывает на социальную фактичность права. Проблематика действительности и действенности права обращает к фундаментальным вопросам правовой онтологии: 1) почему следует следовать правилу, иными словами – каковы основания действительности права; 2) что представляет собой обязывающая «сила» права, отличающая право от морали и других нормативных порядков; 3) какова роль принуждения в праве; 4) как идентифицировать действительное право в конкретном правопорядке; 5) что происходит с действительностью и действенностью права в ситуации революционной смены правопорядка и др.

Прикладной характер рассматриваемой проблематики связан с тем, что в качестве одного из аспектов действенности норм права может быть рассмотрена их юстициабельность – в судебных актах правовые нормы тестируются на действительность и действенность. По словам М. Вебера, судья «не просто скрепляет печатью уже достигнутый путём согласия... действующий порядок, а... оказывает воздействие на отбор того, что выживает как право» [1, с. 125].

Доктринальные модели действительности и действенности права могут также использоваться в качестве инструмента, позволяющего интерпретировать основания действительности и действенности конституционного и международного права.

Различные ответы на вопросы, охватываемые проблематикой действительности и действенности права, обуславливают фундаментальные расхождения между главными школами правоведения: естественно-правовой и позитивистской (в широком смысле – включая социологический и психологический подходы к праву, ориентированные на изучение права как факта). Первая связывает действительность с соответствием права какому-либо моральному стандарту, объективным моральным принципам и т.п.; вопросы действенности права зачастую остаются за рамками её внимания. Юридический позитивизм ищет основания действительности права в сфере юридического, призывая к отказу от метафизики и разграничению права и морали, а также обращаясь к вопросам специфики принуждения в праве; при этом в центре его внимания – вопросы действенности, эффективности права.

Вместе с тем противостояние естественно-правового и юридико-позитивистского подходов в вопросах действительности и действенности права превращает дискуссию в своеобразное «движение по кругу» – от требования моральной обоснованности права к надлежащему установлению права как основаниям его

действительности, от признания невозможности выведения должного из сущего к признанию «нормативной силы фактического» [2, с. 338] и т.д. Проблематика действительности и действенности права очевидно нуждается в каком-то новом взгляде – «поверх барьеров» и методологических ограничений, налагаемых соответствующими подходами. Разработка теоретической модели действительности права, в которой, с одной стороны, могли бы быть восприняты достижения юснатурализма и юспозитивизма, а с другой – была бы задана более широкая правовая онтология по сравнению с онтологиями, очерчиваемыми данными подходами, кажется перспективной научной задачей.

Классификация и типология моделей действительности и действенности права

Многообразные ответы на вопросы, охватываемые проблематикой действительности и действенности права, могут быть систематизированы на основании двух критериев: 1) основания действительности, 2) соотношения действительности и действенности, и таким образом

выделены соответствующие теоретические модели.

Согласно первому критерию основания действительности могут быть разделены на *нормативные* и *метанормативные* (рис. 1).

По критерию *нормативных* оснований выделены четыре модели действительности права:

- 1) *динамическая* – в которой основанием действительности является вышестоящая уполномочивающая норма либо норма, санкционирующая те или иные источники права (Г. Кельзен, Г. Харт, Е.В. Булыгин (применительно к системной действительности), представители инклюзивного юридического позитивизма);
- 2) *статическая* – предполагающая, что основанием действительности является обладающая прескриптивным, нормативным значением идея (норма), из которой все иные нормы выводятся как её логические следствия (И. Кант, Р. Дворкин);
- 3) *телеологическая* – предполагающая, что основание нормы – вышестоящая норма, средством для реализации

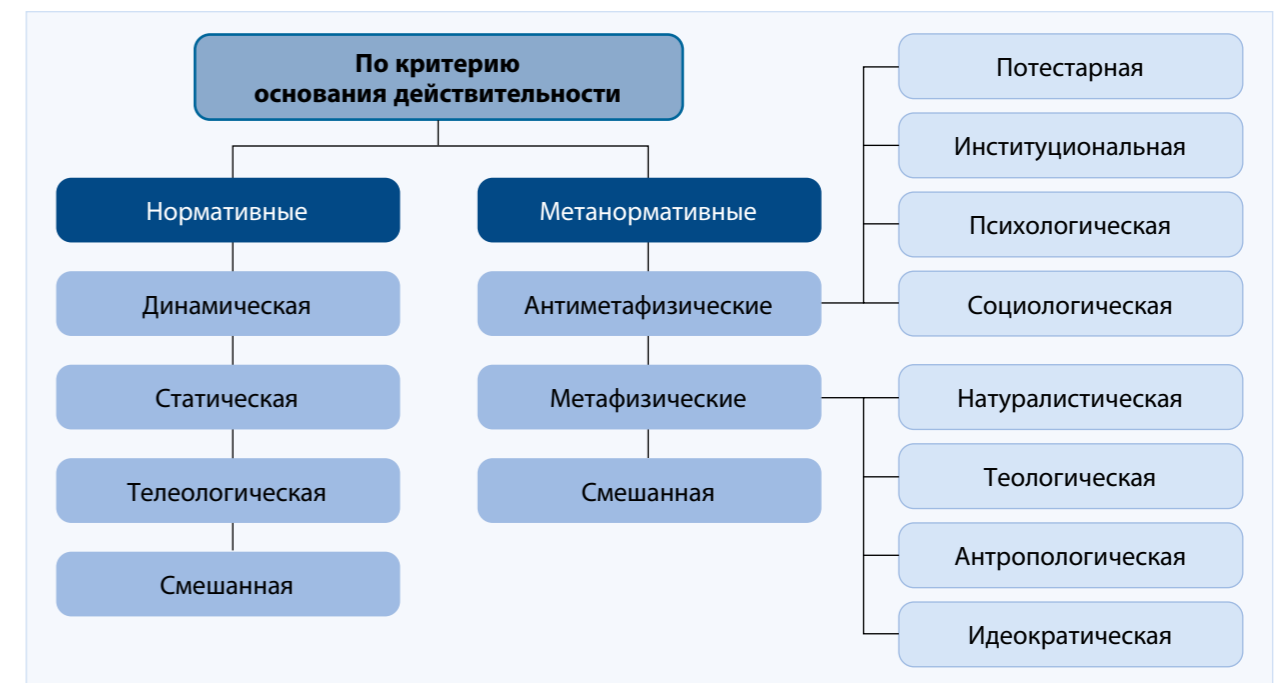

Рис. 1. Классификация моделей действительности права по критерию основания действительности

которой является нижестоящая норма (используется при аргументации позиций Конституционного Суда РФ); 4) *смешанная* – в которой возможны различные сочетания указанных оснований (Е.В. Булыгин и К.Э. Альчуррон, институциональный юридический позитивизм (О. Вайнбергер), некоторые представители современного юснатурализма – Г. Радбрух, Л. Фуллер, Р. Алекси).

По критерию *метанормативных* оснований могут быть выделены три модели действительности права с дальнейшей дифференциацией: 1) *антиметафизическая*, в которой основанием действительности является факт; 2) *метафизическая*, предполагающая, что основанием действительности права являются сущности, обозначаемые с помощью метафизических понятий (природа сущего/человека, божественная воля и т.п.); 3) *смешанная*, объединяющая оба основания (представлена в концепции Дж. Финниса).

В рамках *антиметафизической* модели в зависимости от факта, обуславливающего действительность права, могут быть выделены: 1) *потестарная*

модель – факт власти (правовой этатизм, М. Тропер); 2) *институциональная* – фактически существующий социальный порядок – институт (классический правовой институционализм С. Романо); 3) *психологическая* – психологический факт самообязывания (психологический правовой реализм); 4) *социологическая* – факты человеческого поведения (Е.В. Булыгин (применительно к действительности [3, с. 193–194] как юстициальности)).

Метафизическая модель в зависимости от сущности, обуславливающей действительность права, включает в себя следующие: 1) *натуралистическая* модель – природа сущего (представители античной версии юснатурализма, с определёнными оговорками Б. Спиноза и Т. Гоббс); 2) *теологическая* – божественная воля (Аквинат, Иоанн Дунс Скот); 3) *антропологическая* – природа (разум) человека (Г. Гроций, Дж. Локк и др. представители рационалистической версии юснатурализма); 4) *идеократическая* – идея, не имеющая нормативного значения (М. Ориу, К. Шмитт).

В соответствии со вторым критерием (соотношение действительности

Рис. 2. Классификация моделей действительности права по критерию соотношения действительности и действенности

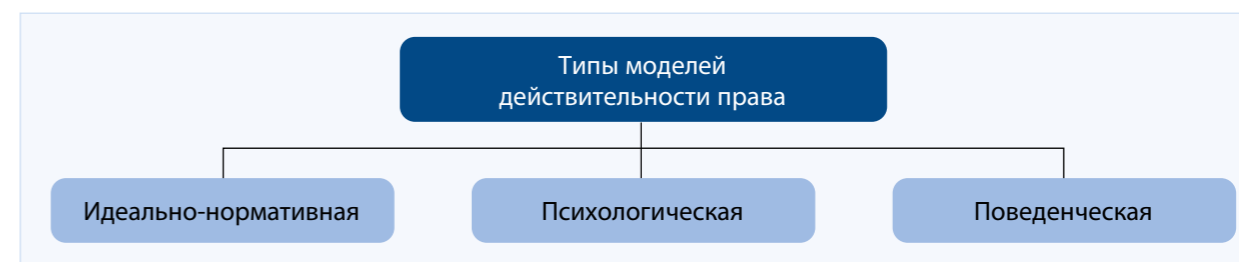

Рис. 3. Типы моделей действительности права

и действенности) предлагается выделить две теоретические модели: 1) *монистическая*, или модель тождества действительности и действенности, обычно приписываемая скандинавским правовым реалистам, что, однако, не вполне корректно: она прежде всего представлена социолого-правовыми теориями, такими как, например, концепция О. Эрлиха [4]; 2) *дуалистическая*, предполагающая разделение понятий действительности и действенности права и невозможность редукции одного к другому (рис. 2).

В рамках дуалистической могут быть выделены три модели: 1) *независимости действительности от действенности* (юснатурализм, классический правовой институционализм); 2) *зависимости действительности от действенности* (Г. Кельзен, институциональный юридический позитивизм); 3) *взаимообусловленности действительности и действенности* (Упсальская школа, А. Росс), в которой, в отличие от первых двух, основанных на разделении должного (действительность) и сущего (действенность), действительность и действенность отнесены к реальности сущего.

Представленные выше модели действительности и действенности права могут быть далее типизированы в зависимости от того, на каком аспекте бытия права делается акцент. Возможно выделить три типа: *идеально-нормативный, психологический, поведенческий* (рис. 3). К первому типу принадлежат концепции, делающие акцент на идеях в широком смысле, в том числе на нормах, понимаемых как идеальные объекты. К данному типу относятся нормативистские теории

Г. Кельзена, Г. Харта, Е.В. Булыгина, а также все естественно-правовые концепции. К этому же типу примыкает подход институционального юридического позитивизма, основанный на понятии особого рода институциональных фактов. К психологическому типу относятся теории, акцентирующие внимание на восприятии норм (нормативных фактов) индивидуальной психикой и чувстве связанности правом (континентальный (психологический) правовой реализм). Поведенческий тип образуют теории, делающие акцент на эмпирически воспринимаемых фактах (регулярностях) человеческого поведения (все антиметафизические модели действительности, за исключением психологических).

Возможность такой типологии представляется не случайным фактом, а следствием различия в том, на каком аспекте единого процесса создания, осуществления и изменения права делает акцент та или иная теория. Ни одна из концепций юридической действительности не отрицает полностью иные аспекты бытия права, но считает их имеющими второстепенное значение по сравнению с тем аспектом, на котором она концентрируется. Данная типология открывает возможность построения синтетической модели действительности и действенности права.

Три царства права

Основная идея синтетической модели действительности и действенности права состоит в том, чтобы, с одной стороны, учесть все три модуса существования права (идеально-нормативный

(ценностный), психический и поведенческий) и тем самым интегрировать исследования действительности и действительности права, основанные на различных методологических установках, а с другой — оставить её открытой для различных интерпретаций и акцентов.

Методологическими основаниями такой модели выступают теория трёх миров К. Поппера и ряд более ранних философских концепций [5], в частности теория трёх царств Г. Фреге [6], а также идея Г. Кельзена о том, что действительность права представляет собой его существование [7, 8]. Сообразно трём мирам К. Поппера или трём царствам Г. Фреге можно говорить о трёх мирах (царствах) права, в каждом из которых оно по-своему существует.

Предлагаемая модель основывается на идее о трёх взаимосвязанных аспектах бытия права: в мире физических (пространственно-временных) явлений (мир 1), в мире субъективных психических состояний (мир 2) и в мире идей (мир 3). Данная концепция позволяет соединить исследования, которые относятся к нормам (ценностям) как к идеальным сущностям (мир 3) и к психологическому пониманию права, которые рассматривают действительность права как его обязывающую силу, а нормы права — как мотивы поведения (мир 2), и исследования фактической реализации правовых норм в поведении (мир 1 и частично мир 2).

Первый модус существования права (мир 1) относится к фактическому человеческому поведению. В традиционном социально-психологическом смысле понятие поведения охватывает не только относящиеся к миру 1 телесные (физические) действия людей, но и психологическое отношение к ним, включая цели, мотивы и т.п. [9], т.е. явления, относящиеся к миру 2. Вместе с тем, следуя идеям психологического правового реализма, представляется необходимым сузить понятие поведения, разграничивая

внешние (наблюдаемые) действия людей в физическом мире и их психологическую характеристику. Право как социальное явление проявляется в массовом человеческом поведении, обладающем признаком регулярности. Вопрос о том, предшествует ли такому поведению норма или она, напротив, есть следствие социальных регулярностей, не имеет общего решения. Возможны ситуации, когда социальная регулярность существует до нормы, вместе с нормой или после её установления [10, р. 78–92].

В мире 2 право существует как явление индивидуальной психики. Человеческое поведение является разумным, осмысленным и мотивированным, и именно с такими его характеристиками связано право. Основываясь на идеях континентального (психологического) правового реализма [10, р. 84–85], можно выделить два аспекта психического существования права: интеллектуальный, предполагающий способность понимать смысл источников права (нормативных фактов), и эмоциональный, предполагающий переживание обязанности как мотива поведения. При этом мотивация, исходящая из сознания обязанности, свойственна всем этическим эмоциям — как моральным, так и правовым. Однако в отличие от моральных правовая обязанность переживается как то, исполнения чего может потребовать управомоченный субъект, что сообщает императивную мотивационную силу, отсутствующую в эмоциях морали.

В своём третьем модусе (мире 3) право существует как совокупность идеальных объектов, категории которых различаются в разных философско-правовых концепциях. В классической естественно-правовой философии в качестве таких объектов выступают нормы естественного права, понимаемые в духе платоновских идей. Более поздние антипозитивистские правовые концепции рассматривают в качестве таких

идеальных объектов не конкретные нормы (правила), а абстрактные правовые принципы или правовые ценности. Однако как классические, так и современные естественно-правовые теории объединяет общее представление о независимом от социальной практики существовании идеальной основы права. Нормативно-позитивистское понимание третьего модуса существования права предполагает, что речь идёт об идеальных объектах — смысловых или лингвистических, имеющих определённую связь с первым и/или вторым модусами права, однако не сводимых к индивидуальной психике или фактическому поведению [8, р. 2, 26].

Таким образом, право одновременно существует во всех трёх мирах (царствах) — в качестве нормы как идеального объекта, в правовых переживаниях множества отдельных людей и воплощается в массовом фактическом поведении. Вместе с тем, принимая во внимание позицию К. Поппера, отметим, что мир 1 и мир 3 не могут прямо влиять друг на друга: их взаимодействие происходит через посредничество мира 2. Иными словами, субъективные психические переживания (мир 2) служат связующим звеном между идеальной действительностью права (мир 3) и социальным фактом его действительности (мир 1) (рис. 4).

Соответственно выделены три основные модели такой взаимосвязи.

1. «Мир 1 → мир 2 → мир 3». — Определённое массовое поведение (поведенческий модус) вызывает чувство связанности правом (психологический модус), в свою очередь влекущее за собой существование нормы как идеального объекта (идеальный модус).
2. «Мир 3 → мир 2 → мир 1». — Появление новой нормы в идеальном модусе (например, принятие нового закона) вызывает чувство связанности правом, в свою очередь влекущее за собой массовое поведение.
3. «Мир 2 → мир 1 → мир 2 → мир 3». — Правовые переживания, возникающие

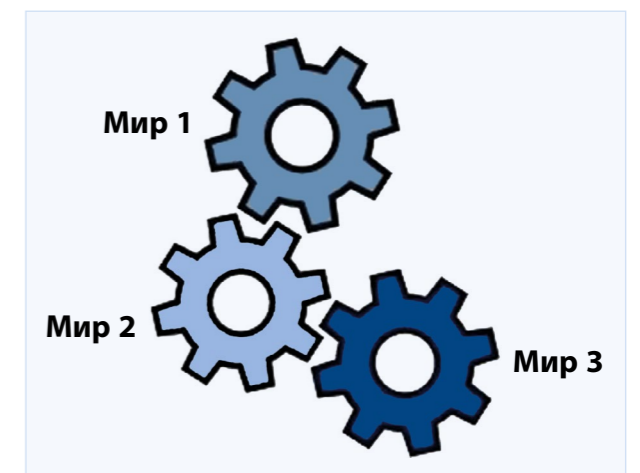

Рис. 4. Взаимосвязь трёх миров права

независимо от идеально существующей нормы или массового поведения, которые можно отождествить с интуитивным правом в концепции Л.И. Петражицкого [11], вызывают появление некоторой идеи, претендующей на общезначимость, и изменения в массовом поведении людей, после чего изменяются и правовые нормы. Такую идею саму по себе нельзя назвать правовой нормой. В отличие от правовых обычаев интуитивное право не является позитивным (выраженным в конкретном источнике права), т.е. невозможно говорить о постоянном единообразном поведении на основании конкретного правила. В данном случае речь идёт скорее о правовых переживаниях, вызывающих массовые, но кратковременные действия, влекущие за собой появление новых норм, примером чего могут быть революционные изменения правопорядка.

Взаимосвязь трёх царств (миров) права: пример правового обычая

Идею взаимосвязи трёх миров можно проиллюстрировать на примере правового обычая, существующего во всех трёх модусах права, взаимосвязь которых может быть описана по-разному, в зависимости от используемой доктрины правового обычая.

Так, теория современного римского права сформулировала ряд требований, которым должны удовлетворять правовые обычаи: 1) к действиям, из которых складывается обычай (мир 1), 2) к субъективному смыслу, придаваемому данным действиям самими акторами и третьими лицами (мир 2), 3) к содержанию обычаев (мир 3) [12].

Обычай должен складываться из многократных, единообразных и непрерывных действий (иногда бездействия), совершаемых продолжительное время, т.е. фактов, относящихся к первому модусу существования права. Психологический признак обычая состоит в том, что соблюдение обычая вызвано убеждением в его юридической обязательности. Соотношение психологического и поведенческого аспектов в конституировании правового обычая рассматривалось в доктрине различным образом: спиритуалистическая теория предполагала, что совершение обычно-правовых действий не создаёт, а только подтверждает право, уже существующее в народном сознании (модель «мир 3 → мир 2 → мир 1»); согласно материалистической теории — именно совершение действий формирует убеждение в юридической обязательности обычая (модель «мир 1 → мир 2 → мир 3»).

Проблема требований к содержанию обычая равнозначна проблеме разрешения коллизий норм и требует рассмотрения моделей взаимосвязи трёх модусов права, дополняющих общую модель возникновения правового обычая. Требование соответствия обычая разумности и/или нравственности равнозначно существованию нормы, отменяющей соответствующую обычно-правовую норму, т.е. здесь присутствует «законодательная» модель взаимодействия трёх миров («мир 3 → мир 2 → мир 1»). Аналогичное отменяющее значение имеет и законодательная норма о запрете обычая, противоречащего законодательству. Вместе с тем известное римскому праву действие обычаев *contra legem* описывается классической обычно-правовой моделью «мир 1 → мир 2 → мир 3», последний элемент которой, помимо прочего, отменяет норму закона.

Действительность, действенность и легитимность права

Таким образом, можно говорить о действительности (существовании) права в трёх мирах или о трёх разных его «действительностях» — фактической действительности, соответствующей миру 1, психологической

Рис. 5. Действительность, действенность и легитимность права

действительности, соответствующей миру 2, и идеальной действительности, соответствующей миру 3. Для разграничения трёх перечисленных понятий представляется целесообразным уточнить терминологию и соотнести фактическую действительность с действительностью, психологическую действительность — с легитимностью, а сам термин «действительность» использовать для обозначения идеальной действительности (рис. 5).

Регулярность массового человеческого поведения соотносится с понятием действительности в том смысле, как оно употреблялось Г. Кельзенем [13] или в поздних работах Е.В. Булыгина [3]. При этом массовое человеческое поведение может иметь разную «интенсивность» — разную частоту, продолжительность и широту распространения, а следовательно, и «действенность» может иметь разную степень. Под действительностью следует понимать совокупность уже свершившихся фактов, а не какие-либо ожидания их наступления в будущем.

Правовые переживания участников сообщества, психологическое признание (переживание) индивидами обязательности некоторой правовой нормы и т.п. могут быть соотнесены с понятием легитимности права [14–16], которая также может иметь разную степень как интенсивности правовых эмоций, так и степени их распространения среди субъектов.

Системная действительность права

Для выделения актуального права в мире 3 возможно использование одного из двух основных критериев либо их комбинации. Первый критерий, используемый естественно-правовой теорией, — метафизическая правильность. Данный критерий предполагает, что нормы могут быть правильными и неправильными, при этом к праву относятся только правильные нормы. Вопрос о том, какие нормы являются правильными, представляет собой отдельную проблему. Идеальную действительность, определяемую

первым критерием, можно назвать метафизической или статической. Метафизическая действительность самодостаточна и существует независимо от действительности и легитимности. Она может влиять на них, но сами они никакого влияния на неё не оказывают.

Действительность, определяемую вторым критерием, можно назвать динамической, или системной. Данный критерий состоит из двух взаимосвязанных элементов. Первый элемент — системность права. Правовая норма существует в мире 3 не просто как отдельный объект, а как часть более сложного идеального объекта — системы норм. Однако и это представляется недостаточным: чтобы отличить воображаемую систему от реальной, необходим второй элемент критерия — связь с миром 1 и миром 2, т.е. с действительностью и легитимностью. Таким образом, системная действительность, близкая идеям антиметафизической традиции в праве, предполагает сложную связь между разными уровнями нормативной системы и разными мирами (царствами) права. Для решения проблемы соотношения действительности и действительности можно использовать теорию ступенчатой структуры правопорядка, разработанную А. Мерклем и Г. Кельзенем [7], дополнив её решением проблемы взаимосвязи действительности и легитимности правовых норм разного уровня.

Системная действительность права может рассматриваться как диспозиционное свойство норм права, отражающее их предрасположенность к применению/реализации. В основе данного диспозиционного свойства лежит местоположение нормы в системе правовых норм, при этом действительность нормативной системы как целого основана на имевшей место социальной практике применения/реализации (действенности) нормативной системы в целом, которая складывается из фактов применения отдельных правовых норм.

Передача свойств системной действительности, легитимности и действительности между уровнями правовой системы происходит асимметричным образом: системная действительность и легитимность передаются от вышестоящих норм к нижестоящим при создании последних на основании первых, а действительность — от нижестоящих норм к вышестоящим при применении/реализации первых.

Заключение

На основе концепции трёх миров представляется возможным объединить исследования в области действительности и действительности, основанные

на различных методологических подходах. Результаты исследований психологических реалистов (мир 2), социолого-правовые исследования фактического поведения (мир 1) и традиционный для юриспруденции анализ норм (мир 3) могут не противопоставляться, а дополнять друг друга, при этом механизм взаимосвязи трёх царств права показывает, как именно происходит такая интеграция. Введение синтетического понятия системной действительности позволяет выразить общую идею действительности права как его существования во всех трёх мирах: фактическом, психологическом и идеальном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. III: Право. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
3. Булыгин Е.В. Судебные решения и правотворчество / Пер. с англ. Н.И. Сатохиной // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / Под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 183–199.
4. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: Юрид. книга, 2011.
5. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д.Г. Лахути; Отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
6. Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова; Под ред. З.А. Кузичевой: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 326–342.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
8. Kelsen H. General Theory of Norms / transl. by M. Hartney. Oxford: Clarendon Press, 1991.
9. Юдин Э.Г. Поведение // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Науч. ред. совет: пред. В.С. Степин, зам. пред.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. С. 253–254.
10. Ross A. Directives and Norms. London: Routledge & Kegan Paul, 1968.
11. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000.
12. Краевский А.А., Тимошина Е.В. Jus non scriptum: о действительности правовых обычаев и их применении российскими судами // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 87–97.
13. Кельзен Г. Действительность и действительность права / Пер. с нем. М.В. Антонова // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / Под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 294–315.

14. Антонов М.В. Легитимность и действие права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 3. С. 48–81.
15. Антонов М.В. Легитимность, признание, действительность и отмена правовых норм в юридическом словоупотреблении // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 2 (15). С. 118–124.
16. Поляков А.В. Коммуникативный смысл действительности права, его признания и идеи справедливости // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: Наука-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 9–18.

ENGLISH

Three Realms of Law: Theoretical Models of Legal Validity and Efficacy

Elena V. Timoshina – Doctor of Science (Law), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, head of the project “Validity and Efficacy of Law: Theoretical Models and Strategies of Judicial Argumentation” (18-011-01195a).

E-mail: e.timoshina@spbu.ru

Natalia S. Vasilyeva – Candidate of Science (Law), Judge's Associate at the Arbitration Court of the North-Western District, Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, St. Petersburg Branch of HSE University, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: nataliavasilyeva@hotmail.com

Viacheslav E. Kondurov – Teacher-Researcher, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: viacheslav.kondurov@gmail.com

Arseny A. Kraevsky – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: a.krajewski@yandex.ru

Notions of validity and efficacy of law have long been in the spotlight of jurisprudence, but the discussion on the respective issues is of a circular nature. We propose to systematize the existing approaches to legal validity on the basis of two criteria: 1) foundation of validity and 2) relation between validity and efficacy. This allows us to highlight normative and metanormative models (with further subdivision), as well as monistic and dualistic models, respectively. The variety of legal validity-efficacy models can be reduced to three types, which correspond to three aspects of legal phenomenon: ideal-normative, psychological, and behavioral. Using K. Popper's theory of three worlds and G. Frege's concept of three realms as a methodological basis, we construct a synthetic theory of legal validity based on the interconnection of the three modes of existence of law—actual human behavior (efficacy of law), psychological experiences of the binding force of law (legitimacy of law), as well as norms and values as ideal objects (ideal validity). The integration of ideal validity, legitimacy and efficacy of law also allows us to synthesize a general notion of systemic validity, which reflects the existence of law in all three worlds (realms).

Keywords: validity of law, legal validity, efficacy of law, legal effectiveness, legitimacy of law, natural law theory, legal positivism, legal realism, K. Popper's three worlds theory, G. Frege's concept of three realms

REFERENCES

1. Weber M. Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii. T. 3. Law. Moscow: HSE Publ., 2018. 331 s. (in Russian).
2. Jellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve / Intr. by I.Y. Kozlikhin. St. Petersburg: Yurid. centr Press, 2004. 752 s. (in Russian).
3. Bulygin E.V. Sudebnye resheniya i pravotvorchestvo / Transl. from English by N.I. Satokhina // Bulygin E.V. Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava. St. Petersburg: Alef-Press, 2016. S. 183–199 (in Russian).
4. Ehrlich O. Osnovopolozhenie sotsiologii prava / Transl. from German M.V. Antonov; ed. by V.G. Grafsky, Y.I. Grevtsov. St. Petersburg: Yurid. kniga, 2011. 703 p. (in Russian).
5. Popper K.R. Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podkhod / Transl. from English by D.G. Lakhuti; ed. by V.N. Sadovskii. Moscow: Editorial URSS, 2002. 384 s. (in Russian).
6. Frege G. Mysl'. Logicheskoe issledovanie // Frege G. Logika i logicheskaja semantika: Sbornik trudov / Transl. from German. B.V. Birjukov, ed. by Z.A. Kuzicheva: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moscow: Aspekt Press, 2000. S. 326–342 (in Russian).
7. Kelsen H. Chistoe uchenie o prave / Transl. from German by M. Antonov and S. Loesov. 2nd ed. St. Petersburg: Alef-Press, 2015. 541 p. (in Russian).
8. Kelsen H. General Theory of Norms / Transl. by M. Hartney. Oxford: Clarendon Press, 1991. 465 p.
9. Judin E.G. Povedenie // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / Ed. board: pres. V.S. Stepin, vice-pres.: A.A. Gusejnov, G.Y. Semigin, secr. A.P. Ogurcov. Moscow: Mysl', 2010. S. 253–254 (in Russian).
10. Ross A. Directives and Norms. London: Routledge & Kegan Paul, 1968. 188 p.
11. Petrażycki L. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti. St. Petersburg: Lan', 2000. 608 s. (in Russian).
12. Kraevsky A.A., Timoshina E.V. Jus non scriptum: o dejstvennosti pravovyh obychaev i ih primenenii rossijskimi sudami // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2020. № 12. S. 87–97 (in Russian).
13. Kelsen H. Deistvitel'nost' i deistvennost' prava / Transl. from German by M.V. Antonov // Bulygin E.V. Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava. St. Petersburg: Alef-Press, 2016. S. 294–315 (in Russian).
14. Antonov M.V. Legitimnost' i dejstvie prava // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. T. 13. № 3. S. 48–81 (in Russian).
15. Antonov M.V. Legitimnost', priznanie, dejstvitel'nost' i otmena pravovyh norm v juridicheskom slovoupotreblenii // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2018. T. 5. № 2 (15). S. 118–124 (in Russian).
16. Polyakov A.V. Kommunikativnyj smysl dejstvitel'nosti prava, ego priznaniya i idei spravedlivosti // Pravovaja kommunikacija gosudarstva i obshhestva: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt. Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Voronezh: NAUKA-JUNIPRESS, 2020. S. 9–18 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 7.072.2
Код ГРНТИ 18.49.09
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-105-116

О.А. КУЗНЕЦОВА*

Любовь Дмитриевна Блок
в поисках призвания

В статье рассматриваются события биографии Л.Д. Блок 1920–1930-х гг., связанные с поиском путей и возможностей творческой самореализации, которые привели её к изучению балетного театра. Первым шагом на этом пути стал отказ от роли Прекрасной Дамы, которую Л.Д. Блок играла не только в поэзии, но и в жизни Александра Блока и его окружения.

Автор показывает новый круг её общения, в который входят А.Ф. Кларк, А.Я. Ваганова, Б.В. Шавров и др. Особое внимание уделяется этапам поиска призвания: от создания мемуаров, поиска собственных интересов (мода, язык тела) через регулярное посещение балетного театра, ведение балетных дневников к изучению классического танца, освоению методологии Вагановой (совместная работа над книгой «Основы классического танца») и исследованию истории эволюции хореографических приёмов.

Ключевые слова: документы, биография, история театра, история балета, Л.Д. Блок

Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок (1881–1939), дочь всемирно известного создателя периодической системы химических элементов и жена знаменитого петербургского поэта, всю жизнь пыталась выйти из тени славы своих родственников. Однако ни драматическая стезя, где она не поднималась выше второстепенных-третьестепенных ролей, ни попытки режиссёрских

экспериментов не принесли ей творческой самореализации. На пороге 50-летия она впервые познакомилась с классическим балетом, изучение которого и стало её призванием.

В научной биографии Л.Д. Менделеевой-Блок, тщательно и кропотливо воссозданной по архивным источникам, газетным материалам, театроведческим ресурсам Юлией Евгеньевной Галаниной

* Кузнецова Ольга Александровна — научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доцент Академии русского балета им. А.Я. Вагановой, руководитель проекта «Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок: биографические материалы и творческое наследие» (18-012-00656).
E-mail: kolar@inbox.ru

Фото 1. А.А. Блок и Л.Д. Блок на балконе квартиры на ул. Декабристов, 57. Фото С.М. Алянского. 1919 г. Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

в книге «Судьба и сцена» [1] и Вадимом Моисеевичем Гаевским в предваряющем издании «Классический танец: История и современность» очерке «Историк балета Л.Д. Блок (1881–1939)» [2, с. 7–22], имеется значительная лакуна, касающаяся второй половины 1920-х и первой половины 1930-х гг. Между тем именно на эти годы приходится важный этап поиска Л.Д. Блок своего призвания и обретения профессионального поприща, на котором ей удалось достичь успехов

и известности. Правда, надо оговориться, что признание и слава историка балета мирового уровня пришли к ней многие годы спустя после её смерти.

Похороны Прекрасной Дамы

Любовь Менделеева-Блок прожила в браке с Александром Блоком 18 лет (фото 1). Поэт часто писал о проклятии художника, смешивающего искусство и жизнь. В поздних дневниках он признавал, что в его судьбе и на его поэтической стезе «объектом влюблённости» и «призвания более высокого» стало «одно и то же лицо» [3, с. 344]. Для самого стихотворца, его литературного окружения и символистской среды невеста, а затем жена была не просто музой, она прочно ассоциировалась с поэтическими образами ранней лирики и воспринималась как героиня этих стихов. Имидж и статус Прекрасной Дамы стал её ролью в совместном жизненном сценарии с мужем-поэтом. Незадолго до венчания З.Н. Гиппиус и Андрей Белый обсуждали, как возможно совместить «свадьбу и стихи» [4, с. 206].

Смерть Блока 7 августа 1921 г. Любовь Дмитриевна переживала не только как горе утраты близкого человека, но и как праведную «гибель гения», «оправдание подлинности его чувств и предчувствий». «Сердце моё уже по ту сторону жизни и неразрывно с ним», — написала она сестре Марии Дмитриевне Менделеевой (в замужестве Кузминой)¹. Помимо прочего трагический момент этой ситуации заключался в том, что Прекрасная Дама лишилась своего демиурга. Неделю спустя после смерти поэта, 15 августа 1921 г., Любовь

¹ Блок Л.Д. Письмо к М.Д. Менделеевой (Кузминой) // Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 840. Оп. 7. Ед. хр. 24. Л. 211.

Дмитриевна составила завещание, в котором просила похоронить её в подвечном платье и положить в гроб венчальные цветы¹. Вероятно, неосознанно она выступила здесь режиссёром похорон Прекрасной Дамы, неоднократно описанных Блоком стихах: «Грób невесты лёгкой тканью...» (5 ноября 1904 г.), «Вот он ряд гробовых ступеней...» (18 июня 1904 г.) и др.

После смерти матери Александра Блока, Александры Андреевны Кублицкой-Пиоттух, 25 февраля 1923 г. Любовь Дмитриевна делила квартиру на улице Декабристов в доме 57 с Марией Андреевны Бекетовой, тёткой Блока, взявшей на себя роль его биографа. Архив поэта хранился у вдовы до её смерти, она предоставляла документы исследователям творчества писателя (П.Н. Медведеву, В.Н. Орлову, И.С. Зильберштейну, Д.Е. Максимова и др.), но старалась избегать лишних встреч с незнакомыми людьми, проявлявшими интерес к биографии литератора, и даже не всегда отвечала на их письма. Мария Андреевна, работавшая над биографическим очерком «Александр Блок» [5] и воспоминаниями «Ал. Блок и его мать» [6], напротив, охотно принимала всех посетителей [7, с. 104–112].

В дневнике Корнея Ивановича Чуковского, особенно близко общавшегося с поэтом в последние годы его жизни, имеется запись о визите 10 мая 1923 г. в квартиру Блока и общении с М.А. Бекетовой. Из его замечаний и наблюдений обращают на себя внимание следующие: «Марья Андреевна стала читать мне свою рукопись, там, конечно, нет и догадки, кто такой Блок, там мирный и банальный Саша, любимец, баловень, а не — “Ночные часы” <заглавие четвёртого поэтического сборника Блока. — О.К.>. <...> Тётка об этом не знает ничего. И всё чувствуется какое-то

¹ Блок Л.Д. Завещание // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 92.

² Там же.

замалчивание — замалчивается роль Любови Дмитриевны, замалчивается та тягость, которую наложила на Блока семья, замалчивается сам Блок. Про Любовь Дмитриевну она сказала: “Люба сюда своего портрета не даёт (в альбом). Она хочет остаться в тени. (Помолчав.) Такая скромность!”» [8, с. 245].

Некоторое время спустя мы находим достаточно резкую перемену в мироощущении Любови Дмитриевны и её образе мыслей, а главное — в переоценке и в переосмыслении лет, прожитых в браке с поэтом. Фактографически документированной точкой отсчёта, с которой начинается новый период в её жизни, можно считать отказ от завещания, на котором сделана надпись: «Недействительно 23/VI 24 Л. Блок»².

Чуковский случайно встретился с Л.Д. Блок два года спустя, 7 марта 1926 г. В своём дневнике он оставил запись: «Служит в Госиздате корректоршей, большая, рыхлая, 45-летняя женщина. Вышла на площадку покурить. Глаза узкие. На лоб начёсана чёлка. Калякает с другими корректоршами. <...> Того чувства, что она “воспетая”, “бессмертная” женщина, у неё не заметно нисколько, да и всё окружающее не способствует развитию подобных бессмысленных чувств» [8, с. 379] (фото 2).

В эти годы, отказавшись от миссии биографа знаменитого мужа-поэта, Любовь Дмитриевна начинает работу над альтернативным сочинением «И был, и небылицы о Блоке и о себе», где на первый план выходит личность мемуаристки. «А давно уж твердят», — замечает она, — что я должна писать о виденном. Я и сама знаю, что должна — я не только видела, я и смотрела. Но чтобы рассказать виденное, нужна точка зрения» [9, с. 5]. Она вступает в полемику с воображаемым читателем, которому «не нужна» её собственная история,

а «нужна жизнь жены поэта», а эту роль она воспринимает уже как «функцию» — «фикцию». Цель сочинения — разрушить миф о Прекрасной Даме и начать описывать свой собственный жизненный путь, не укладывающийся в житнетворческую концепцию Блока-поэта и его символистского окружения. Приём, на котором строится повествование, заимствован из автобиографического сочинения И.В. Гёте «Поэзия и правда: из моей жизни» (1811–1831) [10]. «Быль» и «небылицы» — это игра смыслами, где «Dichtung» и «Wahrheit», художественный вымысел и реальные события, могут меняться местами, а что считать «правдой» зависит лишь от точки зрения повествователя. Несмотря на диалог с воображаемым читателем, мемуаристка не могла рассчитывать на выход в свет в советской печати такого рода воспоминаний об авторе поэмы «Двенадцать». Первый публикатор этих мемуаров за границей Л.С. Флейшман определил жанр этого сочинения как интимно-психологическую исповедь. По всей видимости, они создавались отчасти для решения своих психологических проблем, чтобы в зеркале воспоминаний встретиться с самой собой.

К мемуарам были приложены два листочка бумаги, свидетельствующие о том, что Л.Д. Блок пыталась как-то разобраться в своей прошлой жизни. Так, на одном из них она перечисляла совершённые «ошибки», главными из которых стали «замужество» и «отказ от сцены», а на другом то, что доставляло ей «радости» [4, с. 17].

Приблизительно в это же время состоялось знакомство Л.Д. Блок с Александром Фёдоровичем Кларком (1890–1941), проживавшем в доме 60 по улице Декабристов. Учёный секретарь в Институте по изучению мозга и психической деятельности, он углублённо занимался вопросами психотехники: профессиональной ориентацией, выявлением общей одарённости и специальных способностей. Среди его подопечных

были Николай Черкасов, слишком высокий рост которого был помехой на его первоначальной балетной стезе, и Евгений Мравинский, не принятый в 1923 г. в консерваторию. Смерть мужа, конец актёрской карьеры, неудачи на режиссёрском поприще и при этом сильная жажда самореализации — в таком состоянии она обратилась к Кларку за помощью. Не исключено, что создание мемуаров и признание прошлых «ошибок» было инициировано мастером психотехники как первый шаг по пути выхода из кризиса и поисков своего призвания.

Мода и тело

Помимо работы корректором Л.Д. Блок находит новые виды деятельности, связанные уже с её собственными увлечениями и пристрастиями. Она делает для издательств анонсы французских книг с рекомендациями для переводов. Публикует в газетах кинорецензии и начинает вести постоянную рубрику с обзором модных тенденций.

В январе 1925 г. М.А. Бекетова, работая над очерком «Весёлость и юмор Блока», не упустила случая поведать забавный эпизод, показывающий различие интересов супругов в вопросах гардероба, одежды, нарядов. «Так, ещё в первый год замужества, — вспоминала Мария Андреевна, — Люб. Дм. имела неосторожность пойти вместе с ним <Блоком. — О.К.> в Гостиный двор. Вскоре хождение по лавкам ему надоело, и он начал дурачиться. Внезапно подняв руки вверх как бы в порыве необычайного удивления или негодования, он бросился бежать по одной из линий Гостиного двора, крича с безумным, отчаянным видом: “Вельветин!” Люб. Дм., ужасаясь и хохоча, пыталась его образумить и с тех пор уже закаялась брать его с собой в такие места» [11, с. 321].

Интерес к моде отразился и на страницах её мемуаров, где описание туалетов мемуаристка связывала со знаковыми

событиями в отношениях с поэтом. Вспоминая о первом визите восемнадцатилетнего Александра Блока в имение Менделеевых в Боблово, она подробно и детально рассказывает о выборе подходящего наряда: «Автоматически подхожу к зеркалу <...> — мой ситцевый сарафанчик имеет слишком домашний вид. Беру то, что мы так охотно все тогда носили: батистовая английская блузка с туго накрахмаленным стоячим воротничком и манжетами, суконная юбка, кожаный кушак. <...> Шляпы в сад я не брала» [9, с. 13]. Описывая роковое объяснение в любви 7 ноября 1902 г., когда в случае отказа Блок приготовился свести счёты с жизнью, мемуаристка не преминула заметить: «На мне было моё парижское суконное голубое платье» [9, с. 46]. Позже в стихотворении «Не спят, не помнят, не торгуют...» (1909–1911) Блок вспомнил о меховой шубке, в которой Л.Д. Менделеева была в ту судьбоносную ночь [12, с. 60, 692]. В своих воспоминаниях она уточнила: это была «красная ротонда» [9, с. 46], т.е. плащ с прорезями для рук, подбитый мехом.

В одной из газетных заметок 1925 г., озаглавленной «Зависимость от моды», обозревательница высказывает мнение, что конструирование модной одежды должно базироваться на изучении строения тела и законов движения, «иначе платье очень красивое само по себе своими формами и линиями будет совершенно не соответствовать ж<енскому> телосложению, или платье, красивое и хорошо сидящее на неподвижно стоящей ж<енщине> <...>, будет стеснять её движения и при малейшем шаге, поднимании руки, повороте плеча, перегибе в талии разорвётся». Причину «антиэстетичности и уродливости» современной моды Л.Д. Блок видит в том, что «одну форму, определённую в своих линиях

Фото 2. Л.Д. Блок. 1920-е гг. Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

и объёмах», надевают на другую форму, совершенно ей противоположную¹. По её мнению, модная одежда должна не прикрывать, прятать, маскировать тело, а напротив, проявлять и демонстрировать его в статике и движении.

Этот интерес к телу, возникший из многочисленных телесных практик, сопряжён прежде всего с амплуа драматической актрисы². В разные годы она занималась «пластической гимнастикой» под руководством артиста балета В.И. Преснякова, свободным танцем Айседоры Дункан, ритмической гимнастикой Жака Далькрозе и владела основами

¹ Блок Л.Д. Зависимость от моды // РО Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства: Фонд Л.Д. Блок, № 86, ГИК 21712/3.

² О её карьере драматической актрисы см. подробнее [1].

Фото 3. М.Т. Семёнова. Музей Академии русского балета им. А.Я. Вагановой

биомеханики Всеволода Мейерхольда. На страницах мемуаров «И быть, и небылицы о Блоке и о себе» была затронута проблема отношения к собственному телу как неотъемлемой части собственного «Я». В них есть эпизод, шокировавший современников¹, — это откровенное описание собственного обнажённого тела в момент страстной любовной сцены с «пажом Дагобертом», как она называла своего коллегу по труппе В.Э. Мейерхольда К.А. Давидовского.

«Когда пробил час упасть одежд, <...> я настолько убедительно просила дать мне возможность показать себя так, как я этого хочу, что он

повиновался <...>. В несколько движений я сбросила с себя всё и распустила блистательный плащ золотых волос <...>. Может быть Джорджоне, может быть, Тициан...» [9, с. 62]².

Балетные кумиры

Психолог А.Ф. Кларк, помогавший Л.Д. Блок в преодолении душевного кризиса и поисках возможностей самореализации, был известным балетоманом, завсегдаем Мариинского театра, переименованного в 1920 г. в Государственный академический театр оперы и балета. В своей балетной школе на улице Декабристов³ он был окружён такими же самозабвенными поклонниками Терпсихоры. Не исключено, что именно он сознательно направил интерес Л.Д. Блок к телу и телесности в иное русло. В 47-летнем возрасте у неё появилось новое страстное увлечение: в классическом танце она увидела тело как уникальный инструмент, способный выразить красоту и совершенство форм, линий, движений. Кроме того, в советское время балет стал для неё своеобразным «замком красоты», сохранявшем преемственную связь с прежней культурной традицией. По совету Кларка, она вошла в круг из 6–7 балетоманов-клакеров, которые помогали «обеспечивать успех» Марине Тимофеевне Семёновой (фото 3). Эта любимая ученица А.Я. Вагановой и её партнёр, однофамилец и муж Виктор Александрович Семёнов (фото 4) стали кумирами Л.Д. Блок. На листке бумаги, где она выписывала свои «радости» жизни, среди прочего появились и их имена.

Попав в среду балетоманов, обладающих доскональными знаниями техники классического танца, Л.Д. Блок начала культивировать сознательное

отношение к изучению этого вида искусства и приступила к кропотливым балетным штудиям, продолжавшимся на протяжении последнего десятилетия её жизни. Свои мимолетные впечатления, наблюдения, размышления, а также обзор спектаклей она стала записывать в дневники, которые вела с 1928 по 1934 г., чтобы «словами зафиксировать хоть что-нибудь». Посещая многократно один и тот же спектакль, она заучивала последовательность номеров хореографического текста, чтобы иметь возможность сравнивать различные манеры исполнения. Дневнику она поверяет чувства и эмоции, переполнявшие её, когда ей удавалось увидеть на сцене своих кумиров. 6 января 1929 г. после спектакля «Лебединое озеро» она записала: «Семёнов, Семёнов! <...> Воздух становится хрустальным вокруг него. Он нёс так красиво и легко руки, что казалось — это они уносят его на такую высоту, — прыжок был без усилия, ноги следовали за улетающим корпусом. О, Семёнов!»¹

В это время она находилась в поиске критериев оценки классического балета. В первую очередь в поле её зрения попадает канон сложения танцовщика. Любуясь Семёновым, она отмечает «благородную красоту» фигуры и жестов, «чистоту форм и линий», которые у неё прочно ассоциировались с «прежней культурой» (фото 5). Но панегирический стиль сменялся сатирическим, если исполнитель не соответствовал её представлениям о балетном сложении. Так, портрет танцовщицы Елены Васильевны Ширипиной приобрёл под её пером комедийно-гротесковый характер. «Более язвительной пародии на танцовщицу, — заметила исследовательница, — не могло бы изобрести воображение <...> Домье. Голова и туловище

Фото 4. В.А. Семёнов. Музей Академии русского балета им. А.Я. Вагановой

великанши, ноги и руки карлицы. С такими данными танец не только неизбежно останется немудрёным и элементарным, он просто карикатурен»².

В одной из работ она провела параллель между балетным и античным канонами: последний предполагал «маленькую головку, гордо сидящую на длинной крепкой шее, отчётливо связанную с падающей линией покатоного плеча»³. Именно такую посадку головы и пропорции она нашла у своей любимой героини Марины Семёновой (фото 6). Далее Л.Д. Блок приходит к убеждению, что за анатомическим канонами исследователь танца должен разглядеть и определённую «биомеханику»: «ощущение

¹ См. подробнее в воспоминаниях В.П. Веригиной [13, с. 170].

² Ср. трактовку этого эпизода: Галанина Ю. Л.Д. Блок в гастрольной поездке труппы В.Э. Мейерхольда (1908) // Вопросы театра / Prosaenium. М., 2008. № 3–4. С. 231.

³ О балетной школе А.Ф. Кларка см. подробнее [15].

¹ Блок Л.Д. Материалы к разным главам книги // РО ИРЛИ. Ф. 840 (Лесман М.С.). Оп. 7. Ед. хр. 53.

² Блок Л.Д. Служенье делу, а не лицам // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 125.

³ Блок Л.Д. Не поздоровится от эдаких похвал // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 118.

Фото 5. В.А. Семёнов в роли Альберта («Жизель»).
Музей Академии русского балета им. А.Я. Вагановой

упругой закономерной связи всех рычагов тела»¹.

Одним из примеров того, как статику в балете можно корректировать динамикой, становится для неё исполнительское мастерство Вахтанга Михайловича Чабукиани. «Архаичный» по анатомии и пропорциям («бёдра, нижняя часть торса узки, мало развиты, плечи широки и тяжелы для такого торса») этот танцовщик, как отметила она в своём дневни-

ке, безукоризненно техничный, редко виртуозный с красивыми и благородными линиями. После посещения спектакля «Дон Кихот» 18 декабря 1931 г., где он исполнил партию Базиля, Л.Д. Блок сделала запись: «Вообще он гениален не творчеством, не артистизмом духа; он гениален телом. Он берёт для своих вариаций сложнейшие и труднейшие па и исполняет их смело, гордо, стремительно»² (фото 7).

Другим важным аспектом для рецепции балетного спектакля, на который она обращала пристальное внимание, стала манера исполнения. Секрет технического мастерства Семёнова, по мнению Л.Д. Блок, заключался в том, что он «ненавидит каждое лишнее движение»³. В связи с этим она цитирует программное стихотворение Ш. Бодлера «Красота» (сборник «Цветы Зла»): «Je hais le mouvement, qui déplace les lignes»⁴. Как драматической актрисе, прекрасно понимавшей разницу между драматической и балетной сценой, ей импонировал и тот факт, что Семёнов не пытается сыграть «психоло-

гические страдания», ему достаточно их «условного эквивалента в размеренных и скупых жестах», что создаёт иллюзию «отчуждённой красоты»⁵.

Ещё одним значимым принципом оценки классического балета исследовательница считала создание средствами танца художественного образа, именно он создаёт чувство гармонии, вызванное единством формы и содержания. «Семёнова более лебедь, чем когда-нибудь»,

¹ Там же.

² Блок Л.Д. Дневниковые записи творческого характера // РО ИРЛИ. Ф. 840 (Лесман М.С.). Оп. 7. Ед. хр. 54.

³ Блок Л.Д. Материалы к разным главам книги // РО ИРЛИ. Ф. 840 (Лесман М.С.). Оп. 7. Ед. хр. 53.

⁴ «Я ненавижу движение, которое смещает линии» — фр.

⁵ Там же.

а её тридцатисемилетний партнёр выходит за рамки биологического возраста, превращаясь на сцене в вечно юного эфеба, с глазами, глядящими «куда-то в нездешнее», — отметила она после спектакля «Лебединое озеро» 6 февраля 1929 г.¹ В дуэте Семёновых она нашла «танцы, со всем смыслом, какой свойственен и подобает полноценной хореографии»². В качестве же неудачного примера использования «классики», когда танец не становится самостоятельным средством художественной выразительности, а остаётся серией технических приёмов, Л.Д. Блок привела второй акт балета «Красный мак» (1929), поставленный Владимиром Ивановичем Пономарёвым. Понаблюдав за «полётами, пируэтами и пр. дюжинами, десятками», она пришла к выводу, что всё это «совершенно ни к чему», назвав такого рода классику «малиновым вареньем с касторкой»³.

Начало балетных студий

В дневнике Л.Д. Блок создала свою оригинальную классификацию амплуа исполнителей мужских классических партий на сцене ГАТОБа: это «томный и нежный андрогин», «предлагающий собой любоваться альфонс», «исполнительный и приличный служащий такого-то ведомства» и, наконец, «пленительный, но безвольный Эндимион». Мифологические образы соединяющего мужское и женское начала андрогина и находящегося в магическом сне любовника Луны Эндимиона, знакомые ей по культуре «Серебряного века», были уже почти вытеснены

¹ Блок Л.Д. Материалы к разным главам книги // РО ИРЛИ. Ф. 840 (Лесман М.С.). Оп. 7. Ед. хр. 53.

² Там же.

³ Там же.

Фото 6. М.Т. Семёнова в роли Жизели.
Музей Академии русского балета им. А.Я. Вагановой

из советского искусства, но сохранили своё место в классическом балете. Этим типажам она противопоставила героический образ Чабукиани, «мужественный, борющийся и побеждающий». «Задачи он ставит себе, — заметила она в дневнике, — казалось бы, — невыполнимые, бросается вперёд, рассчитано, азартно и спокойно в одно время, и без единого колебания, без единой ошибки и зацеп проходит все ступени ритмического здания, завершая его чудесной паузой — музыка ждёт, умолкая, когда

Фото 7. В.М. Чабукиани в концертном номере. Музей Академии русского балета им. А.Я. Вагановой

он соблаговолит закончить не уместившиеся в такт многие-многое туры и заключить пирует падением на колено с размаху, не дрогнув ни на волос»¹.

Мужественное амплуа, казалось бы, больше всего отвечало духу нового времени, однако для Л.Д. Блок принципиально важным был тот факт, что артист «борется» не за новые идеи, а за технически совершенное исполнение балетных па.

Следующим этапом хореографических штудий Л.Д. Блок явилось изучение балетной школы в рамках сотрудничества с Ленинградским хореографическим техникумом. С 1931 по 1934 г. она в качестве литературного редактора работала с Агриппиной Яковлевной Вагановой над её книгой «Основы классического танца», в 1935 г. под руководством Бориса Васильевича Шаврова готовила учебную программу по курсу поддержки².

Таким образом, поиски после смерти мужа-поэта собственного призвания через интерес к «телу» и пластике привели Л.Д. Блок к фундаментальному изучению балетных приёмов. Результатом этих штудий стал уникальный энциклопедический труд «Возникновение и развитие техники классического танца (опыт систематизации)» [2, с. 23–324], где впервые была продемонстрирована эволюция хореографических техник и практик от Древней Греции до начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галанина Ю.Е. Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.
2. Блок Л.Д. Классический танец: история и современность. М.: Искусство, 1987.
3. Блок А.А. Собр. Соч. В 8 т. Т. 7: Автобиография. Дневники. М., Л.: ГИХЛ, 1963.
4. А.А. Блок – Л.Д. Менделеева-Блок: переписка, 1901–1917 / Предисл. Д.М. Магомедовой; Послесл. и коммент. Ю.Е. Галаниной и др. М.: ИМЛИ РАН, 2017.
5. Бекетова М.А. Александр Блок. Биографический очерк. Пг.: Алконост, 1922.

¹ Блок Л.Д. Дневниковые записи творческого характера // РО ИРЛИ. Ф. 840 (Лесман М.С.). Оп. 7. Ед. хр. 54.

² Об этом периоде см. подробнее в моей работе [16].

6. Бекетова М.А. Ал. Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.; М.: Петроград, 1925.
7. Гаврилов В. Три встречи с близкими Блока // Наше наследие. 2004. № 74. С. 104–112.
8. Чуковский К.И. Дневник (1901–1929) / Подготовка текста и коммент. Е.Ц. Чуковской; Вступ. ст. В.А. Каверина. М.: Советский писатель, 1991.
9. Блок Л.Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен: Кафка-Пресс, 1979.
10. Гёте И.В. Поэзия и Правда. Из моей жизни / Пер. с нем. Н.А. Холодковского; Вступ. ст. и коммент. Е.М. Браудо. Пг., М.: Гос. изд-во, 1923. Т. 1, 2. («Всемирная литература. Германия. Избранные сочинения Вольфганга Гёте»).
11. Бекетова М.А. Весёлость и юмор Блока // А. Блок и современность / Сост. Ст. Лесневский. М.: Современник, 1981. С. 317–324.
12. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Отв. Ред. Ю.К. Герасимов. М.: Наука, 1997. Т. 3: Стихотворения. Кн. III (1907–1916).
13. Веригина В.П. Памяти Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок // Звезда. 1980. № 10. С. 162–173.
14. Галанина Ю. Л.Д. Блок в гастрольной поездке труппы В.Э. Мейерхольда (1908) // Вопросы театра / Proscenium. М., 2008. № 3–4. С. 220–239.
15. Боглачева И.А. Балетная школа Кларка // Коломенские чтения: Сборник статей 2009–2010. Материалы конференции «Коломна и образование в Санкт-Петербурге конца XIX – начала XX века» / Под ред. В.В. Антонова. СПб.: Лики, 2010. С. 131–140.
16. Кузнецова О.А. Неизвестные страницы биографии Л.Д. Блок 1920–1930-х годов // Блокские чтения – 2020: Материалы юбилейной Международной научной конференции к 140-летию со дня рождения Александра Блока и 40-летию Музея-квартиры А.А. Блока / Отв. ред. И.А. Карпенко. СПб.: ГМИ СПб., 2021 (в печати).

ENGLISH

L.D. Blok in Search of her Vocation

Olga A. Kuznetsova – Research Fellow, the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Vaganova Ballet Academy, head of project “Lyubov Dmitrievna Mendeleeva-Blok: Biographical Materials and Creative Heritage” (18-012-00656).
E-mail: kolar@inbox.ru

The article examines the events of the biography of L.D. Blok in the period from 1920 to 1930, related to the search for ways and opportunities for creative self-realization, which led her to the study of ballet. The first step on this path was her rejection from the role of a Beautiful Lady, which L.D. Blok played not only in the poetry, but also in the life of Alexander Blok and his entourage.

The author shows a new range of her contacts, which includes A.F. Clark, A.Ya. Vaganova, B.V. Shavrov, and others. Special attention is paid to the stages of her search for a vocation: from writing of memoirs, discovering and developing her own interests (fashion, body language) through the regular visits to the ballet theater and keeping ballet diaries to the studying of classical ballet dance, mastering the methodology of Vaganova (their collaborative work on the book *Basic Principles of Classical Ballet*) and studying of the history of evolution of choreographic technique.

Keywords: documents, biography, the history of theater, the history of ballet, L.D. Blok

REFERENCES

1. Galanina Yu.E. *Lubov Dmitrievna Blok. Sudba i stsena*. Moscow: "Progress-Plejada", 2009. 432 s. (in Russian).
2. Blok L.D. *Klassicheskiy tanec. Istoriya i sovremennost*. Moscow: "Iskusstvo", 1987. 556 s. (in Russian).
3. Blok A.A. *Sobr. soch. v 8 t. T. 7. Avtobiografija. Dnevnik*. Moscow, Leningrad: GIHL, 1963. 544 s. (in Russian).
4. Blok A.A. – L.D. *Mendeleeva-Blok: perepiska, 1901–1917 / predisl. D.M. Magomedovoj, poslesl. i kommentarii Ju.E. Galaninoy i dr. M.: IMLI RAN, 2017. 717 s. (in Russian).*
5. Beketova M.A. *Aleksandr Blok. Biograficheskiy ocherk*. Petrograd: "Alkonost", 1922. 306 s. (in Russian).
6. Beketova M.A. *Aleksandr Blok i ego mat. Vospominania i zametki*. Leningrad, Moscow: "Petrograd", 1925. 183 s. (in Russian).
7. Gavrilov V. *Tri vsrechi s blizkimi Bloka // Nashe nasledije. 2004. № 74. S. 104–112 (in Russian).*
8. Chukovskij K.I. *Dnevnik (1901–1929). Podgotovka teksta i comment. E.Ts. Chukovskoj. Vstup. st. V.A. Kaverina*. Moscow: "Sovetskij pisatel", 1991. 583 s. (in Russian).
9. Blok L.D. *I byl i nebylitsy o Bloke i o sebe*. Bremen: Kafka-Press, 1979 (in Russian).
10. Gete I.W. *Poezija i Pravda. Iz mojej zhizni / Per. s nem. N.A. Khlodovskogo; vstp. st. i comment. E.M. Braudo*. Petrograd, Moscow: Gos. izd-bo, 1923. T. 1, 2. ("Vsemirnaja literature. Germania. Izbrannyje sochinenia Wolfganga Gete (in Russian).
11. Beketova M.A. *Veselost i jumor Bloka // Blok i sovremennost / Sost. St. Lesnevsky*. Moscow: "Sovremennik", 1981. S. 317–324 (in Russian).
12. Blok A.A. *Poln. sobr. soch i pisem v 20 t. / Otv. redaktor Yu.K. Gerasimov*. Moscow: "Nauka", 1997. T. 3. *Stikhotvorenia. Kn. III (1907–1916)*. 992 s. (in Russian).
13. Verigina V.P. *Pamjati Lubovi Dmitrievny Mendelejevoj-Blok // Zvezda. 1980. № 10. S. 162–173 (in Russian).*
14. Galanina Yu. L.D. *Blok v gastrolnoj poezdke truppy V.E. Meyerholda (1908) // Voprosu teatra / Proscenium*. Moscow, 2008. № 3–4. S. 220–239 (in Russian).
15. Boglacheva I.A. *Baletnaja shkola Clarka // Kolomenskije chtenija: sbornik statej 2009–2010. Materialy konferencii "Kolomna i obrasovaniye v Sankt-Peterburge kontsa XIX – nachala XX veka" / Pod red. V.V. Antonova*. St. Petersburg: "Liki", 2010. S. 131–140 (in Russian).
16. Kuznetsova O.A. *Neizvestnyje stranitsy biografii L.D. Blok 1920–1930-kh godov // Blokovskije chtenia – 2020: Materialy jubileinoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii k 140 letiju so dnja rozhdenia Aleksandra Bloka i 40-letiju Muzeja-kvartiry A.A. Bloka / Otv. red I.A. Karpenko*. St. Petersburg: GMI SPB, 2021 (*v pechaty*) (in Russian).

Индекс УДК 75.046
Код ГРНТИ 18.31.09
DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-117-136

С.Н. ГАЛУНОВА*

Иконописное наследие Русского Севера XVII–XVIII веков: взаимосвязь духовного состояния общества и художественной эволюции иконописания

В статье рассматриваются проблемы, связанные с изучением иконописного наследия Русского Севера XVII–XVIII вв., прослеживается взаимосвязь духовного состояния общества и художественной эволюции иконописания в переходный период российской истории от эпохи Средневековья к Новому времени. Развитие иконописания на Русском Севере имеет особенности, обусловленные рядом факторов. Художественная эволюция иконописания – процесс непрерывный, постоянный, но если в XIV–XVI вв. он протекал достаточно плавно и медленно, то в XVII–XVIII вв. новшества в иконописи распространяются стремительно. Примерно со второй половины XVII в. в произведениях северной иконописи также начинают проявляться новые тенденции, которые требуют внимательного изучения. Научные исследования последних лет позволяют выявить специфику иконописной традиции не только регионов и субрегионов, но и локальных центров художественной культуры Русского Севера, заставляют взглянуть по-новому на процесс развития иконописания.

Ключевые слова: Русский Север, иконописное наследие, иконописание, духовное состояние общества, обмирщение христианского сознания, художественная эволюция

Изучение историко-художественного наследия Русского Севера, в частности иконописания, является одной из важнейших проблем отечественной искусствоведческой науки. В результате активного развития научно-реставрационных работ в последние десятилетия в музеях и храмах России раскрыты многочисленные памятники иконописи XIII – начала XX в. Нам стали известны такие замечательные художественные центры и ареалы средневековой Руси, как Вологда, Сольвычегодск, Великий Устюг, Холмогоры, Белоозеро, Заонежье, Поонежье и ряд других. Многие произведения, происходящие из российской провинции, могут быть по праву отнесены к шедеврам древнерусской иконописи. Однако до настоящего времени остаётся недостаточно исследованной иконопись отдельных локальных центров, располагавшихся

* Галунова Светлана Николаевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры профессионального и технологического образования Череповецкого государственного университета, руководитель проекта «Иконописное наследие Русского Севера XVII–XVIII веков: взаимосвязь духовного состояния общества и художественной эволюции иконописания (основные подходы и перспективы научных исследований)» (20-112-50069).

E-mail: sng2052@yandex.ru

в пределах историко-культурных зон Обонежья, Поморья, Подвинья, Заволжья, региона с центром в Вологде. Отдельная научная проблема – поздняя икона, художественная эволюция иконописания в XVII–XVIII вв.

Художественная культура Древней Руси богата и многообразна, она органично включает в себя особенности культуры каждого её ареала. Немыслимо создать целостное представление о древнерусском искусстве без понимания красоты иконописного образа. Красота в православии является категорией онтологической, неразрывно связанной со смыслом бытия. По словам Е.Н. Трубецкого, икона – «явление той самой благодатной силы, которая некогда спасла Россию» [1, с. 160].

На протяжении столетий внешние формы иконы меняются, но внутренняя наполненность образа, таинственная духовная составляющая должна быть неизменной: именно она и делает икону иконой, основное предназначение которой – помочь верующему сердцу в богообщении [2]. Если внешние особенности иконы доступны для научного изучения, то куда сложнее определить духовную составляющую. Однако, поскольку по выражению Е.Н. Трубецкого, икона – «умозрение в красках» [1], по признакам изменения формы можно выявить определяющие тенденции в изменении «умозрения» иконописцев.

Художественная эволюция иконописания – процесс непрерывный, в XIV–XVI вв. он протекал достаточно плавно и медленно. В XVII–XVIII вв. новшества в иконописании развиваются стремительно. Развитие иконописания на Русском Севере имеет свои характерные черты.

Цель данной статьи – на основе трудов историко-искусствоведческого характера проанализировать особенности иконописного наследия Русского Севера XVII–XVIII вв., выявить взаимосвязь

духовного состояния общества и художественной эволюции иконописания на Русском Севере.

Чтобы сделать обоснованные выводы, к исследованию были привлечены не только труды искусствоведов, но и данные современной археологии, истории и этнографии.

В ходе исследования необходимо было решить следующие задачи:

- уточнить определение термина «Русский Север»;
- рассмотреть основные научные подходы к изучению отечественной культуры XVII–XVIII вв., в частности иконописи;
- на основе ключевых научных исследований последних десятилетий определить своеобразие художественной эволюции иконописания на Русском Севере в XVII–XVIII вв. и выявить основные факторы, которые повлияли на этот процесс.

История изучения иконописного наследия Русского Севера

«Русский Север» – понятие скорее историко-культурное, нежели географическое или административное. По сути, он никогда не был собственно русским. Данный регион (точнее, макрорегион площадью ок. 1,7 млн кв. км) не имеет чётких границ, обычно к нему относят земли Олонецкой, Архангелогородской, Вологодской и Вятской губерний. Культура Русского Севера – уникальное явление российской культуры, особая зона культурного наследия [2–4].

В пределах Русского Севера выделяют регионы, связанные с бассейнами крупных рек, озер и морей. К ним относят, например, Подвинье, Обонежье, Поморье, Пошехонье¹. Внутри регионов выделяют субрегионы. Одни из них находились полностью в северных широтах, другие географически и исторически были в большей степени связаны с центром

Руси [5, с. 9]. В пределах субрегионов существовали ареалы, обладавшие специфическими чертами историко-культурных традиций.

В XIII–XIV вв. славянское население расселялось в северном крае «кустами», оседая в бассейнах рек, которые послужили рамками для удельного дробления [6, с. 309]. На этих территориях уже существовали определённые культурные традиции. Дальнейшее их развитие было тесно связано с устройством церковной жизни. В этом плане не потеряли своего значения исследования И.М. Покровского, М.М. Богословского и С.В. Юшкова и др. конца XIX – начала XX в. На рубеже XIX–XX вв. уникальные материалы о жизни крестьянства из 23 губерний России были собраны «Этнографическим бюро» князя В.Н. Тенишева [7].

Интерес к иконописи Русского Севера возник в XIX в. Одним из первых к ней обратился Д.А. Ровинский [8]. Во второй половине XIX в. появился условный термин «северные письма», объединявший как иконы, созданные на Русском Севере, так и попросту примитивные провинциальные вещи. «Северные письма» не обладают внутренним единством. В начале XX в. северная икона привлекает внимание таких учёных, как П.П. Муратов, И.Э. Грабарь, А.И. Анисимов, В.Т. Георгиевский.

Трагические события 20–30-х гг. XX в. в России явились причиной массового уничтожения наследия православной культуры. Однако с этого же времени берёт начало научная реставрация произведений иконописи. В 1918 г. создана Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древней живописи во главе с И.Э. Грабарём, она организует научные экспедиции по Вологодскому краю и Северной Двине, предпринимаются расчистки иконописи.

Некоторый итог довоенным исследованиям подвёл В.Н. Лазарев (1947). По его мнению, иконописи Русского Севера присущ некий примитивизм [9, с. 68–69].

Реставрационные открытия нескольких последующих десятков лет опровергают точку зрения В.Н. Лазарева.

Систематическое изучение северной иконописи началось с конца 50-х гг. XX в. Сотрудниками Русского музея, Эрмитажа и Реставрационных мастерских (ГЦХНРМ) организовано несколько экспедиций. В 1960-е гг. значительная часть работ по выявлению иконописи Русского Севера завершилась. Первые труды, в которых история иконописания на Русском Севере рассмотрена в широком историко-культурном контексте, принадлежат Э.С. Смирновой [10] и М.А. Реформатской [11].

В 1970–1980-е гг. предприняты углублённые исследования иконописного наследия Вологды, Архангельска, Карелии. Автором более ста научных работ, посвящённых различным аспектам культуры Русского Севера, в частности Архангельского края XVI–XVIII вв., является Т.М. Кольцова [12]. А.А. Рыбаков впервые применил методику ареальных исследований в изучении иконописного наследия региона с центром в Вологде [13]. Его труды являются основополагающими для изучения иконописи Вологодского региона, в частности Череповецкого края [14]. История иконописания Карелии освещена в трудах В.Г. Платонова. В одной из последних его работ опубликованы реставрационные открытия 2000-х гг., особое внимание уделено иконописи XVII–XVIII вв. – времени расцвета «северных писем» [15]. Проблемы, связанные с поздней иконой Карелии, разрабатывает Е.Е. Никулина. Она ввела в научный оборот ряд произведений второй половины XVII – середины XVIII в. [16].

За последние несколько десятков лет вышли в свет каталоги, статьи, сборники, монографии, посвящённые вопросам сохранения, реставрации и интерпретации иконописного наследия Русского Севера. Это работы В.Г. Брюсовой, Г.В. Попова, А.С. Косцовой, И.А. Кочеткова, В.М. Со-

¹ Пошехонье – земли по реке Шексне.

рокатого, О.В. Лелековой, В.К. Лауриной, А.Г. Мельника, В.Г. Пуцко, Г.Н. Бочарова и С.П. Выголова, С.П. Белова, Н.В. Перцева, Е.Е. Никулиной, О.В. Силиной, Г.И. Фроловой, М.И. Мильчика, Ю.Н. Бузыкиной и др. К началу XXI в. сложилась основа для того, чтобы обобщить опыт научных исследований.

Поздняя икона стала предметом глубокого научного изучения примерно с 1990-х гг.

Исследователи выделяют несколько крупных регионов Русского Севера: Вологодский край, Двинская земля, Поморье, Обонежье, которые отличались условиями исторического и культурного развития [17, с. 185]. Иконописная традиция художественных центров на Русском Севере сложилась под влиянием школ Великого Новгорода, Ростова Великого, позднее — Москвы, примерно к концу XV — началу XVI в. Северная иконопись — разнообразная, разветвлённая и многогранная художественная структура [13, с. 357]. Эти особенности обусловлены различными факторами: географическим положением, епархиальной подчинённостью, влиянием крупных иконописных школ, существованием монастырей, иконописных мастерских и т.п.

Из всех регионов Русского Севера наиболее развитым был Вологодский край: там находилось «целое созвездие городских центров и крупнейших монастырей» [17, с. 185]. Среди них Вологда, Великий Устюг, Тотма, Сольвычегодск, Белозерск, Устюжна, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий, Павло-Обнорский, Воскресенский Череповецкий монастыри и др. Иконопись Вологодской части Пошехонья имеет мало общего с «северными письмами», она может быть определена как северная ветвь верхневолжской художественной традиции, в ней заметно влияние школ Ростова Великого и Твери [10, с. 251–254]. Обонежье представляло собой сельский регион с небольшими монастырями и иконописными мастерскими. Условия для формирования

региональных центров здесь были выражены слабее, только Выгорецию можно сопоставить с региональными центрами Вологодчины. На землях Архангельского края, включавшего Поморье, часть Каргополя, земли вдоль рек Северной Двины, Онеги, Ваги, Пинеги, Мезени, сформировалось несколько самобытных художественных центров: Холмогоры, Каргополь, Архангельск, Соловецкий и Сийский монастыри [12, с. 6; 17, с. 186–187].

Основные аспекты современных исследований

В художественной эволюции северной иконописи в XVII–XVIII вв. просматриваются как общие закономерности развития культуры Руси, так и ряд особенностей. В целом изучение вопросов, связанных с общей проблематикой культуры Нового времени, намного опередило изучение более узких аспектов [16, с. 8].

Можно выделить целый ряд вопросов, разрабатываемых исследователями, среди проблем иконописания на Русском Севере в XVII–XVIII вв. Наиболее важными представляются следующие:

- исторический аспект развития художественной культуры в «эпоху перемен»;
- особенности мировоззренческой основы формирования и развития иконописания на Русском Севере;
- стилистические особенности северной иконописи XVII–XVIII вв.;
- иконопись старообрядцев;
- влияние на северную икону народного декоративно-прикладного искусства;
- «художественный примитив» в искусстве Русского Севера XVII–XVIII вв.

Прежде всего остановимся на историческом аспекте и основных подходах к изучению отечественной художественной культуры XVII–XVIII вв.

Начало XVII в. — важная грань для всей русской культуры, это время было ознаменовано кризисом во всех сферах общественной жизни. Во второй половине XVII в. положение усугубилось церковным расколом. Это столетие называют

«эпохой перемен», «переломной эпохой». Д.С. Лихачёв полагал, что XVII в. в России принял на себя функцию эпохи Возрождения в особых условиях, культура данного периода сложна для изучения: в ней причудливо сочетались черты старого и нового [18, с. 130]. Проблемы, связанные с духовной жизнью общества освещены в научной литературе крайне противоречиво. Да и само понятие духовности интерпретируется по-разному.

Можно выделить три основные точки зрения, которые сложились в науке по отношению к культуре XVII–XVIII вв., в частности к иконописи.

Сторонники первой из них убеждены, что XVII в. — это «век потерянного равновесия», нравственного перелома в обществе. Изменение культуры в XVII в. связано с обмирщением церковной жизни, общественного сознания в целом. В самом Смутном времени обнаружилась духовная болезнь русского общества [20, с. 76–104; с. 123–146]. Всю историю христианства пронизывают две противоположные тенденции: «одна — освящающая мир, другая — обмирщающая Церковь» [21]. Если XIV–XV вв. — «ренессанс русской живописи», когда духовная планка нации поднялась на недостижимую высоту [22], то в XVII в. готовилась почва для разрушения всех устоев национальной жизни [19, с. 76–78].

Особенно остро встал вопрос о церковном искусстве. Противоречия между приверженцами «старой» и «новой» иконописи заключались в понимании онтологии иконописного образа. Сторонники «инноваций» перестали видеть в иконе богословие и даже не подозревали, что иконописец способен невольно исказить вероучение. До XVI в. иконы списывали, но не копировали. В XVII в. соответствие «древним переводам» представлялось единственным критерием правильности и даже заменяло критерий богословский. Копированные иконы отличались от старинных, как «мумия от живого человека» [23, с. 22–26]. Суть произошедшей

перемены в иконописании исчерпывающе проанализировал Л.А. Успенский. По его глубокому убеждению, в само понимание искусства «внедрялось новое художественное видение и эстетические категории, основанные не на вероучительных предпосылках и православном духовном опыте, а на предпосылках расцерковлённой культуры» [24, с. 316]. Иосиф Владимиров и Симон Ушаков понимают свет уже не как озарение Святого Духа, они отстаивают концепцию тварного света в иконе. Кризисный механизм был запущен ещё во второй половине XVI в. [25, с. 44].

Иная точка зрения сложилась в советской историографии. Её сторонники признают, что в XVII в. имело место обмирщение русской культуры, но они оценивают этот факт положительно. Б.В. Михайловский и Б.И. Пуришев искусство данного периода противопоставили старому «религиозно настроенному» искусству «отсталой России» и высоко оценили его идейные и художественные качества, способствовавшие формированию русской живописи Нового времени [26, с. 98].

Таким образом, в науке сложились принципиально противоположные подходы к понятию канона (как к категории мировоззренческой). Для искусствоведов советского периода характерно мнение, что он имел преходящее значение, а в XVII в. сковывал развитие искусства [27, с. 136–172]. Православное искусствоведение, напротив, утверждает, что «каноническая форма высвобождает творческую энергию художника к новым достижениям, к творческим взлётам» [28].

Существует третья точка зрения. И.Л. Бусева-Давыдова предлагает пересмотреть концепцию обмирщения искусства в XVII в. [29, 30]. Она считает, что в тот период можно говорить об углублении религиозности в русском обществе, чему способствовал даже церковный раскол. В XVII в. русские начали осознавать

себя европейцами, носителями не только православия, но и христианства вообще [29, с. 27–31]. Это утверждение не ново: положительные тенденции в развитии отечественной культуры в XVII в. отмечали Г. Филимонов и Ф.И. Буслаев.

Чтобы ответить на вопрос, имело ли место обмирщение христианского сознания, которое явилось причиной эволюции русской культуры, принципиально важно определить, какие процессы происходили в духовной жизни общества, поскольку, как глубоко убеждены православные исследователи, именно «дух творит себе формы» [31]. Тем более это относится к иконе, образная структура которой сложнее произведения светского искусства [32, с. 103].

Для глубокого понимания духовного содержания иконы важнейшее значение имеют материалы Седьмого Вселенского собора об иконопочитании, а также отечественные труды по богословию образа, принадлежащие Д.А. Ровинскому, Н.В. Покровскому, Е.Н. Трубецкому, Н.П. Кондакову, А.И. Успенскому, Ю.А. Олсуфьеву, П.А. Флоренскому, Н.М. Тарабукину, Л.А. Успенскому, Б.А. Успенскому, монахине Иулиании (М.Н. Соколовой). Они убедительно доказывают единство внутренней сущности иконописного образа и художественной формы, раскрывают неразрывную связь истории Православной Церкви с иконописанием. По словам Архимандрита Зинона, «икона рождается из живого опыта Неба, из Литургии, поэтому иконописание всегда рассматривалось как церковное служение, как Литургия». А упадок искусства начинается сразу, как только происходит упадок религиозного сознания [23, с. 3, 21].

Причиной кризиса XVII в. стало отсутствие живой веры, крайняя холодность к церковной жизни, духовная деградация. Челобитные, указные грамоты, переписка и иные документы свидетельствуют о том, что в северных регионах у населения оживали языческие суеверия, возникали даже процессы о колдовстве,

многие христиане умирали без покаяния [33, с. 63–64; 34, с. 139–154]. Действительно, история русской иконописи «с изумительной закономерностью показывает всю последовательность духовного состояния церковного общества» [28].

Были и другие примеры. В Архангельском крае, например, епархией руководили образованные духовные лица. Этим во многом объясняется высокий уровень культуры конца XVII – первой половины XVIII в. на Поморском Севере [12, с. 14].

Если XVII в. – «эпоха перемен», то культурное развитие XVIII в., по сути, определяется переходом с церковной культуры на секуляризированное мировоззрение культуры западной [24, с. 293–301].

Петру I досталась держава, пребывавшая в состоянии духовного надрыва, переживавшая ситуацию «культурного переворота» [35, с. 21–22]. В XVIII в. в России распространяются идеи эпохи Просвещения. В науке существует точка зрения, что образовательная система определяет степень распространения духовных ценностей. Однако суть преобразований эпохи замечательно выражена св. Серафимом Саровским: под предлогом просвещения общество зашло в «тьму неведения» [36]. А элита «просвещенного общества», «оторвавшись от Церкви, ищет выход для своего религиозного чувства по преимуществу в масонских ложах» [24, с. 301]. Россия пошла по ложному пути, переориентировавшись с целостного мировоззрения на западный рационализм [23, с. 3].

Интересные данные приводит С.Б. Веселовский: заупокойные поминания XV в., отчасти и первой половины XVI в. содержат большое количество имён, иногда за 200 и более лет. В XVII в. там записаны, как правило, имена ближайших родственников: сознание родовой связи ослабевало [37, с. 7–36]. Ценную информацию содержат источники XIX – начала XX в., она относится к позднему периоду, но отражает тенденции, возникшие намного раньше.

Фото 1. Церкви Благовещения (1788 г.) и свт. Николая Чудотворца (1673 г.) в приходе с. Дмитриево (Вологодская область)

Один из указанных источников – исповедные росписи. Они пока не подвергнуты глубокому научному анализу, хотя содержат данные, например, о числе прихожан, которые не исповедовались «по нерачению». Если в XVIII в. таковых единицы, то к середине XIX в. в некоторых приходах они уже составляют 55% [14, с. 196]. Многие факты свидетельствуют о сохранении лишь обрядовой стороны церковной жизни, когда в храме нет благоговения, а чтения Священного Писания проходят формально [7, т. 9, с. 196–198], в церкви отмечается девиантное поведение прихожан [38].

Итак, источники убедительно доказывают, что обмирщение сознания имело место, это отразилось и в искусстве.

Некогда единая, охватывавшая все стороны русского бытия церковная изобра-

зительная культура стала расслаиваться [39, с. 84]. Традиционная иконопись предаётся забвению: для человека XVII в. не была нужна прежняя одухотворённость образа, в государстве формируется «предписанное Православие» [38].

По мнению М.А. Реформатской, даже в XVIII в. северные иконописцы сохраняли «обаятельные черты традиционной русской живописи» [11, с. 16]. Однако в свете новейших открытий данное утверждение требует уточнений.

Особый аспект проблемы, связанной с изучением культуры Русского Севера, – взаимодействие духовных традиций, идущих от Православия и от традиций местной культуры. Как считает Т.В. Барсеган, уникальность культуры русской провинции, в частности, обусловлена заложенными в её основе духовными

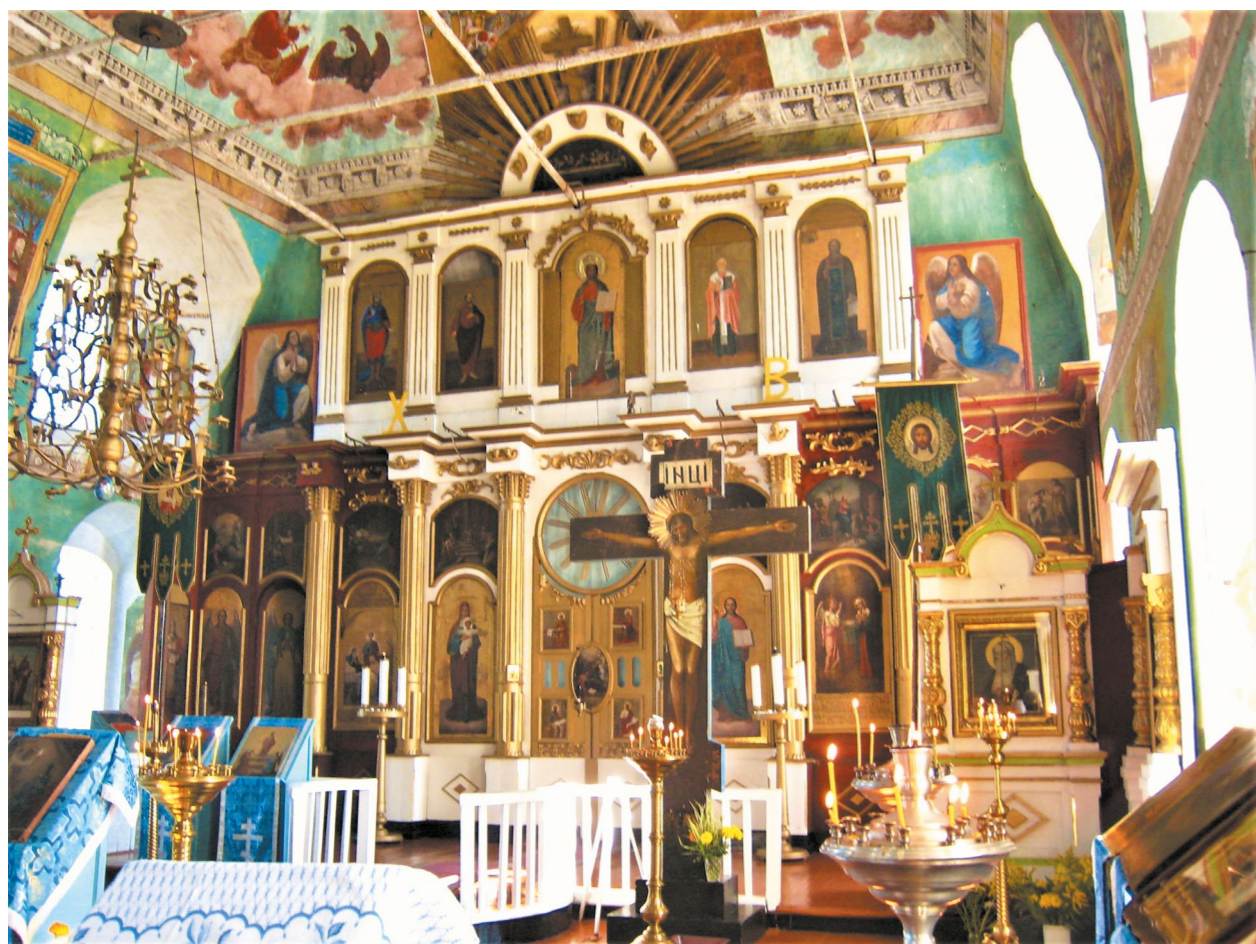

Фото 2. Иконостас церкви Благовещения с. Дмитриево (Вологодская область)

православными традициями, а также присутствием древнейших старославянских традиций [40, с. 39]. Сказанное можно отнести к Вологодскому региону. Однако в Архангельском крае и Карелии дело обстояло иначе: там христианство существовало параллельно с язычеством малых народов, которые не понимали ни церковнославянского языка богослужения, ни даже русского языка проповеди. В культовых постройках Севера длительное время сохранялись отзвуки дохристианских представлений [41]. Исследователи отмечают удивительные факты: на крыльце одной из церквей совершалось заклинание баранов, также были зафиксированы Солнце и Луна как самостоятельные иконы [16, с. 129, 134].

В Карелии после заключения Столбовского договора в 1617 г. захватчики

целенаправленно вытесняли православие лютеранством. Во второй половине XVII в. в этом крае распространяется старообрядчество. Таким образом, на северных территориях сложилась очень своеобразная ситуация, когда одновременно сосуществовали православие со старообрядчеством, лютеранство и язычество.

Следующий аспект изучения северной иконописи связан с выявлением её стилистических особенностей. В XVII–XVIII вв. на неё оказывают влияние западноевропейское искусство, иконописание крупных художественных центров, икона старообрядцев и народное искусство.

После бедствий Смутного времени на Руси идёт процесс активного храмового строительства. В каждом регионе

Русского Севера он имел свои особенности. В Архангельском уезде в 1710 г. насчитывалось 14 монастырей и 178 церквей [12, с. 14]. Вологда по количеству церквей уступала Москве, но равнялась Новгороду, Пскову и Суздалью. Отсюда и характерное наименование Вологодчины – «Северная Фиваида» [42, с. 8]. В Вологодском крае в XVII в. действовали 88 монастырей. В нём, а также в Пошехонье со второй половины XVII в. разворачивается каменное строительство. В XVIII в. в сёлах возводятся храмы (как правило, по два в приходе), по величине мало уступающие городским (фото 1). Отсюда – разработка композиции высокого резного иконостаса, наличие в интерьерах храмов росписей (фото 2). В Карелии и Архангельске церкви строились преимущественно деревянные, там была создана уникальная конструкция перекрытия «небом» (фото 3). В интерьере преобладали иконы, а не фрески. Иконостасы

Обонежских церквей были в основном одно- или двухрядными [16, с. 60].

Эстетические идеи барокко способствовали подъёму изобразительного искусства на Севере. На русское искусство повлияло также маньеристическое направление, распространившееся в странах Северной и Восточной Европы в конце XVI – первой половине XVII в. [43, с. 8]. В иконописи появляются новые сюжеты, многофигурные «повествовательные» композиции (фото 4), житийные иконы с многочисленными клеймами (фото 5). Иконописная композиция приобретает порой назидательный характер (например, изображения Страшного суда). Благодаря активным контактам между художественными центрами возрастает стилистическая неоднородность произведений. Не только северные иконописцы учились у москвичей. Патриарх Никон, оценив работу онежских иконописцев в Крестном монастыре, вызвал их в подмосковный Новоиерусалимский монастырь.

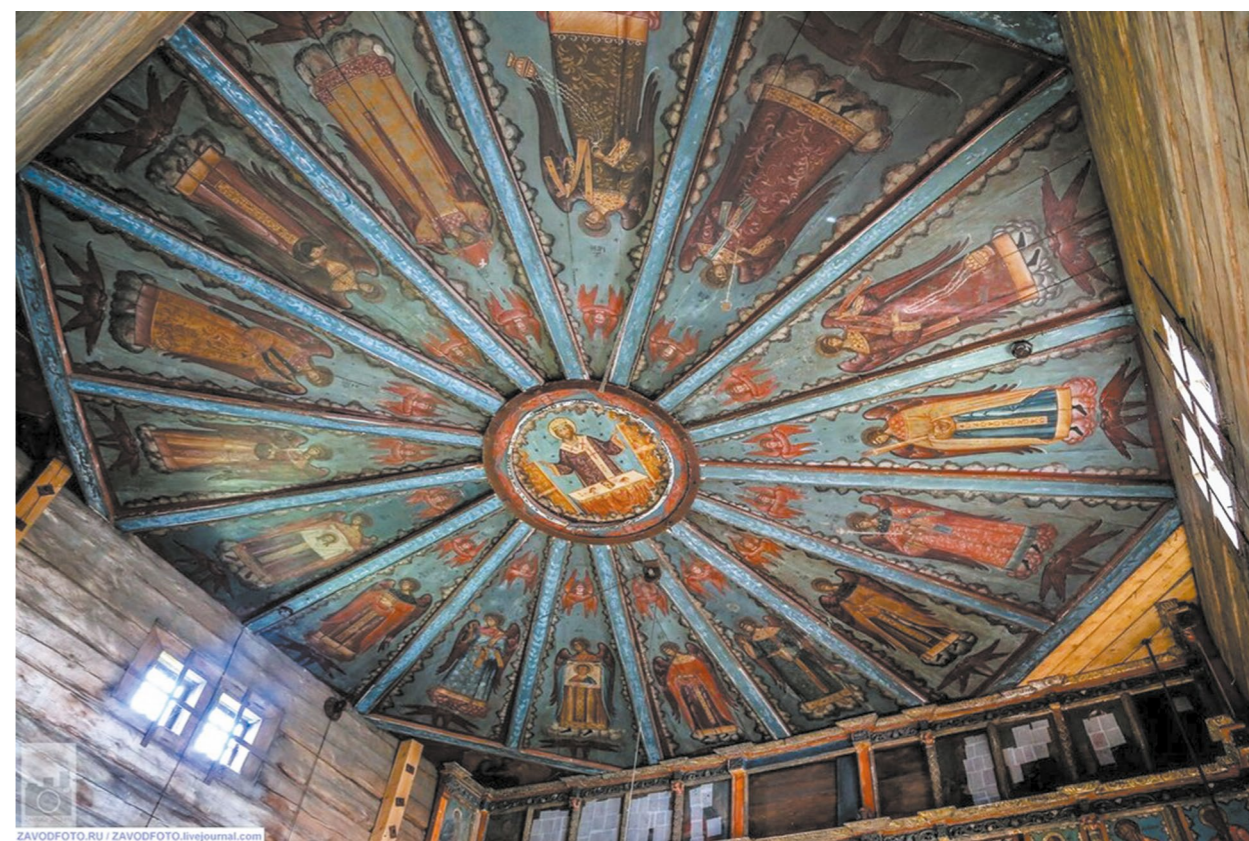

Фото 3. Росписи «Неба» в Успенской церкви г. Кондопога (Карелия). XVIII в.

Примерно к 80-м гг. XVII в. достигает расцвета искусство Вологодского края и Пошехонья, на него оказывает значительное влияние ярославская школа, что выражается в распространении житийных икон с усложнённой композицией средника и клейм, в особенностях колорита (характерно сочетание зеленоватых и оливковых тонов с охрами, красными, малиновыми, розоватыми оттенками и золотым или серебряным фоном) и утончённости письма [14, с. 209].

В Архангельском крае высочайшему подъёму иконописного искусства способствовало барокко. Холмогорские иконы этого времени нельзя назвать «провинциальным звеном» русской ико-

нописи. Северные иконописцы могли обучаться в Санкт-Петербурге, Великом Устюге, были знакомы с искусством Ярославля [12, с. 18–26]. Важнейшим центром иконописания был Соловецкий монастырь. В XVII в. там в разные годы работали 45 иконописцев, среди них были и приезжие из Вологды, Костромы, Холмогор [44]. Регулярные контакты со странами Европы, в первую очередь с Голландией и Англией, способствовали проникновению в край печатных книг и гравюры.

В Карелии во второй половине XVII – середине XVIII в. работали иконописцы из Новгорода, Каргополя, Тихвина, Москвы, Костромы и Вологды. Особен-

Фото 4. «Апостольские проповеди». Ок. 1668 г. Великий Устюг, Великоустюгский музей-заповедник

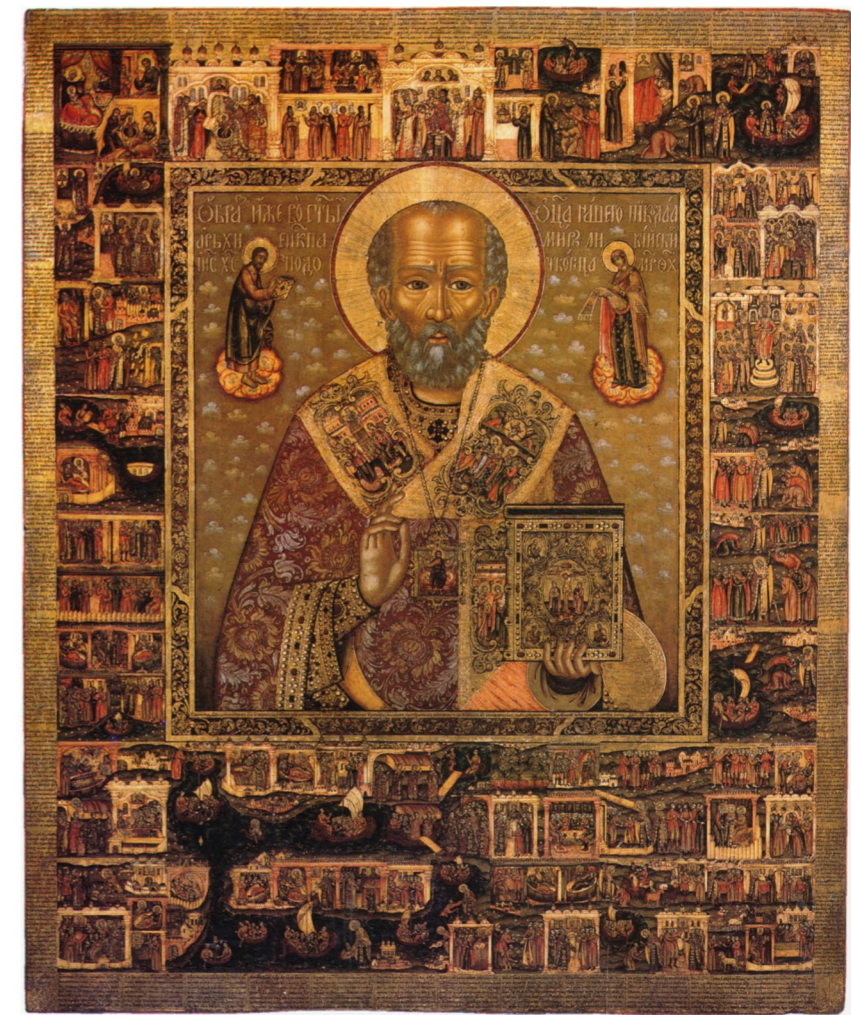

Фото 5. Иван Марков и Иван Никифоров «Св. Николай Чудотворец, в житии» (1713 г.). Церковь Иоанна Богослова в Вологде. Вологодский государственный музей-заповедник

ностью карельской иконописи было то, что, вбирая в себя новые стилистические приёмы, в частности барокко, она обрела собственные черты [16, с. 65]. Во второй половине XVII в. заметным явлением в духовной жизни Карелии стало старообрядчество. Выговская пустынь превратилась в «оазис древнего благочестия» [45]. Старообрядцы, ориентируясь на традиционное иконописание, органично воспринимали отдельные черты строгановской иконы, столичного искусства и барокко. Их произведения отличались тщательной проработкой и утончённостью (фото 6).

По мере открытий реставраторов возникают новые аспекты изучения иконописи Русского Севера. Например,

выявление особенностей структуры иконографического состава иконописного фонда храмов отдельных ареалов, а также эволюция иконографии святых. Интересную особенность композиции иконостасов сельских храмов Обонежья и Поморья выявил В.Г. Платонов. В иконостасах слабо представлены были образы северных святых, а в местном ряду не всегда находился образ Спаса Вседержителя. Основное место занимали иконы особо почитаемых угодников Божиих: Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, пророка Илии. Возможно, «народная религиозная культура была очень консервативна в устройстве местного ряда и с трудом допускала изменения в его составе» [46]. Данная особенность

присуща не только храмам Карелии. Интерес к подвижникам Русского Севера в иконописи Карелии получил развитие к концу XVII в., но редкими были иконы, где святые изображались на фоне основанных ими обителей [16, с. 81]. В Пошехонье, напротив, распространялись изображения святых с панорамой монастырей (фото 7). Правда, образы святых в XVII–XVIII вв. уже воспринимаются порой не как сосуд Божьей благодати, а как пример земного благочестия [47].

Проблемы, связанные с так называемой народной иконой и примитивом в иконописи Нового времени, освещены в работах Н.И. Комашко, И.Л. Бусевой-Давы-

довой, М.М. Красилина, Е.В. Гладышевой, В.Д. Королюка и др. Следует заметить, что термин «народная икона» определяется по-разному. В иконах, созданных мастерами из крестьян, сочетается, казалось бы, несочетаемое: традиционная иконографическая схема и усложнение композиции, сохранение старинной техники иконописания и заимствование приёмов из западноевропейской живописи, формальное следование иконописному канону и влияние «фрязи» в трактовке образа. Значительную роль в формировании образного строя иконописи Карелии сыграло народное искусство, фундамент которого составили языческие верования [48].

Фото 6. «Святой праведный Иов». Конец XVIII – начало XIX в. Выго-Лексинское общежитие. Музей изобразительных искусств республики Карелия

Фото 7. «Преподобный Кирилл Белозерский в молении, с видом монастыря». Середина – вторая половина XVIII в. из Благовещенской церкви с. Едома (Вологодская область). Череповецкое музейное объединение

В целом, иконописцы Нового времени воспевают красоту Богом сотворённого мира, но эти черты предвосхищают особенности, характерные для светской живописи, объектом изображения которой является чувственно воспринимаемый мир. Иконописный образ всё более наделяется чертами, хотя и по-своему возвышенными, но присущими мирскому пониманию Божественной красоты (фото 8).

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к поздней иконописи. Особое место в ней принадлежит наследию Русского Севера.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Основываясь на трудах учёных, посвящённых изучению северной иконописи XVII–XVIII вв., можно сделать следующие выводы:

- иконописание на Русском Севере развивалось в общем русле культуры Руси, однако существенные изменения в нём происходят несколько позднее, примерно во второй половине – конце XVII в.
- перемены в иконописании связаны, в первую очередь, с процессами, которые происходили в духовной сфере общества; в некоторых северных

Фото 8. «Воскресение Христова». Конец XVIII в.
Церковь Иоанна Богослова, г. Череповец
(Вологодская область)

регионах на иконопись повлияло народное декоративно-прикладное искусство, тесно связанное с языческими традициями;

— северная икона XVII–XVIII вв. — явление яркое, неоднородное, в ней про-

смаатриваются разнообразные тенденции и стилистические направления, отражается взаимное влияние различных художественных центров и, казалось бы, сочетание несочетаемого;

— изменения в иконописании отражаются в стилистике произведений, усложнении композиций, разработке ряда новых иконографических изводов, применении новых приёмов и живописных технологий;

— региональное своеобразие художественных центров Русского Севера проявляется в особенностях построения композиций иконостасов, иконографических приоритетах, особенностях структуры иконописного фонда монастырей и храмов.

Кроме того, в наши дни много говорится о духовном возрождении России. Если обратиться к классической философско-богословской триаде: Истина — Благо — Красота, именно Красота сегодня первостепенна и является тем мостиком, что может соединить человека с Богом. Бог и есть истинная Красота [49, с. 84].

Научные исследования последних лет заставляют по-новому взглянуть на процесс развития иконописания, однако обобщающие труды, посвящённые иконописному наследию Русского Севера, в настоящее время отсутствуют.

В свете обзора историографии по изучаемой теме представляется важным выделить следующие аспекты дальнейших исследований:

— уточнение исторических и географических границ регионов, субрегионов и ареалов Русского Севера;

— историко-статистический обзор процесса формирования иконописного фонда регионов Русского Севера;

— сравнительно-стилистический анализ иконописи регионов и субрегионов Русского Севера с произведениями соседних регионов Руси;

— изучение проблемы типологии и классификации произведений;

— углубление исследования факторов, повлиявших на формирование иконописной традиции Русского Севера;

— конкретизация иконографического состава и приоритетов иконописного наследию Русского Севера;

— дальнейшее выявление источников и введение их в научный оборот, изучение немусейных коллекций;

— разрешение вопроса о роли странствующих мастеров-изографов, привозных и вкладных икон.

Содержание истории русского искусства обогащается новыми данными в процессе исследования наследия вновь открытых ареалов художественной культуры. Иконописное наследие северных регионов Руси — составная часть российской художественной культуры, европейской культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армеева Л.А. Творчество иконописца Ивана Матвеевича Малышева в контексте возрождения традиционного иконописания / Богослов Ру. URL: <https://bogoslav.ru/article/2489669> (дата обращения: 22.05.21).
2. Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. Три очерка о русской иконе. Paris: YMCA-PRESS, 1965.
3. Веденин Ю.А., Гудима Т.М., Шульгин П.М. Концептуальные положения формирования государственной целевой программы «Культура Русского Севера» // Наследие и современность. Информационный сборник. М., 2004. Вып. 12. С. 22–40.
4. Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург: УрО РАН, 2010.
5. Писцовые книги Верхнего Заволжья / Сост. М.Ю. Зинченко, В.Ю. Беликов, Н.П. Воскобойникова, Г.А. Иванова, А.В. Кадик. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
6. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трёх книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1.
7. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева / Авт.-сост. И.И. Шангина. СПб.: Деловая полиграфия, 2004.
8. Ровинский Д.А. Обзор иконописания в России до конца XVII века. СПб.: Тип. II Отд.-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1856.
9. Лазарев В.Н. Искусство Новгорода. М.; Л.: Искусство, 1947.
10. Смирнова Э.С. Живопись Обонежья. М.: Наука, 1967.
11. Реформатская М.А. Северные письма. М.: Искусство, 1968.
12. Кольцова Т.М. Становление и развитие художественных центров в конце XVI–XVIII веках: иконопись Архангельского края: Автореферат дис. ... докт. искусств.: 17.00.04 / Татьяна Михайловна Кольцова; Гос. ин-т искусствознания. М., 2009.
13. Рыбаков А.А. Вологодская икона: Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М.: Галарт, 1995.
14. Галунова С.Н. Иконописное наследие Череповецкого края конца XIV – начала XX в. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2019.
15. Платонов В.Г. Художественное наследие Карелии. Древняя иконопись Обонежья и Западного Беломорья. Петрозаводск: Версо, 2018.

16. Никулина Е.Е. Стилиевые особенности иконописи Карелии второй половины XVII – середины XVIII в.: по материалам коллекции Музея изобразительных искусств Республики Карелия: дис. ... канд. искусств.; 17.00.04 / Елена Евгеньевна Никулина. СПб., 2014.
17. Платонов В.Г. Типология центров иконописания в Обонежье XVII–XIX вв. (к вопросу об организации иконописного дела на Русском Севере) // Рябининские чтения – 2007 / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. С. 185–187.
18. Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили. СПб.: Наука, 1998.
19. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев: Христиан.-благотвор. ассоц. «Путь к истине», 1991.
20. Башилов Б. История русского масонства. М.: Энцикл. рус. цивилизации, 2003.
21. Осипов А.И. Куда идёт Христианство / Православие. Ру. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/5866.htm> (дата обращения: 20.04.21).
22. Боровская Н. Древнерусская икона как культурно-исторический феномен // Научно-культурологический журнал, № 4 [382], 01.04.2021 URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=6552&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 22.05.21).
23. Зинов, Архимандрит. Беседы иконописца. СПб.: Библиополис, 2017.
24. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. М.: Паломникъ, 2001.
25. Армеева Л.А. Кризис традиционного иконописания в России в начале XVIII столетия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2011. № 3(57). С. 41–44.
26. Михайловский Б.В., Пуришев Б.И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.; Л.: Искусство, 1941.
27. Угринович Д.М. Искусство и религия: Теоретический очерк. М.: Изд-во политической литературы, 1982.
28. Флоренский П.А. Иконостас / Библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html> (дата обращения: 24.04.21).
29. Давыдова И.Л. Россия XVII века: Культура и искусство в эпоху перемен / Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств Рос. акад. художеств. М., 2005. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002900814/ (дата обращения: 25.04.21).
30. Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М.: Индрик, 2008.
31. Осипов А.И. Дух творит себе формы (Калужская митрополия, 2018.09.23) // Осипов Алексей Ильич. Официальный сайт. URL: <https://alexey-osipov.ru/video/o-dukhovnoj-zhizni/dukh-tvorit-sebe-formy-kaluzhskaya-mitropoliya-2018-09-23/> (дата обращения: 25.04.21).
32. Яковлева Н.А. Православная икона: благодать и феномен. К вопросу о возрождении иконописания в современной России // Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера: Сборник статей. Вологда: Арника, 2011. С. 99–116.
33. Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань: Иван Дубровин, 1859.
34. Афетов Л.В. Исторический очерк бывшего Череповецкого Воскресенского монастыря и его владений. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2010.
35. Панченко А.М. Россия в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984.
36. Вениамин, Архиепископ. Житие преподобного Серафима Саровского чудотворца. Париж, 1935. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/vsemirnyj-svetilnik-prerodobnyj-serafim-sarovskij/ (дата обращения: 25.04.21).

37. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.
38. Сукина Л.Б. «С кабаком и скоморохами»: девиантное поведение русского человека XVI–XVII вв. в церкви и во время религиозных праздников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 3. С. 72–81.
39. Красилин М.М. Иконопись и декоративно-прикладное искусство. Русская икона в XVIII – начале XX в. // Духовная среда России. Певческие книги и иконы XVII – начала XX века. М.: Вереск, 1996. С. 83–169.
40. Барсемян Т.В. Искусство и культура Верхней Волги северо-запада Тверских земель: Автореф. дис. ... докт. искусств.: 17.00.04 / Тамара Васильевна Барсемян. Моск. гос. худож.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова, 2002.
41. Орфинский В.П. Деревянное храмоустройство Русского Севера в контексте традиционной народной культуры // Рябининские чтения – 1999. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/223.html> (дата обращения: 20.05.21).
42. Вздорнов Г.И. Вологда. Л.: Аврора, 1972.
43. Бочаров Г. О некоторых направлениях в иконописи XVIII–XIX веков // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия: Сборник статей / Ред.-сост. М.М. Красилин. М.: ГосНИИР, 2001. С. 8–16.
44. Кольцова Т.М. Иконы Соловецкого монастыря // Третьяковская галерея. 2006. № 3 (12). С. 34–41.
45. Юхименко Е.М. «Очень важен живой, непосредственный контакт исследователя с объектом своих научных интересов» // Русская вера. 22.10.2019. URL: https://ruvera.ru/articles/juhimenko_interviu (дата обращения: 19.05.21).
46. Платонов В.Г. Роль народной религиозной культуры в формировании местного ряда иконостасов в храмах Карелии XVII–XVIII веков // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 19–28.
47. Сукина Л.Б. Иконы русских святых и рецепция феномена святости в культуре XVI–XVII вв. // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской учёной архивной комиссии (Витебск, 25–27 апреля 2019 г.). Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. С. 177–179.
48. Никулина Е.Е. Особенности влияния декоративно-прикладного искусства на иконопись Карелии XVII–XVIII веков // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2019. Вып. 35. С. 48–60.
49. Армеева Л.А. Основные тенденции развития современного церковного искусства (1990–2020) // Искусство и образование. 2021. № 2 (130). С. 81–90.

ENGLISH

Icon Painting Heritage of the Russian North of the 17th and 18th Centuries: The Relationship Between the Spiritual State of Society and the Artistic Evolution of Icon Painting (Main Approaches and Prospects for Scientific Research)

Svetlana N. Galunova – Candidate of Science (Arts), Associate Professor of the Department of Professional and technology education of the Cherepovets State University, head of the project “Icon Painting Heritage of the Russian North of the 17th and 18th Centuries: The Relationship Between the Spiritual State of Society and the Artistic Evolution of Icon Painting (Main Approaches and Prospects for Scientific Research)” (20-112-50069).
E-mail: sng2052@yandex.ru

The article examines the main problems associated with the study of the iconographic heritage of the Russian North in the 17th and 18th centuries, and traces the relationship between the spiritual state of society and the artistic evolution of icon painting in the transitional period of Russian history from the Middle Ages to the New Age. The development of icon painting in the Russian North is unique due to a number of factors. The artistic evolution of icon painting is a continuous, constant process, but while it proceeded quite smoothly and slowly from the 14th–16th centuries, then in the 17th and 18th centuries innovations in icon painting spread rapidly. From around the second half of the 17th century in the works of northern icon painting, new tendencies began to appear that require careful study. Recent scientific research allows us to reveal the specifics of the icon painting, tradition not only of regions and sub-regions, but also of local centers of artistic culture of the Russian North, and makes us take a fresh look at the process of development of icon painting.

Keywords: the Russian North, iconographic heritage, iconography, the spiritual state of society, secularization of Christian consciousness, artistic evolution

REFERENCES

- Armeeva L.A. Tvorchestvo ikonopisca Ivana Matveevicha Malysheva v kontekste vozrozhdeniya tradicionnogo ikonopisaniya / Bogoslov Ru. URL: <https://bogoslav.ru/article/2489669> (data obrashcheniya: 21.04.21) (in Russian).
- Trubeckoj E.N. Umozrenie v kraskah. Tri ocherka o russkoj ikone. Paris: YMCA-PRESS, 1965. 168 s. (in Russian).
- Vedenin YU.A., Gudima T.M., SHul'gin P.M. Konceptual'nye polozheniya formirovaniya gosudarstvennoj celevoj programmy "Kul'tura Russkogo Severa" // Nasledie i sovremennost'. Informacionnyj sbornik. Moscow, 2004. Vyp. 12. S. 22–40 (in Russian).
- Permilovskaya A.B. Russkij Sever kak osobaya territoriya naslediya. Arhangel'sk: OAO IPP Pravda Severa; Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. 552 s. (in Russian).
- Piscovyje knigi Verhnego Zavolzh'ya / Sost. Zinchenko M.YU., Belikov V.YU., Voskobojnikova N.P., Ivanova G.A., Kadik A.V. Moscow, 2010. 448 s. (in Russian).
- Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij v trekh knigah. Moscow: Mysl', 1993. Kn. 1. 592 s. (in Russian).
- Russkie krest'yane. ZHizn'. Byt. Nruvy: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V.N. Tenisheva / avt.-sost. I.I. SHangina. St. Petersburg: Delovaya poligrafiya, 2004 (in Russian).
- Rovinskij D.A. Obozrenie ikonopisaniya v Rossii do konca XVII veka. St. Petersburg: Tip. II Otd-niya sobstv. e. i. v. kancelyarii, 1856. 196 s. (in Russian).
- Lazarev V.N. Iskusstvo Novgoroda. Moscow, Leningrad: Iskusstvo, 1947. 180 s. (in Russian).
- Smirnova E.S. ZHivopis' Obonezh'ya. Moscow: Nauka, 1967. 188 s. (in Russian).
- Reformatskaya M.A. Severnye pis'ma. Moscow: Iskusstvo, 1968. 45 s. (in Russian).
- Kol'cova T.M. Stanovlenie i razvitie hudozhestvennyh centrov v konce XVI–XVIII vekah: ikonopis' Arhangel'skogo kraja: avtoreferat dis. ... dokt. iskusstvov.: 17.00.04 / Tat'yana Mihajlovna Kol'cova; Gos. in-t iskusstvoznaniya. Moscow, 2009. 45 s. (in Russian).
- Rybakov A.A. Vologodskaya ikona: Centry hudozhestvennoj kul'tury zemli Vologodskoj XIII–XVIII vekov. Moscow: Galart, 1995. 484 s. (in Russian).
- Galunova S.N. Ikonopisnoe nasledie CHerepoveckogo kraja konca XIV – nachala XX vekov. CHerepovec: CHerepoveckij gosudarstvennyj universitet, 2019. 346 s. (in Russian).
- Platonov V.G. Hudozhestvennoe nasledie Karelii. Drevnyaya ikonopis' Obonezh'ya i Zapadnogo Belomor'ya. Petrozavodsk: Verso, 2018. 125 s. (in Russian).
- Nikulina E.E. Stilevye osobennosti ikonopisi Karelii vtoroj poloviny XVII – serediny XVIII vekov: po materialam kollekcii Muzeya izobrazitel'nyh iskusstv Respubliki Kareliya: dis. kand. iskusstv.; 17.00.04 / Elena Evgen'evna Nikulina. St. Petersburg, 2014. 179 s. (in Russian).
- Platonov V.G. Tipologiya centrov ikonopisaniya v Obonezh'e XVII–XIX vv. (k voprosu ob organizacii ikonopisnogo dela na Russkom Severe) // Ryabininskie chteniya – 2007 / Otv. red. T.G. Ivanova. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2007. S. 185–187 (in Russian).
- Lihachev D.S. Razvitie Russkoj literatury X–XVII vekov: epohi i stili. St. Petersburg, Nauka, 1998. 204 s. (in Russian).
- Florovskij G.V. Puti russkogo bogosloviya. Kiev: Hristian.-blagotvor. assoc. "Put' k istine", 1991. 599 s. (in Russian).
- Bashilov B. Istoriya russkogo masonstva. Moscow: Encikl. rus. civilizacii, 2003. 640 s. (in Russian).
- Osipov A.I. Kuda idet Hristianstvo / Pravoslavie. Ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/5866.htm> (data obrashcheniya: 20.04.21) (in Russian).
- Borovskaya N. Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. № 4 [382], 01.04.2021. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=6552&level1=main&level2=articles> (data obrashcheniya: 22.05.21) (in Russian).
- Zinon, Arhimandrit. Besedy ikonopisca. St. Petersburg: Bibliopolis, 2017. 152 s. (in Russian).
- Uspenskij L.A. Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi. Moscow: Palomnik", 2001. 474 s. (in Russian).
- Armeeva L.A. Krizis tradicionnogo ikonopisaniya v Rossii v nachale XVIII-go stoletiya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2011. № 3(57). S. 41–44 (in Russian).
- Mihajlovskij B.V., Purishev B.I. Ocherki istorii drevnerusskoj monumental'noj zhivopisi so vtoroj poloviny XIV v. do nachala XVIII v. Moscow, Leningrad: Iskusstvo, 1941. 280 s. (in Russian).
- Ugrinovich D.M. Iskusstvo i religiya: Teoreticheskij ocherk. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1982. 287 s. (in Russian).
- Florenskij P. A. Ikonostas / Biblioteka "Vekhi". URL: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html> (data obrashcheniya: 20.05.21) (in Russian).
- Davydova I.L. Rossiya XVII veka: Kul'tura i iskusstvo v epohu 17.00.04 / Nauch.-issled. in-t teorii i istorii izobrazit. iskusstv Ros. akad. hudozhestv. Moscow, 2005. 48 s. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002900814/ (data obrashcheniya: 22.05.21). (in Russian).
- Buseva-Davydova I.L. Kul'tura i iskusstvo v epohu peremen. Rossiya semnadcatogo stoletiya. Moscow: Indrik, 2008. 364 s. (in Russian).
- Osipov A.I. Duh tvorit sebe formy (Kaluzhskaya mitropoliya, 2018.09.23) // Osipov Aleksej Il'i. Oficial'nyj sajt. URL: <https://alexey-osipov.ru/video/o-dukhnovnoj-zhizni/dukh-tvorit-sebe-formy-kaluzhskaya-mitropoliya-2018-09-23/> (data obrashcheniya: 22.05.21) (in Russian).
- Yakovleva N.A. Pravoslavnaya ikona: blagodat' i fenomen. K voprosu o vozrozhdenii ikonopisaniya v sovremennoj Rossii // Restavraciya i issledovanie pamyatnikov kul'tury Russkogo Severa: sb. statej. Vologda: Arnika, 2011. S. 99–116 (in Russian).
- Shchapov A.P. Russkij raskol staroobryadchestva, rassmatrivaemyj v svyazi s vnutrennim sostoyaniem russkoj cerkvi i grazhdanstvennosti v XVII veke i v pervoj polovine XVIII. Kazan': Ivan Dubrovin, 1859. 547 s. (in Russian).
- Afetov L.V. Istoricheskij ocherk byvshego CHerepoveckogo Voskresenskogo monastyrja i ego vladenij, CHerepovec: CHerepoveckoe muzejnoe ob"edinenie, 2010. 479 s. (in Russian).
- Panchenko A.M. Rossiya v kanun Petrovskih reform. Leningrad: Nauka, Leningr. otdelenie, 1984. 205 s. (in Russian).

36. Veniamin, Arhiepiskop. Zhitie prepodobnogo Serafima Sarovskogo chudotvorca. Parizh, 1935. 80 s. https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/vsemirnyj-svetilnik-prepodobnyj-serafim-sarovskij/ (data obrashcheniya: 18.05.21) (in Russian).
37. Veselovskij S.B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev. Moscow: Nauka, 1969. 582 s. (in Russian).
38. Sukina L.B. "S kabakom i skomorohami": deviantnoe povedenie russkogo cheloveka XVI–XVII vv. v cerkvi i vo vremya religioznyh prazdnikov // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii, 2008. № 3. S. 72–81 (in Russian).
39. Krasilin M.M. Ikonopis' i dekorativno-prikladnoe iskusstvo. Russkaya ikona v XVIII – nachale XX vekov // Duhovnaya sreda Rossii. Pevcheskie knigi i ikony XVII – nachala XX vekov. Moscow: Veresk, 1996. S. 83–169 (in Russian).
40. Barsegyan T.V. Iskusstvo i kul'tura Verhnej Volgi severo-zapada Tverskih zemel': avtoref. dis. dokt. iskusstv. Moscow: Mosk. gos. hudozh.-prom. un-t im. S.G. Stroganova, 2002. 41 s. (in Russian).
41. Orfinskij V.P. Derevyannoe hramostroitel'stvo Rossijskogo Severa v kontekste tradicionnoj narodnoj kul'tury / Ryabininskie chteniya – 1999. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/223.html> (data obrashcheniya: 27.05.21) (in Russian).
42. Vzdornov G.I. Vologda. Leningrad: Avror, 1972. 131 s. (in Russian).
43. Bocharov G. O nekotoryh napravleniyah v ikonopisi XVIII–XIX vekov // Russkaya pozdnyaya ikona ot XVII do nachala XX stoletiya: Sb. statej / red.-sost. M.M. Krasilin. Moscow: GosNIIR, 2001. S. 8–16 (in Russian).
44. Kol'cova T.M. Ikony Soloveckogo monastyrya // Tret'yakovskaya galereya, 2006. № 3(12). S. 34–41 (in Russian).
45. YUhimenko E.M. "Ochen' vazhen zhivoj, neposredstvennyj kontakt issledovatelya s ob'ektom svoih nauchnyh interesov" // Russkaya vera. 22.10.2019. https://ruvera.ru/articles/juhimenko_interviu (data obrashcheniya: 22.05.21) (in Russian).
46. Platonov V.G. Rol' narodnoj religioznoj kul'tury v formirovanii mestnogo ryada ikonostasov v hramah Karelii XVII–XVIII vekov // Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN. 2011. № 6. S. 19–28 (in Russian).
47. Sukina L.B. Ikony russkih svyatyh i recepciya fenomena svyatosti v kul'ture XVI–XVII vv. // Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. k 110-letiyu Vitebskoj uchenoj arhivnoj komissii, Vitebsk, 25–27 aprelya 2019 g. Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 2019. S. 177–179 (in Russian).
48. Nikulina E.E. Osobennosti vliyaniya dekorativno-prikladnogo iskusstva na ikonopis' Karelii XVII–XVIII vekov // Vestnik PSTGU. Seriya V: Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva. 2019. Vyp. 35. S. 48–60 (in Russian).
49. Armeeva L.A. Osnovnye tendencii razvitiya sovremennogo cerkovnogo iskusstva (1990–2020) // Iskusstvo i obrazovanie. 2021. № 2(130). S. 81–90 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 904
ГРНТИ 03.04.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-137-153

Л.А. БЕЛЯЕВ*

Работы Иерихонской археологической экспедиции: 2019–2021 годы

В статье представлены главные результаты раскопок экспедиции Института археологии РАН в 2019–2021 гг. Экспедиция работает на участке Музейно-паркового комплекса Российской Федерации с 2010 г. Первые этапы работ полностью отражены в монографии 2016 г. [1]. Новый этап позволил отказаться от представления об участке как однослойном памятнике византийского периода. Это сложный объект, в котором византийский и исламский периоды занимают примерно равное место. Соответственно они представлены на двух соседних участках. Первый — христианский архитектурный комплекс VI–VII вв. с церковью, цветными мозаиками и каменными колоннадами. Он существовал до середины VIII в. Одновременно рядом с ним возник индустриальный район с быстро сменяющимися друг друга горнами для обжига керамики и печами для плавки железной руды. Это производство существовало и в эпоху раннего ислама. В эпоху Аббасидов участок не был заселён, но в эпоху мамлюков на нём продолжилась активная жизнь. Архитектурные фрагменты, монеты и отчасти керамика позволяют ожидать в нижних слоях находок эпохи позднего Рима, IV в.

Ключевые слова: Византийская археология, исламский период, керамическое производство, нумизматика, христианская архитектура, мозаика

С тех пор как совместная российско-палестинская экспедиция начала раскопки в центральной части современного Иерихона, прошло десять лет. За это время удалось обработать первые (2010–2013 гг.) результаты, издав в 2016 г. фундаментальную монографию [1]. Тем временем на террито-

рии Музейно-Паркового комплекса РФ (МПК РФ, в прошлом — Иоасафовский участок), где ведутся эти работы, была сформирована археологическая экспозиция под открытым небом: раскоп накрыт шатром для защиты от солнца и дождя, построены конструкция для обхода и спуска, а также археологическая

* **Беляев Леонид Андреевич** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом Института археологии РАН, руководитель проекта «Русская археология в Святой Земле: история исследований, современное состояние и дальнейшее развитие» (18-09-40075).
E-mail: labeliaev@bk.ru

лаборатория. В 2014–2018 гг. в раскопе шли небольшие работы по сопровождению строительства. В 2019 г. возобновились полномасштабные раскопки, продолженные в 2020 г.

Специальный участок для базового раскопа был выделен ещё при строительстве (2010 г.), и с момента открытия МПК РФ (2011 г.) все работы ведутся исключительно на нём. Объём раскритий 2019–2020 гг. меньше, чем в 2010–2013 гг. В основном это выборка ям, зачистки, разборка слоя глубиной до 0,5 м. Тем не менее эти работы обещают расширить и скорректировать представления об истории Иерихона в I–II тыс. н.э., те хронологию, планиграфию и атрибуцию объектов, которые в грубых контурах сформировались в первые годы работ, и открыть новые перспективы исследований.

Опишем кратко исходную ситуацию, сложившуюся к 2019 г. на раскопе. В плане он образован тремя смежными прямоугольниками (общая площадь более 431 м², диагональ до 40 м, ширина 15–18 м). Раскопки здесь были начаты с северной части, с места работ XIX в. (2010 г., P.2, или B). В 2011 г. юго-западнее разбили новый квадрат (P.5, или E). Их разделял обходной мост, который убрали в 2017 г., соединив участки промежуточным раскопом. Два исходных раскопа удачно совпали с двумя комплексами совершенно разными в конструктивном и функциональном отношении. Северный раскоп захватил край монументального сооружения, вероятно монастырского, с полихромными мозаичными полами и кладками из тесаных камней, а южный – участок обширной производственной зоны. Хронологически они близки, но не синхронны: южную зону стали активно осваивать позднее, чем северную.

К этому выводу экспедиция пришла не сразу: изначально полагали, что памятник византийский, однослойный, что его жизнь оборвалась с приходом мусуль-

ман, а собранные в слоях пожара и разрушения церковные вещи указывают на насильственную гибель здания в VII в.

Теперь ясно, что надо говорить о двух практически равноправных по наполненности материалом горизонтах. Верхний сформирован в мамлюкский период, его слой мощный и достигает в южной части 1,0 м (примерно треть всех отложений). Сооружений здесь много, но они скромны: дворовые печи-тандыры; хозяйственные ямы; фундаменты (шириной 0,5–1,0 м) из не крупного валуна или тесаных блоков во вторичном использовании, вероятно, для сырцовых стен. Датируется слой чётко, по монетам (их количество среди всех монет мусульманских правителей сейчас близко 90%) и характерной керамике с поливой и росписью [2, с. 464–465; 3, с. 97–100] (рис. 3).

Нижний слой соотносим с концом византийской эпохи и переходным временем правления Омейядов, граница между которыми размыта, особенно в производственной южной зоне. Здесь производственные горны непрерывно работали в VI–VII вв. и позднее, так что жизнь на участке прервалась не в результате арабского завоевания, а с середины VIII в., возможно, из-за землетрясения 749 года. [3, с. 107]. Всё это время горны активно сменяли друг друга, причём кроме гончарного производства на участке шли работы по выплавке чёрного металла, и рядом с печами для обжига керамики выплавливали железо (доказано А.Н. Ворошиловым на основании сбора кричного материала и шлаков) (рис. 4).

Важно, что хронология продлена не только в более поздние эпохи, но и в предшествующую. Последний пол монументального здания византийской эпохи по отметкам более чем на метр превосходит слои верхних печей гончарной мастерской. То есть печи, будучи позже полов на столетия, лежат существенно ниже (рис. 5). Объясняется это, видимо, тем, что монументальное здание «выросло» над окружающей

Рис. 1. Вид раскопа на участке Музейно-Паркового комплекса РФ в Иерихоне: а — вид на раскоп и музей, 2017 г.; б — защитный шатёр над раскопом, вид с юго-востока, 2019 г.; в — вид раскопа с обходного моста, с запада, 2020 г.

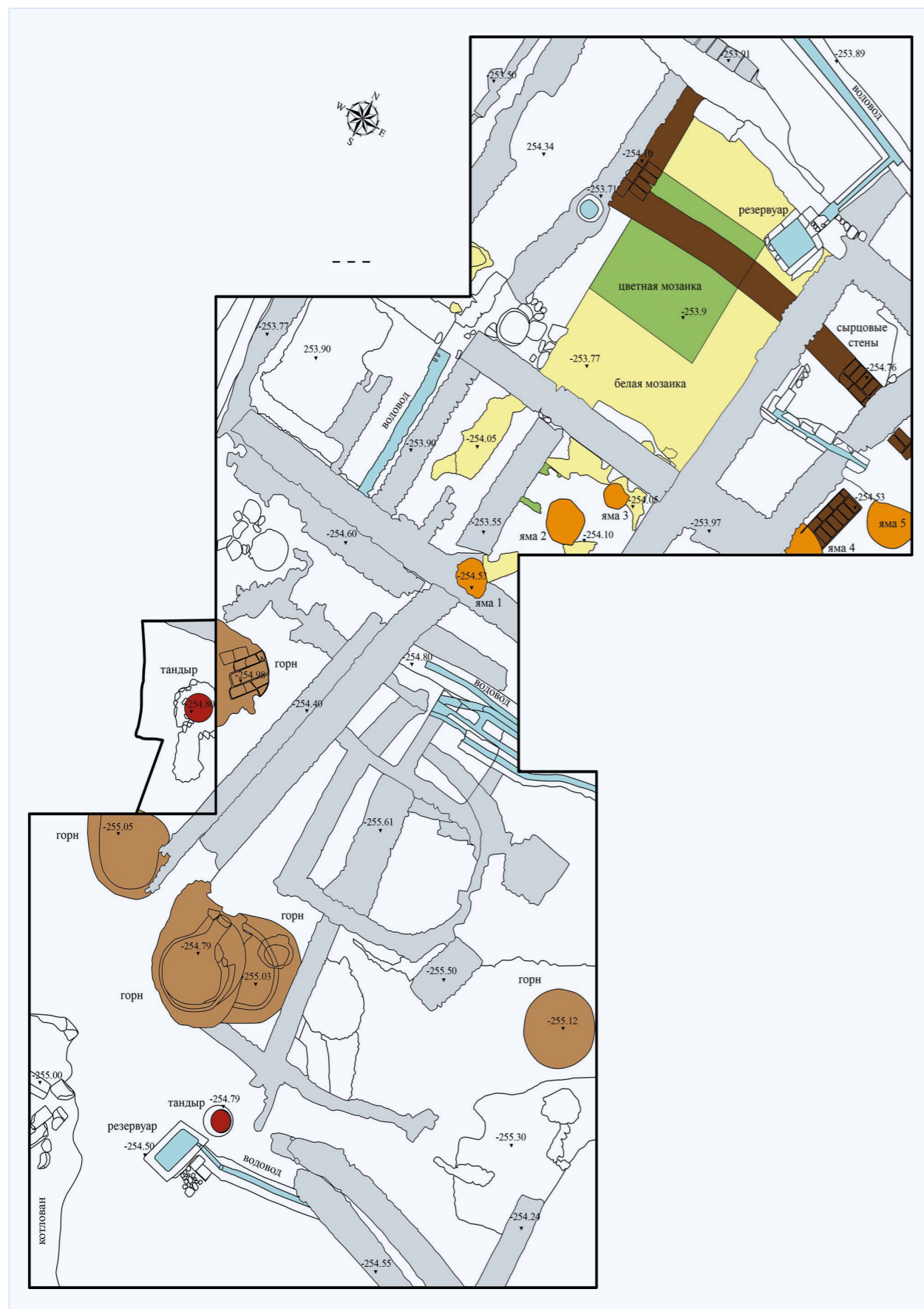

Рис. 2. Раскоп Иерихонской экспедиции ИА РАН по состоянию на 2021 г. Схематический план

Рис. 3. Исламский период. Фрагменты керамики: а — чаша (Fine Byzantine Ware, форма 1А по Дж. Магнесс, сер. VI – кон. VII / нач. VIII в.); б, в — расписная мамлюкская керамика, XIII–XIV вв. (б — закрытый лепной сосуд); г, д — «сирийская глазурованная кашинная посуда с подглазурной росписью», втор. пол. XII–XIV в.; е — поливной сосуд с отгиснутым в форме орнаментом, XIII–XIV вв.

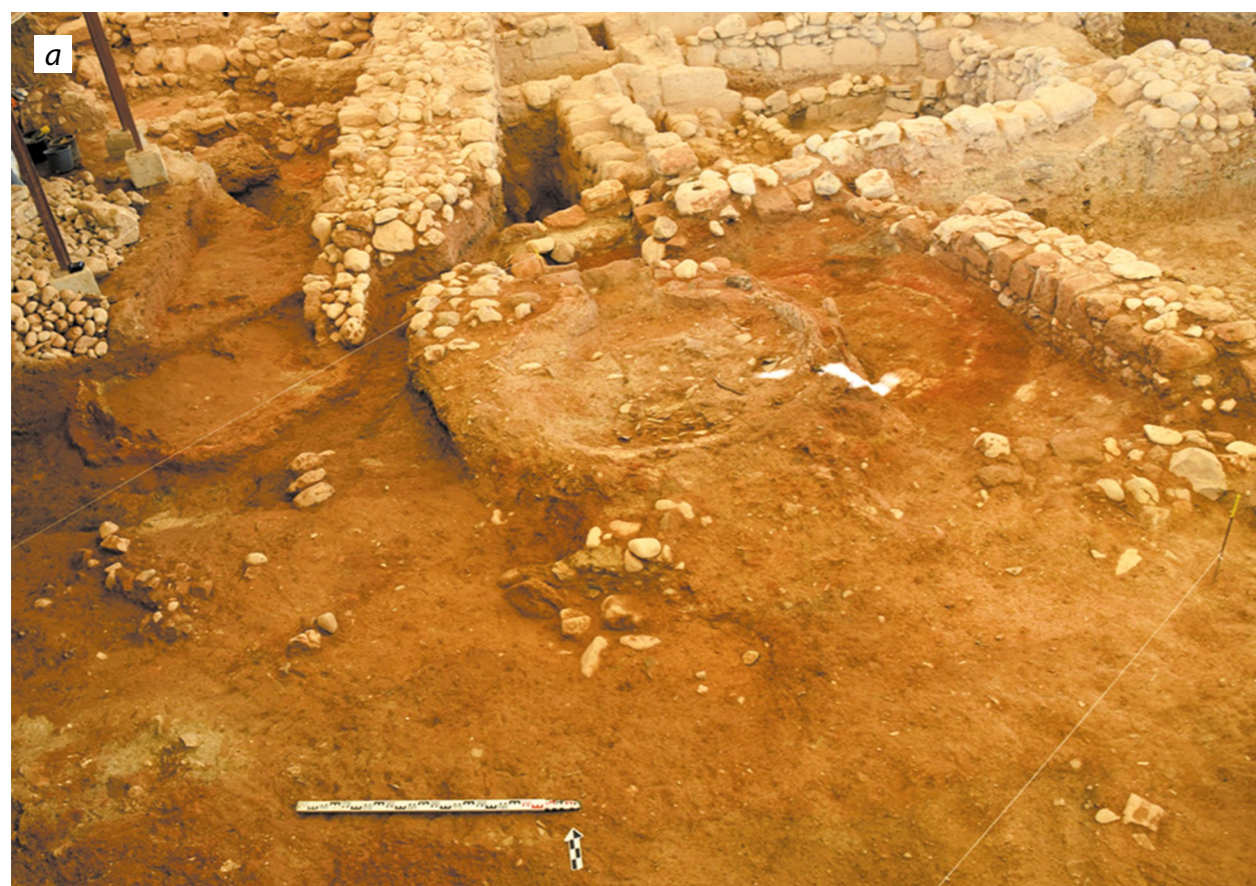

Рис. 4. Группа сменявших друг друга горнов для обжига керамики:
а — вид с юга; б — вид с севера, с приближением

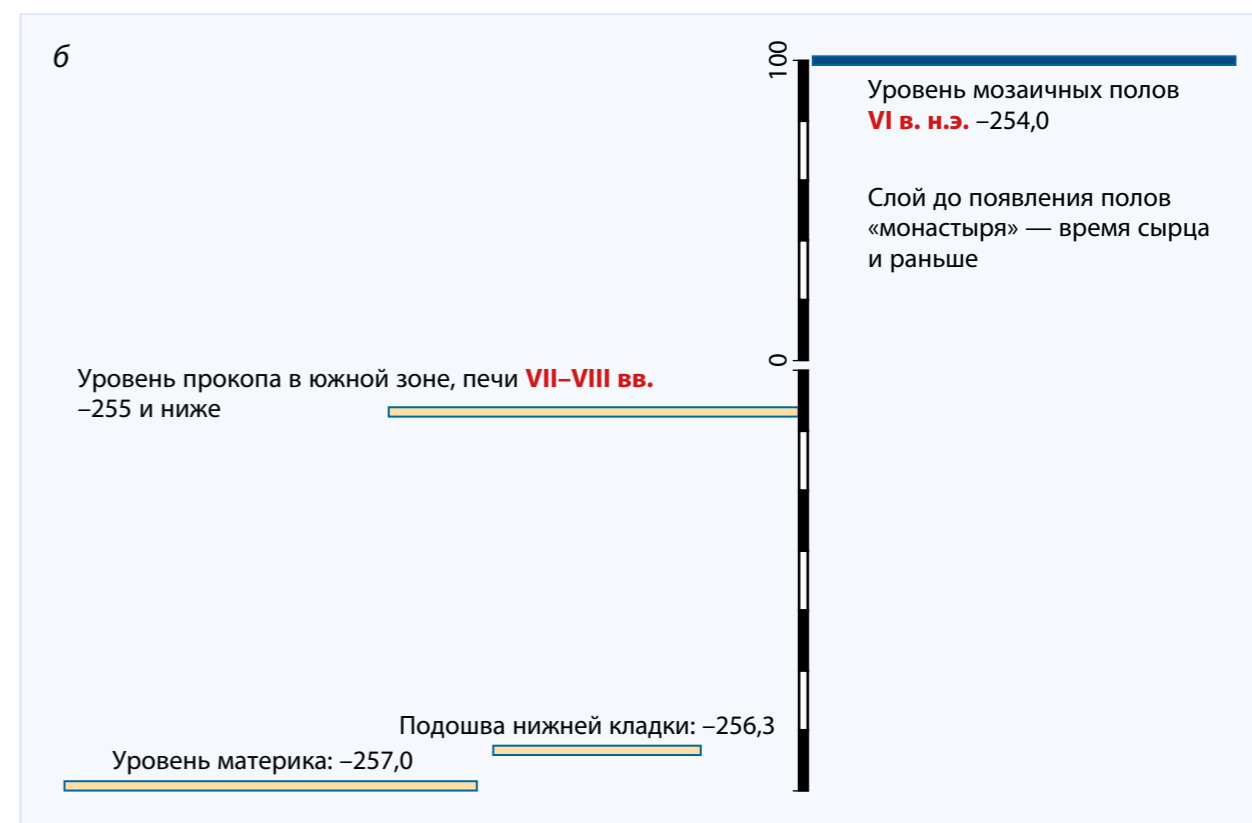
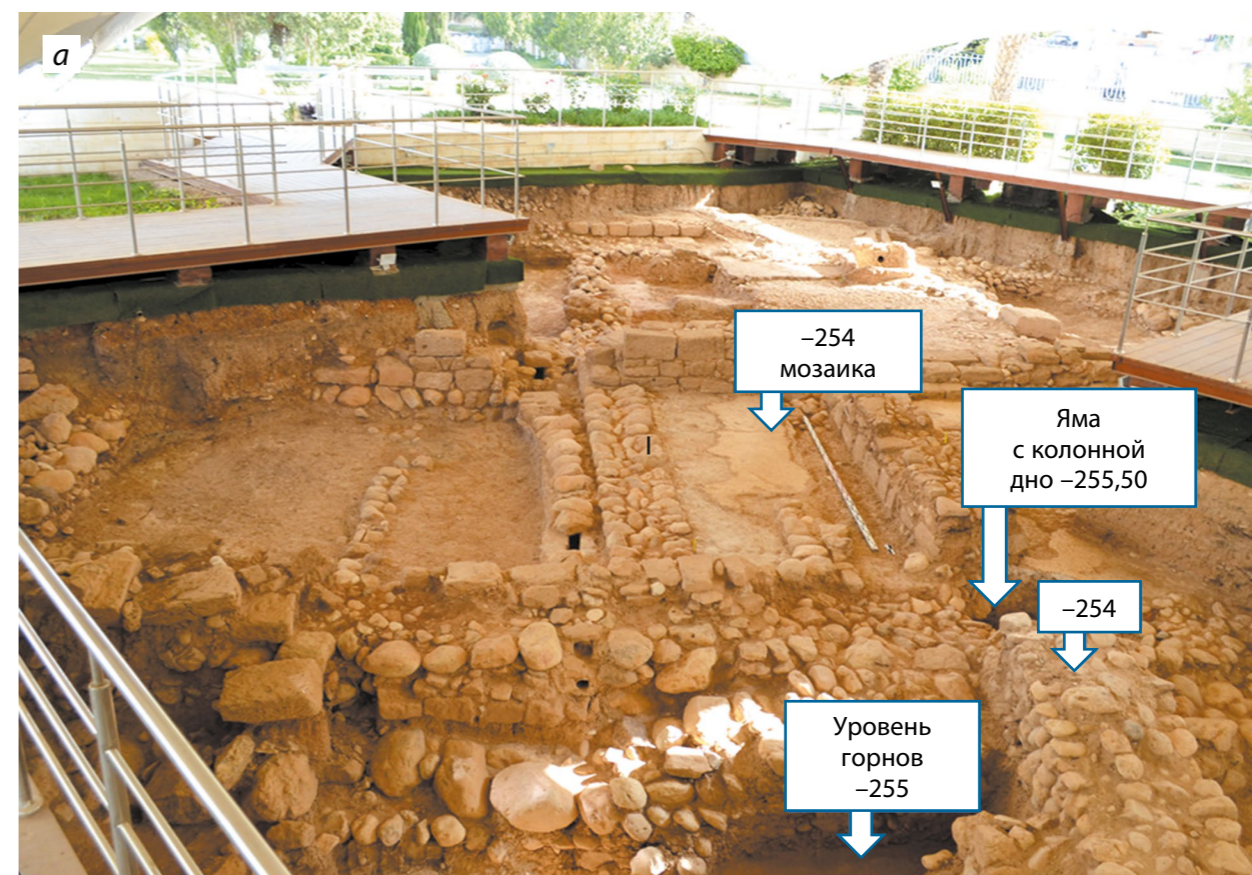

Рис. 5. Соотношение объектов раскопа по высоте: а — фотография северной части с указанием высот, вид с юга; б — схема высотных отметок

Рис. 6. Яма № 1: а — вид на уровне обнаружения находок; б — база колонны на дне ямы

лежит существенно ниже, причём он иной и в архитектурном отношении.

Помогло в этом изучение небольшого фрагмента внешней южной стены монументального здания, отделяющего архитектурный комплекс от индустриальной зоны. От стены осталось мощное валунное основание, выглядящее монолитным. Но, как выяснилось, в его толще скрыта линия стены более ранней. Именно стены, а не фундамента. Это установлено при разборке одной из ям (яма № 1/2020), вырытой в прошлом на стыке южной стены и перегородки южной галереи, прямо в каменной кладке, следовательно — после окончательного разрушения здания. Обычно хозяйственные ямы роют, избегая кладок, ведь их разборка требует лишнего труда. Почему в данном случае она появилась в столь неудобном месте, стало ясно после выборки: на дне ямы обозначилась база колонны. Видимо, на ней стояла часть ствола, не полностью скрытая толщей валунов. Вероятно, в исламский (османский?) период её заметили охотники

за камнями, которые и разобрали часть кладки, чтобы извлечь ствол (рис. 6 и 7).

База колонны стояла *in situ* на двух тёсаных блоках-прямоугольниках, причём третий такой же блок уходил к западу. Это значит, что перед нами остаток стены с колоннами, видимо, первоначально отмечавшей южную границу монументального здания. Она неширокая, около 50 см (если считать, что ось проходит через центр базы). Со временем её затянул культурный слой или сознательно засыпали при возведении сплошной стены.

База колонны — простейшего типа, с двумя уступами без профилировки, небольшая: общая высота 0,25 м, диаметр

поверхностью, сформировав маленький «тель». Оно, предположительно, имеет субструкции или стоит на более ранних постройках. Здание неоднократно обновляли и перепланировали, что установлено давно: под комнатой с цветной мозаикой лежит сырцовая стена, и ей отвечают другие участки сырцовых кладок (см. рис. 2). В здании многократно обновляли полы, сносили одни разделительные стены и возводили новые. При этом все ремонтные поверхности отличались одна от другой не более чем на 30–40 см. Лишь в 2019 г. было убедительно доказано, что изначальный уровень монументального сооружения

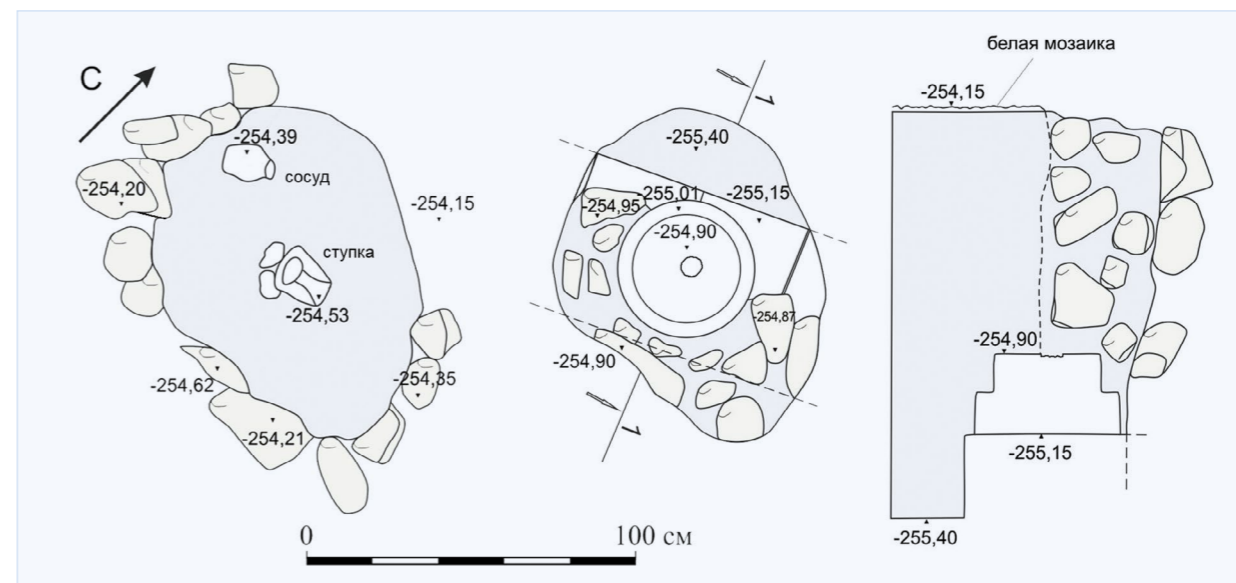

Рис. 7. Яма № 1: планы и разрез

нижней части — 0,44 м, верхней — 0,34 м (вероятно, таким же был диаметр колонны). Уступ проходит примерно по середине высоты. В центре небольшая лунка для соединения с барабаном. Обратившись к имеющимся данным о колоннах и капителях, найденных на участке ранее, можно обнаружить, что подходящих барабанов довольно много. Это камни высотой 30–32 см, с диаметром ствола 30/33–37 см и вырубками-гнездами по центру, обычно снизу и сверху [1, с. 284]. Из таких барабанов собирались не очень высокие колонны, развалы которых обнаруживают на памятниках довольно часто. К этим диаметрам близок диаметр оснований одной из двух капителей, обнаруженных на участке: 37 см, причём та и другая представляют упрощённые версии ионических капителей. В обобщающей статье о таких капителях их датируют от III/IV до VI в., ассоциируя с монастырями, небольшими провинциальными городами и сёлами [4, р. 84–125].

Следует добавить, что схожая конструкция — база, поставленная на два тёсаных камня, встречена в раскопе 4/2010 г. и также внутри булыжной забутовки, вероятно, более поздней. Обстоятельства работ не позволили разобрать

в ситуации детальнее. Что касается самой базы, то она гораздо больше и с развитой профилировкой [1, рис. 158]. В том, что на участке МПК были колоннады, сомневаться не приходится. Уже Я.И. Смирнов в дневнике раскопок 1891 г. упомянул множество стволов (в их числе не менее трёх мраморных) и барабанов. Описаны и включённые в кладки: «стена эта сложена из хорошо обтёсанных камней; в середине её стоит колонна на базе, заложенная в стену, что свидетельствует о позднейшем происхождении стены» (*курсив мой.* — Л.Б.), эта «колонна сложена из нетолстых барабанов» [5, с. 140–142], см. также ранее неизвестные записи [6]. Смирнов указал на сходство с маленькими частными домами, также имевшими колонны (со ссылкой на их недавнюю публикацию де Вогюэ по Сирии). Действительно, в Сиро-Палестинском регионе колонны из небольших барабанов — заурядное явление не только в общественной, но и в частной архитектуре домов и вилл, перечислить все случаи их обнаружения просто невозможно.

Опишем две важные находки, попавшие в яму после её выборки, при обратной засыпке тем же валуном и глиной. Один предмет принадлежит

Рис. 8. Мраморная капитель: а — из ямы на раскопе МПК РФ; б — из коллекции музея Антонина (Капустина); в — капитель и колонка алтарного престола (собрание музея Добрый Самаритянин)

византийскому периоду и служит новым аргументом в пользу интерпретации монументального здания как храма. Это остаток небольшой капители с растительным орнаментом в низком рельефе. Аналогичные изделия хорошо известны как завершения колонок престолов и темплов. Их отличает материал (как и в данном случае, это мрамор) и однотипный, часто чуть ориентальный, растительный орнамент (возможно, это продукция одной-двух мастерских, выпускавших в V–VII вв. алтарные столы). Среди вещей из Иерихона на фотографии конца XIX в. отчетливо виден схожий предмет [7, рис. 2]. Ещё одна, вполне сохранный капитель (обе иерихонские использованы вторично как ступки или подставы дверей и сохранились плохо) есть в коллекции архимандрита Антонина (Капустина). В полном виде ножку алтарного стола можно представить по экземпляру в музее «Добрый Самаритянин» (между

Иерусалимом и Иерихоном)¹, а высокие колонны для темплов — по находкам в Западной церкви Мамписиса, IV в. (?) ([8, Fig. 11: 189, 190]; о литургических элементах см.: [9, р. 219–236]) (рис. 8).

Вторая находка в яме не менее интересна. Это небольшой горшочек прекрасного обжига, из тонко отмученной красножгущейся глины и, возможно, с тёмно-красным ангобом. Тулово биконическое, высотой 15,0 см (диаметры: венчик — 9,1 см; наибольший у тулова — 13,2 см; поддон — 6,8 см). Под отогнутым наружу валиком венчика имеются два аккуратных отверстия, проделанных по сырому на одной оси (для подвешивания?); третье, ощутимо большего размера, внизу, в стенке придонной части. Очень похожие горшочки, но с вытянутым поддоном, напоминающим дно амфоры, в большом количестве собраны в Третьем дворце царя Ирода (I в. до н.э.), а также в Помпеях [10, с. 39–87; 11, с. 145–186].

¹ Благодарю Яну Чехановец за эту фотографию, а также за нижеследующую идентификацию сосуда для выращивания растений и помощь с подбором литературы.

Рис. 9. Горшочек с отверстиями для подвешивания и слива: а — общий вид; б — прорисовка

Их использовали в садах, в том числе (как недавно установлено) для карликовых деревьев. Такой горшочек могли принести из развалин дворца (до него 1,5–2,0 км), хотя само отождествление потребует дополнительной работы (рис. 9).

Есть ли ещё следы освоения участка в период более ранний, по крайней мере, поздний римский? Самая ранняя керамика, до сих пор обнаруженная на участке, принадлежит концу IV–V в. (определение: Л.А. Голофаст), так что в зоне гончарных горнов, где остаётся ещё около метра неизученного слоя, более древней керамики вряд ли стоит ожидать.

Ряд изделий из камня, вполне вероятно, принадлежит римскому обиходу, среди них базальтовый мортарий [1, с. 278, 290–291]. Бросается в глаза и упрощённая ионическая капитель колонны с имитацией каннелюр [1, с. 281 и др.]. Отметим попутно, что работы 2019–2020 гг. позволили детально изучить устройство южной галереи здания и найти здесь остатки мозаичного пола, в том числе — ещё один фрагмент полихромной «циновки», хорошо известной в декорации полов IV–VI вв. (рис. 10).

Вполне вероятно, что зона монументального строительства, «запечатанная» мозаичными полами и фундаментами поздних стен, может содержать более ранний, чем собственно византийский, контекст. Во всяком случае ниже изученных слоёв с горнами, на материке, до которого здесь ещё около метра наслоений, хорошо видны кладки ранее стоявших здесь зданий (рис. 11). Об их дате

Рис. 10. Фрагмент полихромной мозаики в южной галерее

Рис. 11. Кладки фундаментов на материке, видимые в зондажах южной (производственной) части раскопа: а — под метровым слоем византийско-исламской эпохи; б — ниже основания цистерны византийского времени

говорят, возможно, достаточно часто встречающиеся монеты IV в. [1, с. 227]; [12, с. 112, рис. 8].

Вообще в представлениях о нумизматике участка новые работы произвели существенные (хотя, возможно, временные) корректировки. В 2010–2016 гг. на всём участке МПК РФ было собрано более 360 монет (265 определимых, из них 8 — Османского периода и позже), а в 2017, 2019–2020 гг. — ещё 118 (определимых 76). Тем самым, общее число идентифицированных монет со II в. до н.э. по XIV в. н.э. приблизилось к 340 экземплярам. Следует учитывать, что в 2010 г. сборы шли по всей площади (в их ходе найден византийский клад), а начиная с 2011 г. все монеты получены исключительно на базовом раскопе. Общая картина топо-стратиграфии будет предметом отдельного исследования, но ясно, что находки в основном получены из верхних слоев, конца византийского периода и эпохи ислама, и только византийские и исламские монеты рисуют нормальное выпадение, хорошо сочетающееся с керамической статистикой.

В целом же, согласно определению М.Г. Абрамзона, монеты на участке гораздо разнообразнее в хронологическом и географическом отношении, чем на большинстве памятников региона в тот же период.

К 2016 г. из 260 найденных монет было больше всего византийских, 102, причём половина — клад (54 фоллиса). Но вскоре это доминирование оборвалось: из 76 новых найденных, в основном на южном участке, византийских, конца V в. — начала VII в., только 12, в то время как чекана исламских правителей (в основном мамлюков) — более 50; вместе с монетами, учтёнными до 2016 г., их окажется примерно столько же, сколько византийских (120 исламских, 114 византийских). Правда, византийские монеты выпадали около ста пятидесяти лет, а исламские — несколько веков, за вычетом эпохи Аббасидов, монет которых не обнаружено вообще, как и керамики, видимо, со второй половины VIII в. и до оживления в эпоху мамлюков (с ней можно связать и сохранявшиеся в обороте две монеты эпохи Латинских королевств) жизнь на участке прекратилась.

Рис. 12. Из монетных находок 2019–2020 гг.: а — фоллис императора Константина I (306–337 гг. н.э.), чекан 318 г. н.э. (г. Арль), в основании мозаики VI–VII вв.; б — он же на этикетке; в — аверс и реверс монеты; г — прута Ирода Агриппы (38–45 гг. н.э.), 41/42 г. н.э.; д — фоллис Юстина I (318–337 гг. н.э.); е — фоллис 427–428 гг. императора Юстиниана I (427–455 гг.)

Таким образом, на сегодняшний день византийский чекан уже не подавляет остальные, но соседствует с ними. Все византийские монеты медные, фоллисы и их фракции. Ранние принадлежат императору Анастасию I (491–518 гг.). Две трети ложатся в период конца V–VI в. (самая большая группа – Юстиниана I, 527–565 гг.). С началом VII в. (после правления Маврикия, 582–602) поступление монет резко сокращается, хотя есть даже монета Константа Ираклия II (641–668 гг.).

Процент византийских монет в коллекции упал, видимо, временно, по причинам стратиграфического свойства. Но при этом добавление монет римского периода идёт прежним темпом. Это можно объяснить тем, что все они лежат равномерно в византийских и исламских слоях, куда вынесены перекопами. Так что античная коллекция не теряется при сравнении с большим объёмом средневековых монет, но образует всё более заметную группу. Монет римских императоров в сводке 2016 г. учтено 66, т.е. более 18%. В 2019–2020 гг. добавилось ещё 9, и общая цифра (22%) – слишком существенна, чтобы пренебрегать ею. Преобладают по-прежнему монеты IV в. н.э., что может говорить об освоённости участка в поздний римский период (рис. 12).

Могут ли самые древние монеты II в. до н.э. – II в. н.э. указывать на хотя бы частичную включённость территории в процесс развития Иерихонского оазиса? Участок лежит на трассе стока от источника Айн-эс-Султан, сюда подходят крупные арыки от источника и достаточно старая дорога от древнейшего телья. Оттуда, как и от комплексов эпохи Ирода (дворцы на Вади, Кельт, ипподром), не слишком далеко, 1,5–2,0 км. Возможно, прерывистая, но последовательная линия, тянущаяся от эпохи Селевкидов и образующая небольшую группу Хасмонеев и Иродианов (16 монет = 4,5%, включая

время Первого восстания, 66–70 гг. н.э., и монету Агриппы II, 74/75 г. н.э.) всё же не случайна, она может указывать на первичное освоение придорожных участков (об освоении земель см. [13, 14]).

Таким образом, новые наблюдения, полученные при работах 2019–2020 гг., делают общую картину освоения периферийных по отношению к зоне древнейшего телья и пустынных дворцов земель Иерихонского оазиса в первые века христианской эры и в эпоху ислама более сложной, но при этом всё более ясной. Христианский (возможно, монастырский) многослойный объект, несмотря на ряд черт, присущих сельским, менее урбанизированным поселениям, представляется развитым в архитектурном отношении, что дополняется активным индустриальным районом по соседству. В изученном участке, таким образом, можно видеть один из центров развития Иерихона позднеимперского (?) и, безусловно, византийского и исламского периодов.

Завершая обзор работ Иерихонской экспедиции последних лет, нельзя не отметить значительное расширение сферы её деятельности. В орбиту коллектива попали, во-первых, коллекции, составленные российскими первопроходцами в XIX в. и до сих пор не опубликованные (одна хранится в монастыре на Масличной горе [15], другая ожидается на Александрово-Невском подворье в Старом городе Иерусалима, см. [7]), а также не опубликованные или мало интерпретированные дневники, фотоматериалы и другие источники, позволяющие заново оценить ранний этап российских исследований в Сиро-Палестинском регионе (см. [16, 17]). Определённо продвинулось и новое направление, археология русского присутствия, привлекающая всё больше внимания как в России, так и за рубежом, о чём в последние годы говорилось неоднократно [18, 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. / Под ред. Н.А. Макарова. М.: Индрик, 2016.
2. Голофаст Л.А. Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.): Справочник–определитель / Под ред. Л.А. Беляева. М.: Индрик, 2020.
3. Голофаст Л.А., Ворошилов А.Н. О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.) // Российская археология. 2018. № 3. С. 97–100.
4. Taxel I. Late Antique Ionic Column Capitals in the Countryside of Central Palestine between Provincial Trends and Classical Traditions // Studies in Late Antiquity, 2018. Vol. 2, № 1. P. 84–125.
5. Смирнов Я.И. Археологические разведки в Иерихоне на месте Палестинского Общества, произведенные от 12-го по 21-е ноября 1891 года // Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 137–142.
6. Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 1: Путевой дневник Н.П. Кондакова по Сирии и Палестине. Подготовка и комментарии: М.Н. Бутырский; Науч. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2021 (в печати).
7. Голофаст Л.А., Федотов П.В. Внутрь старой фотографии: находки в Иерихоне на снимках 1880–1890-х гг. // Российская археология. 2021. № 3. С. 116–127.
8. Negev A. The Architecture of Mampsis. Final report. Vol. II. The Late Roman and Byzantine periods. Jerusalem, 1988 (Qedem 27).
9. David Tanami D., Tchekhanovets Y. Liturgical furniture // Ben-Ami D., Tchekhanovets Y. Jerusalem. Excavations in the Tyropoeon Valley (Givati Parking Lot). Vol. II. The Byzantine and Early Islamic Periods. Part 1: Stratum V: The Byzantine Period. Jerusalem: Israel antiquities authority, 2020. P. 219–236.
10. Yellin J., Gunneweg J. The Flower Pots from Herod's Garden at Jericho // Israel Exploration Journal. № 1. 1989. P. 39–87.
11. Taylor R. Movement, vision, and quotation in the gardens of Herod the Great // Le jardin dans l'antiquité. Vandœuvres, 2014 (Entretiens sur l'antiquité classique, LX). P. 145–186.
12. Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Максимова А.А. К 10-летию Иерихонской экспедиции ИА РАН: работы 2019–2020 гг. // Российская археология. 2021. № 3. С. 102–115.
13. Jennings M. Beyond the walls of Jericho: Khirbet al-Mafjar and the signature landscapes of the Jericho plain. Chicago, 2015. (PhD thesis).
14. Савельев Н.И. Ирригационные сооружения исламского периода: опыт сравнительного подхода // Российская археология. № 3. 2021. С. 143–155.
15. Чехановец Я., Беляев Л.А. Палестинский музей Антонина Капустина: состояние исследований и перспективы изучения // Византийский временник. Византизм и современность. Т. 103. 2019. С. 228–255.
16. Вах К.А. Арка на участке русских раскопок у храма Воскресения в Иерусалиме и её реставрация в 1880–1890-е гг. // Российская археология. 2021. № 3. С. 127–142.
17. Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация / Авт.-сост. Л.А. Беляев, К.А. Вах, Я. Чехановец. М.: Индрик, 2021 (в печати).
18. Беляев Л.А. Русская археология Палестины // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 51–64.
19. Беляев Л.А., Чехановец Я. Этноархеология русских в Сиро-Палестинском регионе XVIII–XIX вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 2. С. 99–107.

ENGLISH

Work of the Jericho Archaeological Expedition: 2019–2021

Leonid A. Belyaev – Doctor of Science (History), Head of the Department of the Institute of Archaeology RAS, head of the research project of RFBR “Russian Archaeology in the Holy Land: Research History, Recent Studies and Development” (18-09-40075).
E-mail: labeliaev@bk.ru

The article presents the main results of the excavations of the expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in 2019–2021. The expedition has been working at the site of the Museum and Park Complex of the Russian Federation since 2010. The first stages of the work are fully reflected in the 2016 monograph [1]. The new stage compelled researchers to abandon the idea of the site as a single-layer monument of the Byzantine period. It is, rather, a multi-layered site, in which the Byzantine and Islamic periods are of equal importance. Accordingly, they are presented on two adjacent plots. The first is a Christian architectural complex from the 6th–7th centuries with a church, polychromic mosaics, and stone colonnades. It existed until the middle of the VIII century. At the same time, an industrial area with kilns for firing pottery and furnaces for smelting iron ore rapidly replaced each other. This production existed in the early Islamic period. In the Abbasid era the site was unpopulated but continued to be an active site during the Mameluke period. Also, the architectural fragments, coins and partly pottery allow us to expect late Roman (4th century) finds in the lower levels of the site.

Keywords: Byzantine archaeology, Islamic period, ceramic production, numismatics, Christian architecture, mosaics

REFERENCES

1. Belyaev L.A. Vizantijskij Ierihon: raskopki spustya stoletie. Materialy Rossijsko-Palestinskoj arheologicheskoj ekspedicii 2010–2013 gg. / Pod red. N.A. Makarova. Moscow: Indrik, 2016. 500 s. (in Russian).
2. Golofast L.A. Keramika Ierihona pozdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.): Spravochnik–opredelitel' / Pod red. L.A. Belyaeva. Moscow: Indrik, 2020 (in Russian).
3. Golofast L.A., Voroshilov A.N. O vremeni funkcionirovaniya goncharnoj masterskoj v Ierihone (po materialam raskopok 2017 g.) // Rossijskaya arheologiya. 2018. № 3. S. 97–100 (in Russian).
4. Taxel I. Late Antique Ionic Column Capitals in the Countryside of Central Palestine between Provincial Trends and Classical Traditions // Studies in Late Antiquity. 2018. Vol. 2, № 1. P. 84–125.
5. Smirnov YA.I. Arheologicheskie razvedki v Ierihone na meste Palestinskogo Obshchestva, proizvedennye ot 12-go po 21-e noyabrya 1891 goda // Kondakov N.P. Arheologicheskoe puteshestvie po Sirii i Palestine. St. Petersburg, 1904. S. 137–142 (in Russian).
6. Materialy k istorii nauchnoj ekspedicii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Siriyu i Palestinu v 1891 g. Ch. 1: Putevoj dnevnik N.P. Kondakova po Sirii i Palestine. Podgotovka i kommentarii: M.N. Butyrskij; Nauch. red. L.A. Belyaev. Moscow: Indrik, 2021 (v pechati) (in Russian).

7. Golofast L.A., Fedotov P.V. Vnutr' staroj fotografii: nahodki v Ierihone na snimkah 1880–1890-h gg. // Rossijskaya arheologiya. 2021. № 3. S. 116–127 (in Russian).
8. Negev A. The Architecture of Mamfisis. Final report. Vol. II. The Late Roman and Byzantine periods. Jerusalem, 1988 (Qedem 27).
9. David Tanami D., Tchekhanovets Y. Liturgical furniture // Ben-Ami D., Tchekhanovets Y. Jerusalem. Excavations in the Tyropoeon Valley (Givati Parking Lot). Vol. II. The Byzantine and Early Islamic Periods. Part 1: Stratum V: The Byzantine Period. Jerusalem: Israel antiquities authority, 2020. P. 219–236.
10. Yellin J., Gunneweg J. The Flower Pots from Herod's Garden at Jericho // Israel Exploration Journal. № 1. 1989. P. 39–87.
11. Taylor R. Movement, vision, and quotation in the gardens of Herod the Great // Le jardin dans l'antiquité. Vandœuvres, 2014 (Entretiens sur l'antiquité classique, LX). P. 145–186.
12. Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Maksimova A.A. K 10-letiyu Ierihonskoj ekspedicii IA RAN: raboty 2019–2020 gg. // Rossijskaya arheologiya. 2021. № 3. S. 102–115 (in Russian).
13. Jennings M. Beyond the walls of Jericho: Khirbet al-Mafjar and the signature landscapes of the Jericho plain. Chicago, 2015. (PhD thesis).
14. Savel'ev N.I. Irrigacionnye sooruzheniya islamskogo perioda: opyt sravnitel'nogo podhoda // Rossijskaya arheologiya. № 3. 2021. S. 143–155 (in Russian).
15. CHekhanovec YA., Belyaev L.A. Palestinskij muzej Antonina Kapustina: sostoyanie issledovaniy i perspektivy izucheniya // Vizantijskij vremennik. βυζαντινα χρονικα. T. 103. 2019. S. 228–255 (in Russian).
16. Vah K.A. Arka na uchastke russkih raskopok u hrama Voskreseniya v Ierusalime i eyo restavraciya v 1880-e – 1890-e gg. // Rossijskaya arheologiya. 2021. № 3. S. 127–142 (in Russian).
17. Russkie raskopki u hrama Voskreseniya v Ierusalime: istochniki, diskussii, sovremennaya interpretaciya / Avt.-sost. L.A. Belyaev, K.A. Vah, YA. CHekhanovec. Moscow: Indrik, 2021 (v pechati) (in Russian).
18. Belyaev L.A. Russkaya arheologiya Palestiny // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. № 2 (95). S. 51–64 (in Russian).
19. Belyaev L.A., CHekhanovec YA. Etnoarheologiya russkih v Siro-Palestinskom regione XVIII–XIX vv. // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2020. T. 48. № 2. S. 99–107 (in Russian).

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2021-105-03-154-159

В.В. КОНДРАШИН*

Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2021. Т. 1–3**

Ключевые слова: энциклопедия, Россия, Гражданская война, Российское историческое общество, современное состояние историографии проблемы

При поддержке РФФИ под грифом Российского исторического общества, Федерального архивного агентства, Российского государственного архива социально-политической истории, Института российской истории РАН и издательства «РОССПЭН» вышли в свет три тома энциклопедии «Россия в Гражданской войне. 1918–1922». Данное издание продолжило традицию энциклопедического изложения достижений отечественной историографии в области изучения указанной проблемы с участием больших коллективов исследователей [1–3]. В его подготовке участвовали более 150 специалистов из ведущих научных и научно-образовательных учреж-

дений России, а также из республик Беларусь и Украина.

Содержание томов убедительно свидетельствует, что новая энциклопедия Гражданской войны в России — это прежде всего отражение современного состояния отечественной историографии проблемы. По широте тематики и глубине анализа она очень похожа на ставшую для своего времени классической «советскую» энциклопедию «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (1983 г.). Но тогда в создании энциклопедии были задействованы гораздо большие научные силы — 278 авторов.

Спустя несколько десятилетий «советская» энциклопедия была взята за основу

при создании четырёхтомной энциклопедии «Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг.», опубликованной в 2008 г. издательством «Терра». Составители этой энциклопедии включили почти все статьи из «советской», заменив в новой редакции прежние идеологизированные оценки описываемых событий и персоналий на нейтральные, сохранив при этом ссылки на «советскую литературу». Во многих случаях перепечатанные тексты начинались с фразы: «принятое в советской историографии название» [2]. Тем не менее четырёхтомная энциклопедия издательства «Терра» заслуживает положительной оценки, поскольку в ней впервые в отечественной историографии была осуществлена попытка восполнить пробел предыдущего издания и всей советской историографии, возникший из-за недостаточного внимания к противникам большевиков в Гражданской войне.

В то же время это издание имеет существенные недостатки. Главный из них — это отсутствие развёрнутого исторического предисловия к опубликованным статьям. Поэтому читателю не ясны принципы их тематического отбора, не понятна авторская позиция по ключевым аспектам Гражданской войны. В предисловии не говорится об особенностях источниковой базы энциклопедии [2].

В рецензируемом издании подобных недостатков нет. Уже в эпиграфе на первой странице первого тома указывается, что энциклопедия посвящается «памяти всех граждан России, павших и выживших в годы Гражданской войны», т.е. заявляется о стремлении авторского коллектива встать «над схваткой», о попытке объективно, на достоверных источниках рассказать обо всех участниках и свидетелях Гражданской войны.

Об этом же идёт речь в кратком предисловии к тому председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина, а также в развёрнутом историческом предисловии редакцион-

ной коллегии тома. В частности, С.Е. Нарышкин отмечает: «Трёхтомная энциклопедия “Россия в Гражданской войне. 1918–1922”, первый том которой вы держите в руках, суммирует все накопленные на сегодняшний день сведения об основных этапах и событиях этого конфликта, его основных действующих лицах, их политических и экономических программах, национальных движениях на окраинах бывшей империи и иностранной интервенции».

Из развёрнутого исторического предисловия редколлегии читатель узнаёт о цели издания, научной концепции авторского коллектива, наиболее важных фактах и событиях Гражданской войны, изложенных в тематических статьях. В данном контексте тома рецензируемой энциклопедии имеют как общие черты, так и отличия по сравнению с предшествующими энциклопедическими изданиями на данную тему.

Общим является стремление редколлегии и авторского коллектива к наибольшей полноте освещения событий Гражданской войны, а также привлечение для достижения этой цели лучших отечественных специалистов.

Отличия заключаются в осуществлённом авторским коллективом более глубоком и всестороннем анализе событий на основе использования разнообразных и достоверных источников, в отказе от идеологического подхода к оценке событий и участников Гражданской войны, в стремлении дать читателю новые знания по самым разнообразным аспектам этой трагической и судьбоносной для России странице отечественной истории.

Ещё одно отличие — это приоритет, отданный развёрнутым и аналитическим статьям, отказ редколлегии от мелкотемья и повторения уже хорошо известных не только специалистам, но и широкой общественности событий и персоналий Гражданской войны, т.е. стремление к научной новизне публикуемых статей.

* Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН.
E-mail: vikont37@yandex.ru

**Проекты 20-19-00115, 21-19-00082, 21-19-00083.

В рецензируемом издании опущен целый ряд статей из советской энциклопедии. Среди них статьи о партийных, советских, военных работниках большевистского лагеря, интернационалистах и деятелях Коминтерна, организационных структурах, конференциях и съездах РКП(б), выступлениях и работах В.И. Ленина, воинских подразделениях Красной армии (дивизий, полков и т.п.), конкретных видах вооружений и боевой техники (броневые автомобили, винтовка, бронепоезд, бомбомёт и др.), о промышленных предприятиях военного назначения (за исключением Тульского оружейного завода), кораблях речных флотилий («Андрей Первозванный», «Борец за свободу», «Ваня», «Волгарь-доброволец» и др.).

Также в первом томе нет тематических статей из предыдущих изданий, посвящённых ряду крупных военных операций на фронтах Гражданской войны: августовскому наступлению Восточного фронта в 1918 г., Белебеевской и Воронежско-касторненской операциям 1919 г. и др.

По сравнению с предшествующими энциклопедиями не представлен ряд статей, связанных с так называемым классовым подходом к истории Гражданской войны («диктатура пролетариата», «государственный капитализм», «беднота», «буржуазия» и т.д.).

В блоке статей по национальной тематике данного издания не освещены имевшие место в предыдущих изданиях сюжеты об армяно-азербайджанском, армяно-грузинском конфликтах, армяно-турецких войнах 1918–1920 гг., национальном движении «Алаш» в Казахстане и др.

В трёх томах энциклопедии место не включённых из советской энциклопедии статей заняли статьи, обобщающие их материал, или новые по тематике и содержанию, в том числе переработанные и дополненные из опубликованных в энциклопедии издательства «Терра». В последнем случае статьи написаны на основе использования новых источников и с новыми концептуальными оценками.

Главным достоинством рецензируемого энциклопедического издания являются новые знания по истории Гражданской войны в России. Прежде всего — это новые знания о противниках большевиков в Гражданской войне: представителей белого движения, антибольшевистских и национальных партий, священников и др. Вторая группа статей данного плана — это как ограниченные по объёму, так и развёрнутые статьи о деятелях науки и культуры, культурной жизни страны в годы Гражданской войны. Именно на эти аспекты проблемы сделали акцент составители энциклопедии. И это вполне оправдано, поскольку указанные аспекты в меньшей степени освещались в предшествующих энциклопедических изданиях.

Уделив больше внимания антибольшевистскому лагерю и отказавшись от воспроизводства узкотематических статей «советской» энциклопедии, редколлегия трёхтомника попыталась сохранить сбалансированный подход к освещению основных противоборствующих в Гражданской войне сторон. Это позволило осветить события Гражданской войны более объективно и всесторонне, с подлинно научной позиции.

Её подтверждением является включение в том крупных статей о сопоставимых по форме событиях в красном и белом лагерях («Авиация в годы Гражданской войны. Авиация красных. Авиация белых», «Агитационно-массовое искусство РСФСР и Белого движения», «Аграрная политика “белых” правительств», «Аграрно-продовольственная политика советской власти», «Вероисповедная политика антибольшевистских правительств», «Вероисповедная политика советского государства и советских республик», «Государственные символы России в годы Гражданской войны», «Награды периода Гражданской войны», «Правотворчество и правоприменение в годы Гражданской войны», «Северный фронт», «Социальная политика в годы Гражданской войны», «Террор в годы

Гражданской войны», «Цензура» и т.д.). Подобный подход — несомненное достоинство рецензируемого издания.

Ещё одним достоинством является отказ авторского коллектива от штампов «классового подхода» советской историографии и хорошо проработанный в энциклопедии понятийный аппарат. Например, в статьях, посвящённых рабочим и крестьянским восстаниям против политики «военного коммунизма», читатель не увидит прежних их оценок, как «кулацко-эсеровских», «антисоветских», «контрреволюционных мятежей», поскольку при написании этих статей были использованы современные исследования на эту тему российских историков, доказавших самостоятельный и общекрестьянский характер крестьянского движения в Советской России в годы Гражданской войны. Точно также в статьях о новых национальных государственных образованиях не используется употребляемое в прежних энциклопедиях определение «буржуазная республика».

В рецензируемом издании выделяются статьи, посвящённые деятелям культуры и состоянию её различных направлений в рассматриваемый период. Они опубликованы с использованием наглядного материала, характеризующего их творчество, значительны по объёму, по сравнению с предшествующими подобного рода изданиями (статьи о Б.В. Анненкове, А.П. Аписит, Н.Н. Асееве, братьях Весниных, А.К. Глазунове, о кинематографе и др.).

В трёх томах энциклопедии значительное число статей содержит информацию, отсутствующую в предыдущих энциклопедических изданиях. В них рассказывается о ранее неизвестных широкой общественности участниках Гражданской войны с той и другой стороны, деятелях науки и культуры, священнослужителях, антибольшевистском движении и других фактах.

Например, ранее в изданных по истории Гражданской войны в России энциклопедиях не освещались такие аспекты проблемы, представленные в рецензируе-

мом трёхтомнике, как концентрационные лагеря, погромы еврейского населения, расказачивание.

Из группы статей, содержащих новые знания, следует выделить те, что посвящены антибольшевистскому лагерю в годы Гражданской войны. В энциклопедии они заметно преобладают над остальными. Это статьи об активистах Белого дела и членах антибольшевистских партий: деятелях белого движения Н.А. Галкине, Г.К. Гинсе, М.А. Гришине-Алмазове, Ф.А. Келлере, М.П. Саблине и др., меньшевиках Б.С. Васильеве, А.Ф. Девяткине, М.С. Егорове-Лызлове и др., об эсерах А.А. Зверине, Д.Д. Донском, И.И. Жуковском-Жуке и др., анархисте И.М. Гейцмане и т.д.

Заслуживают внимания ранее не опубликованные в энциклопедиях по истории Гражданской войны статьи о воинских подразделениях Белого движения («Именные (“Цветные”) части белых армий Юга России»), а также его правительственных учреждениях («Министерства Российского правительства», «Российское правительство» и др.).

Из новых статей энциклопедии читатели получат более полное представление о таких деятелях науки и культуры России периода Гражданской войны, как экономист А.А. Чайнов, биофизик А.Л. Чижевский, инженер К.Н. Ванифатьев, архитекторы Н.Д. Виноградов, М.Я. Гинзбург, И.А. и П.А. Голосовы, художники И.А. Владимири, М.Ф. Ларионов, Л.М. Лисицкий, Н.И. Фешин, литераторы М.Ф. Вишняк, В.В. Завадский, юрист П.В. Гидулянов и др. В этом же ряду ранее не опубликованные в энциклопедиях по истории Гражданской войны статьи об имажинизме и его представителях.

Впервые публикуются статьи о видных священнослужителях Русской православной, старообрядческой, Армяно-григоринской церквей: епископах Владимире (Путяте), Иларионе (В.А. Троицком), митрополите Георгии, епископе Геронтии (старообрядческом), армянском патриархе Геворге V и др., о протестантских

организациях, деятельности в годы Гражданской войны Римско-католической церкви в России и Русской православной церкви за границей.

Несомненный интерес читателей вызовут ранее не публиковавшиеся в энциклопедиях статьи по истории антибольшевистского протестного движения в годы Гражданской войны на подконтрольной большевикам территории страны: о мятеже Вакулина, восстании «Голодающих крестьян Поволжья», «Дубинной войне», «Жилиевщине», движении рабочих уполномоченных, «Огольцовщине», «Перемском» и «Рогачевском» восстаниях, «Чапанной войне» и др., а также их руководителях П.К. Лубкове, И.П. Новосёлове, А.В. Сапожкове, Я.М. Фомине, С.Н. Яковлеве-Сарафанкине и др.

В блоке новых тематических статей трёхтомника есть материалы и об участниках Гражданской войны с советской стороны. Это статьи о красных командирах К.М. Волобуеве, А.С. Воротникове, Я.А. Грейере, Д.Г. Евсееве, М.М. Загю, советских и партийных служащих Б.Д. Воскресенском, Г.Д. Дубелире, А.И. Емшанове, Ф.А. Земитсе и др. К данным статьям следует добавить очень насыщенную новым фактическим материалом и обширную по объёму статью о 25-й чапаевской стрелковой дивизии (хотя на эту тему и имелись уже статьи в энциклопедиях 1983 и 2008 гг. издания).

Среди статей рассматриваемого блока, содержащих информацию, отсутствующую или слабо представленную в предыдущих энциклопедических изданиях на тему Гражданской войны в России, следует особо выделить статьи «*Демографические процессы в годы Гражданской*

войны», «*Землячества армейские*», отличающиеся научной новизной представленных фактов.

Содержание всех трёх томов рецензируемого издания убедительно свидетельствует, что авторский коллектив успешно реализовал задачу систематизации и анализа имеющихся в современной историографии фактов о феномене Гражданской войны в России, нашёл приемлемую и доступную форму их подачи читателю, в целом выдержал высокий научный уровень подобного рода изданий. В то же время ряд статей в энциклопедии вызывает вопросы. Непонятно, почему в издание не вошли статьи о будущих маршалах СССР, воевавших на фронтах Гражданской войны, хотя и не на высоких командных должностях: И.Х. Баграмяне, А.М. Василевском, Л.А. Говорове, Г.К. Жукове, М.В. Захарове. Такая же ситуация с известным деятелем Белого дела С.Н. Булак-Балаховичем, а также советским писателем А.П. Гайдаром.

Возможно, редколлегия рецензируемого издания посчитала, что вышеназванные персоналии уже широко известны читателю и важнее представить его вниманию статьи на другие темы, менее известные и не затронутые в должной мере в предыдущих энциклопедиях. Но тогда об этом следовало бы сказать в предисловии к изданию.

Высказанные замечания не меняют общую высокую оценку новой энциклопедии «Россия в Гражданской войне. 1918–1922». Она в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к энциклопедическим изданиям академического формата. Её выход в свет — несомненный успех авторского коллектива и российской исторической науки в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983.
2. Революция и Гражданская война в России. 1917–1923: Энциклопедия: В 4 т. / Гл. ред. С.А. Кондратов. М.: Terra, 2008.
3. Гражданская война в России. Энциклопедия катастрофы / Сост. и отв. ред. Д. Володин. М.: Сибирский цирюльник, 2010.

ENGLISH

Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia: In 3 volumes / Ed. A.K. Sorokin. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. Vol. 1–3

Viktor V. Kondrashin — Doctor of Science (History), Chief Researcher, Head of the Center for Economic History of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: vikont37@yandex.ru

Keywords: encyclopedia, Russia, Civil War, Russian historical society, current state of the historiography of the problem

REFERENCES

1. Grazhdanskaya voyna i voennay intervenziya v SSSR: Enziklopediya / Gl. red. S.S. Hromov. Moscow: Sovetskaya enziklopediya, 1983.
2. Revoluziya i grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1923: Enziklopediya: V 4 t. / Gl. red. S.A. Kondratov. Moscow: Terra, 2008.
3. Grazhdanskaya voyna v Rossii. Enziklopediya / Sost. i otv. red. D. Volodihin. Moscow: Sibirskiy zirulnik, 2010.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

**Гуманитарные и общественные науки
2021, № 3 (105)**

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет изготовлен ООО «Эко-Вектор Ай-Пи».
191186, Санкт-Петербург, Аптекарский пер., д. 3, литера А, помещение 1Н,
тел. (812) 648-83-68. E-mail: info@eco-vector.com

Подписано в печать 15.09.2021. Формат 60×90^{1/8}.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 1-6192-lv

Отпечатано в ООО «Типография Фурсова».
196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 69,
тел.: (812) 646-33-77. E-mail: lv@express-reklama.ru